

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1986

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ—1986

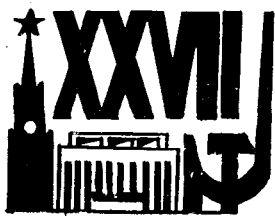
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕНДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова. 31. Академгородок.

К XXVII СЪЕЗДУ КПСС

XXVII съезд КПСС явился переломным в истории и жизни партии и страны. Подведя итоги грандиозным свершениям нашего народа за годы Советской власти во всех сферах его жизни и трудовой деятельности и подвергнув справедливой критике все то, что мешает дальнейшему успешному и ускоренному движению нашего общества по пути созидания и процветания, съезд наметил величественную программу дальнейшего развития страны до конца текущего столетия.

На партийном форуме была дана принципиальная оценка достижениям нашего общества и в области гуманитарных наук, указаны основные направления их дальнейшего развития.

Все сказанное на съезде о состоянии и перспективах развития гуманитарных наук в нашей стране в полной мере относится и к тюркологии.

Советская тюркология, наследница и продолжательница лучших передовых традиций отечественной русской тюркологической науки, занимает почетное место в мире. О значении этой науки в духовной жизни нашего общества говорит тот красноречивый факт, что тюркские языки по числу говорящих на них занимают в нашей стране второе место после славянских. И это совершенно естественно, ибо родиной почти всех тридцати тюркоязычных народов и народностей (кроме турецкого) является наша многонациональная страна. Родным языком коренного населения пяти союзных республик (из пятнадцати) являются тюркские языки. На тюркских языках говорят граждане и ряда автономных республик и областей. К выдающимся достижениям Советской власти в области науки и культуры, как результат последовательно проводимой партией ленинской национальной политики, следует отнести рост высококвалифицированных национальных кадров ученых по многим отраслям науки, в том числе и тюркологии. В содружестве со своими многоопытными русскими коллегами из Москвы и Ленинграда филологи тюркоязычных республик и областей ставят и решают в настоящее время важные актуальные задачи и проблемы тюркологической науки.

Определенные успехи советскими тюркологами были достигнуты и в годы последней пятилетки. Ниже публикуется коллективная статья о достижениях тюркологического языкознания в нашей стране за последние пять лет, печатаются также краткие обзорные статьи, подводящие итоги проводившимся тюркологическим исследованиям по филологии в последнем пятилетии по тюркоязычным союзным и некоторым автономным республикам, приводятся сведения о планах на ближайшее будущее.¹

Политический доклад XXVII съезду КПСС, с которым выступил генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, открыл широкие перспективы для успешного и ускоренного развития наук в нашей стране. Нет сомнения, что и советские тюркологи, наряду с учеными других отраслей науки, приложат все силы, чтобы добиться новых успехов в своей научной деятельности и закрепить за советской тюркологической наукой ее ведущее приоритетное место в мире.

---

¹ Аналогичные информации по другим тюркоязычным автономным республикам и областям будут публиковаться по мере их поступления в редакцию.

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В СССР В XI ПЯТИЛЕТКЕ. ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

Становление и развитие тюркского языкознания в советскую эпоху непосредственно связано с решением ряда насущных практических задач, возникших при реализации ленинской национальной политики в области преподавания родного языка и его функционирования в общественно-политической жизни тюркоязычных народов и народностей.

Социолингвистический анализ функционирования и развития тюркских языков. Данное сравнительно новое направление в тюркском языкознании стало привлекать к себе все большее внимание советских тюркологов.

Взаимодействие тюркских языков между собой и с русским языком в эпоху развитого социализма в СССР — это явление исключительного значения как для языкознания, так и для социологии. Тюркские языки с их длительной историей дают исследователю интересный и важный материал для изучения процессов функционального и внутривидового развития языков социалистических наций, особое влияние на которые оказывает русский язык как средство межнационального общения. Изучению влияния русского языка на развитие тюркских языков, особенно письменно-литературных языков, посвящены многочисленные исследования, имеющие и определенное практическое значение.

Расширение общественных функций литературных языков народов СССР обогатило эти языки разнообразной терминологией, охватывающей все отрасли экономики, науки и культуры. Бурное развитие художественной, общественно-политической, научной литературы, многообразие форм использования литературных языков привели к перестройке некоторых фонетических и синтаксических норм в тюркских языках. В работах тюркологов теоретически подкрепляется и фактически обосновывается выдвинутое советскими социолингвистами положение о зависимости уровня внутривидового совершенства языка от объема выполняемых им общественных функций, рассматриваются более или менее значительные перестройки в фонетике, грамматике, лексике тюркских языков.

В настоящее время перед тюркологами-лингвистами стоят важные задачи практического характера: расширение терминологической базы национальных тюркских языков, дальнейшая нормализация литературных языков, совершенствование культуры устной и письменной речи. В этом отношении следует отметить работу научно-исследовательских коллективов по изучению терминологии и составлению одноязычных и

русско-национальных двуязычных словарей. Исследуются процессы развития и нормализации лексики, грамматики, орфоэпии, орфографии и пунктуации тюркских литературных языков. Этим вопросам, а также ортологической оценке спорных случаев употребления отдельных языковых явлений посвящен ряд монографий, сборников, научно-популярных изданий. В вышедших сравнительно недавно двух коллективных трудах по вопросам алфавитов и орфографий высказаны интересные мысли о совершенствовании алфавитов и правил правописания тюркских языков. Авторы справедливо подчеркивают необходимость унификации алфавитов и решения целого ряда вопросов орфографии.

Многочисленные переводы с русского языка общественно-политической, художественной, технической литературы на тюркские языки (равно как и на другие языки) играют положительную роль, оказывая благотворное влияние на развитие и обогащение синтаксиса, морфологии, фонетики и лексики тюркских языков. Эта проблематика занимает важное место в работах тюркологов. В ряде диссертационных работ, монографических исследований, статей раскрывается прогрессивная роль русского языка в обогащении словарного состава, совершенствовании терминологических систем, развитии грамматики, расширении стилистических возможностей тюркских языков.

Исследование грамматики и фонетики тюркских языков в синхронном плане. Создание научно-теоретических трудов, а также практических пособий по данной проблеме является одной из важных задач советского тюркского языкознания, которая в основном успешно решается.

70—80-е годы ознаменованы появлением новой серии грамматик, написанных коллективами ученых тюркоязычных республик и представляющих собой серьезные, а во многих случаях и фундаментальные исследования грамматического строя языков: казахского (Алма-Ата, 1962), татарского (М., I, 1969; II, 1971), азербайджанского (Баку, 1971 — на русском языке; трехтомник на азербайджанском языке — вышли в свет два тома: I, 1978; II, 1982), хакасского (М., 1975), карачаево-балкарского (Нальчик, 1976), узбекского (в двух томах на узбекском языке — Ташкент, 1976), башкирского (М., 1981), якутского (М., 1982), туркменского (на русском языке — Ашхабад, 1970; на туркменском языке — Ашхабад, 1977). Следует подчеркнуть, что работа над грамматиками (как и над словарями) активно функционирующих тюркских языков должна вестись в соответствующих научных коллективах постоянно. Углубление и накопление знаний, фиксация объективных изменений в языке, совершенствование приемов описания — все это должно осуществляться в исследованиях более частного порядка, которые затем с определенной периодичностью (10—15 лет) необходимо обобщать в фундаментальных академических грамматиках, параллельно разрабатывая и проблемы нормативности.

Заметны достижения в области изучения фонетического строя тюркских языков, прежде всего с использованием экспериментальных методов. Расширение сети лабораторий экспериментально-фонетических исследований (наряду с Ленинградом и Москвой — Новосибирск, столицы тюркоязычных союзных и автономных республик и областей и некоторые другие города), оснащение их разнообразной аппаратурой, подготовка квалифицированных кадров, совершенствование инструментальных приемов и методики анализа позволили уже выполнить большое число работ, затрагивающих отдельные стороны (вокализм, консонантизм, акцентуация и т. п.) или фрагменты (длительность гласных, характер противо-

поставления согласных и т. п.) звуковых систем. На основе экспериментальных методов изучаются физико-акустические характеристики гласных, выявляются семантико-дифференциальные признаки долгих и кратких гласных тюркских языков, новыми методами исследуются фонологодистрибутивная, артикуляционная, спектральная и временная характеристики отдельных групп согласных. Интересные данные получены в результате экспериментального анализа физико-акустических структур и дифференционных признаков интонации ответных слов и предложений, побудительных слов и предложений, разработаны вопросы ассимиляции слогов и слоговых структур, интонации однородных членов простых предложений. Немало сделано и в области экспериментального изучения языковых систем ряда тюркских языков. Приходится только сожалеть, что обобщение полученных данных идет медленно, и создание подобных трудов по многим тюркским языкам пока остается насущной задачей наших фонетистов. Отрадно, что исследованиями охвачены и некоторые диалекты, существенно отличающиеся от соответствующих литературных языков — речь долган, шорцев, барабинцев, телеутов, кумандинцев и др.

Привлечение нового исследовательского материала по всем аспектам языка, рост фактологической базы способствуют неуклонному повышению теоретического и методического описания языковых явлений всех уровней. Немалую роль играет и широкое обсуждение целого ряда узловых вопросов тюркской грамматики. В области морфологии — это теория частей речи и функциональных форм, теория грамматических и лексико-грамматических категорий (залога, числа, вида и аспекта и т. п.), морфологическая структура слова и т. д. В области синтаксиса — это теория словосочетания и предложения (особенно сложного и сложноподчиненного), разработка которых на широком и разнообразном материале во многом остается заслугой советских тюркологов. Весьма актуальна здесь задача четкого разграничения разновидностей предложения — простого, осложненного и сложного. В этой связи дает о себе знать старый, нерешенный до конца вопрос о различии между именными и глагольными предложениями, а также о природе функциональных форм глагола — причастии, деепричастии, глагольном имени (масдары), образующих конструкции с грамматически выраженным подлежащим или без него.

При решении вопроса о природе сложного предложения необходимо иметь в виду малое количество подчинительных союзов тюркского происхождения; в современных тюркских литературных языках, развивавшихся под определенным воздействием арабского и персидского языков, подчинительные союзы в основном заимствованы из этих языков; союзные сложноподчиненные предложения соответствуют строю сложного предложения индоевропейских языков. Что же касается бессоюзного сложноподчиненного предложения, то в этом случае его структура определяется специалистами по-разному: для решения этой важнейшей проблемы требуются коллективные усилия многих тюркологов.

В тюркологии появились первые работы по перспективному направлению — семантические исследования синтаксиса (ср., например, работы И. Х. Ахматова).

Исследование звукового и грамматического строя тюркских языков ведется также в сравнении с индоевропейскими — индоевропейскими языками, что отвечает актуальным требованиям преподавания родного и иностранных языков в средней и высшей школе тюркоязычных республик и областей Советского Союза. Особое значение в тюркских конт-

растивных исследованиях имеет сопоставительное изучение фонетики и грамматики русского и тюркских языков. Следует в этой связи отметить двухтомную «Сравнительную грамматику русского и туркменского языков» (т. I—1963, т. II — 1977). Возрастание роли русского языка как средства межнационального общения в нашей стране выдвинуло задачи дальнейшего углубленного исследования взаимодействия русского и национальных языков на уровне языка и речи. В настоящее время исследуются особенности русской речи тюрк-билингвов с целью выявления интерферентных явлений на различных структурных ярусах языка, вызванных воздействием родного языка на вторую речь билингвов. Дальнейшие достижения этой важной отрасли тюркского языкознания связаны с углубленной разработкой методики подобных работ.

Сравнительно-историческая и историческая фонетика и грамматика тюркских языков. Данные отрасли достаточно активно развиваются в последние десять-пятнадцать лет. За годы, прошедшие после III Всесоюзной тюркологической конференции (1980) была издана фундаментальная «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика» (М., 1984), содержащая наиболее реальные реконструкции на фонетическом уровне. Книга подготовлена авторским коллективом сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР. В настоящее время находятся в производстве вторая и третья части четырехтомной «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (Морфология, Синтаксис) и завершается в этом году подготовка последней — четвертой части (Лексика).

В настоящее время перед тюркской компаративистикой стоит еще немало нерешенных проблем, как, например, установление критериев определения древности форм, способов расположения реконструируемых архетипов в одной хронологической плоскости, способов отделения древних реликтовых явлений от новообразований, отработка метода относительной хронологии появления звуков, слов, форм, определения исконных черт и отграничение их от особенностей, возникших под влиянием других языков, реконструкция промежуточных образований и т. д.

Заслуживает внимания работа, проводимая в последние годы по сравнительному изучению тюркских языков юго-западной группы. Это направление в туркменском языкознании было начато А. П. Поцелуевским в его известных статьях по сравнительной грамматике тюркских языков. Достигнуты определенные результаты и продолжается работа по типологическому анализу времен глагола, имен действия, причастных форм в туркменском, азербайджанском, турецком и гагаузском языках. Завершена работа по сравнительному изучению косвенных наклонений, синтаксических конструкций с неличными формами глагола. Результаты проведенных исследований могут быть использованы при написании соответствующих разделов сравнительной грамматики тюркских языков.

Историческая фонетика и грамматика отдельных тюркских языков, несмотря на некоторые, в том числе удачные опыты, все еще являются объектом лишь предварительных изысканий. Это во многом объясняется тем, что тюркские письменные памятники в большинстве своем не представляют единой линии развития с современными языками. В XIII—XIV веках в Золотой Орде, Средней Азии и Египте возникла довольно обширная литература, лингвистической основой которой были смешанные языки: огузско-кыпчакский, кыпчакско-огузский, огузско-туркменский, чагатайский, карлукско-уйгурский. Эта пестрая, неоднородная картина развития языка тюркских литературных памятников

весьма осложняет задачу создания обобщающего исследования по истории тюркских языков.

В XVII веке и позднее начинают складываться основные типы тюркских языков, получивших впоследствии статус национальных языков и языков народностей. Исследование истории сложения этих языков является одной из первоочередных задач.

В связи с историей образования и развития чувашского и татарского языков продолжается обсуждение проблемы отношения названных языков к языку булгар. С сожалением следует отметить, что тюркологи пока еще мало занимаются хазарской проблемой.

Исследование исторической грамматики требует большой предварительной работы: необходимо подготовить свод диалектных данных по фонетике, грамматике и лексике отдельных тюркских языков и свести их в компендиум, представляющий семью тюркских языков в целом. То же следует проделать в отношении памятников тюркской письменности, прежде всего чагатайской поры. Необходимо исследование истории литературных языков.

Продолжение исторических исследований находится в прямой зависимости от разработанности **тюркского лингвистического источниковедения**, основная задача которого заключается в выявлении, археографическом описании, изучении и издании по строго определенной единообразной схеме памятников тюркской письменности всех жанров: поэзии, прозы, исторических хроник, словарей, глоссариев, грамматических трактатов.

При подготовке к изданию рукописных памятников встает **проблема тюркской текстологии** — основа основ исследования любого подобного текста. Текстологическому изучению тюркских памятников письменности уделяется сравнительно немного внимания, хотя и в этой области отмечается некоторое оживление (работы П. Шамсиева, Х. Сулейманова, С. С. Джикия, Г. Араслы, К. Каримова, М. Тахмасиба, Дж. В. Магарамова, Е. И. Маштаковой, Ф. А. Салимзяновой, Э. И. Фазылова, Я. С. Ахметгалиевой).

Одна из самых сложных областей тюркского источниковедения — издание древнейших памятников — получила развитие в издании Д. Д. Васильевым «Корпуса тюркских рунических памятников бассейна Енисея» (Л., 1983), а также второго выпуска «Эпиграфики Киргизии» Ч. Джумагулова (Фрунзе, 1982). Продолжается разработка грамматического строя языка и палеографии тюркской руники. В 1980 году вышла в свет «Грамматика языка тюркских рунических памятников» А. Н. Кононова. Собрание древнеуйгурских источников пополнилось книгой Л. Ю. Тугушевой «Фрагменты уйгурской версии Сюаньцзана» (М., 1980). Продолжалось также текстологическое изучение древних памятников на основе выявления закономерностей их организации как текстов определенных жанров. Осуществляется подготовка ряда важных изданий: корпуса болгарских надписей (Ф. С. Хакимзянов), второго издания сутры «Золотой блеск» (Э. Р. Тенишев), описания уйгурских рукописей из фондов Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР (Л. Ю. Тугушева и Э. Р. Тенишев).

Выдающийся памятник караханидско (карлукско)-уйгурской поры поэма «Кутадгу билиг» (1069—1070) Юсуфа Баласагунского представлен отлично выполненным С. Н. Ивановым поэтическим переводом на русский язык (серия: «Литературные памятники», М., 1983); однако в лингвистическом плане памятник в полном объеме еще не изучен.

В последнее время вновь привлекают внимание тюркологов «Кодекс Куманикус», кыпчакско-огузские памятники Мамлюкского Египта, рукописи из Каменец-Подольска, писанные армянским алфавитом (А. Н. Гаркавец, Я. Р. Дашкевич, И. А. Абдуллин, А. А. Чеченов и др.).

Особым разделом **восточного лингвистического источниковедения** является изучение теории и практики **восточных лингвистических школ**, для тюркологов прежде всего — арабской, восходящей, как и европейское языкознание, к античной традиции. Средневековые тюркские словари и грамматики по своей структуре и терминологии целиком основывались на арабской грамматической схеме. (Заметим попутно, что ни средневековая, ни традиционная европейская грамматические системы не вскрывают в достаточной мере специфику тюркской морфологии и синтаксиса, поэтому необходим дальнейший пересмотр давно утвердившихся приемов описания). В этой отрасли в последнее время появились: «Изысканный дар тюркскому языку» (грамматический трактат XIV века на арабском языке). Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова и М. Т. Зияевой (Ташкент, 1978); А. И. Чайковская «Тюркская грамматика в арабоязычных филологических трактатах XIII—XIV вв. Глагол» (Ташкент, 1981). Лингвистическое наследие поэта и ученого Алишера Навои (1441—1501) еще ждет своего обстоятельного изучения, начало которому уже положено рядом работ (А. Усманов, У. Санакулов). Его трактат «Тяжба двух языков», имеющий большое значение для изучения истории узбекского языка, переведенный ранее на турецкий, персидский и английский языки, ныне издан в русском переводе А. Н. Малеховой. Предстоит дальнейшее изучение языка произведений Алишера Навои как литературного языка определенной эпохи.

Исследование в лингвистических целях ханских жалованных актов-ярлыков, ханских посланий-битников, родословных — шаджара/шеджере и других исторических источников на тюркских языках, несмотря на предшествующую довольно длительную традицию, по темпам и размаху их изучения в настоящее время нельзя признать удовлетворительным, хотя их значение для исторической грамматики и лексики очевидно; однако в историко-археографическом плане названные источники изучаются довольно активно.

Изучение языка тюркского фольклора представляет немалый интерес как для общих сравнительно-исторических штудий, так и для исследования истории отдельных тюркских языков. Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР издает серию «Эпос народов СССР», включающую памятники тюркского эпоса в транскрипции и переводе на русский язык. В этой серии издан в 1984 году и киргизский героический эпос «Манас» (книга первая) в русском переводе с комментариями. В серии изданы и две книги образцов туркменского эпоса: в первой — дастаны «Саят и Хемра» и «Хурлукга и Хемра», во второй — героический эпос «Героглы».

Диалектография и диалектология. Наличие во всех тюркоязычных республиках и областях специальных научно-исследовательских подразделений (отделов, секторов и т. п.), занимающихся изучением диалектов, сыграло важную роль в создании описательных работ по отдельным диалектам, говорам, группам диалектов. Большая работа проделана также по сбору и научному осмыслению многочисленных диалектов большинства тюркских языков. Это направление особенно интенсивно развивалось в последние годы. Монографически описаны основные диалекты тюркских языков. В диалектологических исследованиях много

внимания уделяется выявлению специфических особенностей в области фонетики, морфологии, лексики этнических диалектов. Большое количество записей и исследований по диалектам тюркских языков СССР позволило приступить к подготовке обобщающих трудов, прежде всего «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ), в разработке основных положений которого деятельное участие принимал В. М. Жирмунский. Работа по созданию ДАТЯ, которой руководит комиссия во главе с М. Ш. Ширалиевым при постоянной консультации М. А. Бородиной, приближается к завершению. Подготовлены диалектологические атласы азербайджанского, туркменского, чувашского, татарского, киргизского, казахского, узбекского языков. Для унификации этой важной работы в журнале «Советская тюркология» (1983, № 5) была опубликована «Краткая схема описания тюркских диалектов», подготовленная по поручению Советского комитета тюркологов Л. Т. Махмутовой.

Актуальной задачей тюркской диалектологии является систематизация по единой схеме фонетико-грамматических и лексических данных, представленных в диалектах и говорах, с целью использования их при разработке проблем исторической грамматики отдельных тюркских языков и общей сравнительно-исторической грамматики этих языков. Данные диалектов и говоров для значительного числа бесписьменных в прошлом тюркских языков являются единственным источником при изучении их истории; для старописьменных языков диалектальные данные, как отражающие живую речь, служат необходимым «поправочным коэффициентом» к показаниям письменно-литературных языков.

Положительной оценки заслуживает создание диалектологических словарей по ряду языков: азербайджанскому (Баку, 1964), казахскому (Алма-Ата, 1969), татарскому (Казань, 1969), узбекскому (Ташкент, 1971), киргизскому (Фрунзе, 1976), якутскому (М., 1976), туркменскому (Ашхабад, 1977), башкирскому. Большинство изданных до сих пор диалектологических словарей характеризуется недостаточно полным охватом фактического материала. Например, диалектологический словарь туркменского языка охватывает чуть более трех тысяч слов и поэтому, естественно, большая часть диалектных явлений осталась за пределами словаря. В настоящее время создается картотека для составления более полного диалектологического словаря туркменского языка.

Следует подчеркнуть, что опубликована лишь малая часть весьма обширных собраний лексики и иных диалектных материалов. Эту весьма важную работу необходимо настойчиво продолжать. Очевидно, следует шире внедрять в практику депонирование подготовленных к печати записей текстов, словарей, фонетико-грамматических очерков и т. п. с тем, чтобы подобные труды (дающие все права авторства, в том числе и при защите диссертаций, а также не исключающие последующей публикации) становились известны и доступны широкому кругу специалистов.

Лингвогеография и ареально-лингвистические исследования. Эта область является сравнительно молодой отраслью тюркского языкознания. Пионерами тюркской лингвогеографии были В. А. Богородицкий и Е. Д. Поливанов; заслуга детальной разработки этого направления тюркского языкознания в шестидесятые годы принадлежит В. М. Жирмунскому.

Ареальная лингвистика и лингвистическая география, опираясь на диалектологию, охватывают одновременно обширные территории и большое количество фактов и, следовательно, открывают новые возможности для широких обобщений. Идея ареальной лингвистики получила

свое развитие в трудах Н. З. Гаджиевой, Е. И. Убрятовой, Э. Р. Тенишева, М. А. Бородиной, Г. Ф. Благовой, Т. М. Гарипова. Дальнейшее развитие ареальной лингвистики на материале тюркских языков теснейшим образом связано с совершенствованием методики подобных изысканий.

Лексикология и лексикография. Собираание и систематизация тюркской лексики в России имеет давнюю историю. В послеоктябрьскую эпоху одной из первоочередных задач явилось составление тюркских словарей самого различного назначения. В этой области проделана огромная работа: были составлены как общие двуязычные национально-русские и русско-национальные словари, так и множество специальных (терминологических, орфографических и т. п.).

Особо следует отметить издание многотомных толковых словарей: азербайджанского (Баку, 1966), казахского (Алма-Ата, 1951—1961; новое изд. — 7-й т., Алма-Ата, 1982), туркменского (Ашхабад, 1962), татарского (Казань, 1981), узбекского (М., 1981) языков. В этих словарях дается лексикографическое описание общеупотребительной междналектной лексики и устойчивых выражений в языках. В настоящее время по многим тюркским языкам, наряду с толковыми, готовятся синонимические и фразеологические словари.

Безусловными достижениями отмечены историческая лексикография и лексикология: «Древнетюркский словарь» (Л., 1969), Э. Наджип «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале „Хосроу и Ширин“ Кутба», кн. I (М., 1979), «Толковый словарь языка произведений Алишера Навои», тт. I, II, III, IV (Ташкент; на узбекском языке). Идет сбор материала для составления словаря языка произведений Махтумкули.

Важное общетюркологическое значение имеет издающийся «Этимологический словарь тюркских языков» (I, II, III, М., 1974, 1978, 1980), составленный Э. В. Севортьяном (1901—1978), возглавлявшим группу сотрудников сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР; работа над словарем продолжается этой же группой под руководством Л. С. Левитской (сдан в печать четвертый том), завершена авторская работа по пятому и шестому томам. Словарь послужит надежной базой для этимологических словарей отдельных тюркских языков, разработка которых остается одной из актуальных задач; ранее были изданы «Этимологический словарь чувашского языка» В. Г. Егорова (Чебоксары, 1964) и «Краткий этимологический словарь казахского языка», составленный коллективом авторов (Алма-Ата, 1966; на казахском языке). В настоящее время ведется работа по подготовке этимологических словарей азербайджанского, башкирского, казахского, татарского, тувинского, чувашского языков. Затрудняет эту работу отсутствие строго очерченных границ этимологизирования, четкого определения состава словника этимологического словаря каждого конкретного языка, общепринятых принципов этимологизации заимствований, нерешенность ряда других методических и технических вопросов; слабо разработана также на материале тюркских языков методика семантической реконструкции.

Для изучения тюркской лексики в ее историческом развитии необходимо глубже вникать в традиционные методы восточной лексикографии и шире привлекать памятники тюркской лексикографии: к ним, в первую очередь, относятся «Диван лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгари (XI в.) [русский перевод его подготовлен к изданию А. Рустамовым (Ташкент)], «Санглях» Мехдихана (XVIII в.) и целый ряд других сочинений.

В настоящее время, когда основные памятники тюркской лексикографии достаточно полно изучены, предстоит создать сводный труд на основе всех имеющихся словарей и других источников.

Синхроническая и диахроническая лексикология, изучающая синхронное состояние и исторические процессы семантического развития лексики отдельных тюркских языков, их ареалов, либо всей семьи в целом, является обширной исследовательской областью тюркского языкознания. Ее проблемам посвящен ряд крупных работ, пополняющийся новыми публикациями (К. М. Мусаев «Лексикология тюркских языков», М., 1984).

Исследование лексики как в плане синхронии, так и в плане диахронии органически связано с изучением фразеологии, семасиологии и терминологии. В последние годы вышли в свет монографические исследования, посвященные этим проблемам, а также фразеологические словари [например, «Азербайджанско-русский фразеологический словарь» А. А. Оруджева — Баку, 1976; «Фразеологический словарь казахского языка» (на казахском языке) С. К. Кенесбаева — Алма-Ата, 1977 и др.] и словари профессиональной лексики и терминологии. И все же тюркская профессиональная и специальная лексика пока еще остается недостаточно изученной.

В лексикологии важное место занимает ономастика: антропонимы, топонимы, этнонимы, космонимы, зоонимы, оронимы, гидронимы и т. п. Изучение зарождения и развития ономастических систем в каждом конкретном языке и в семье языков должно базироваться на лингвистических, исторических и этнографических данных. Ономастика всегда имеет свою лексико-грамматическую систему, которую и надлежит выявить в процессе исследования.

Исключительно важное место в исторической лексикологии занимает изучение заимствованной лексики разных эпох.

Лексическое взаимодействие русского и тюркских языков представлено двумя темами: тюркизмы в русском языке и русизмы в тюркских языках. Первая из них является традиционной в русской тюркологии, вторая привлекает все большее внимание исследователей, особенно в республиках. В монографиях и многочисленных статьях дается лингвистическое описание процесса взаимодействия и взаимообращения русского и соответствующего тюркского языка в условиях прогрессирующего тюркско-русского двуязычия. Значительная часть таких публикаций посвящена раскрытию влияния русского языка на лексико-семантическую систему того или иного тюркского языка, изучению особенностей функционирования русизмов в письменной и устной тюркской речи.

В последние годы получило распространение изучение влияния конкретного тюркского языка на словарный состав современного русского языка в республиках. Составлены глоссарии тюркских слов, встречающихся в русской письменной и устной речи на территории той или иной тюркоязычной национальной республики. Обобщение накопленного фактического материала в этом аспекте помогло бы углубленному исследованию проблемы тюркизмов в русском языке, определению соотношения старых и новых заимствований из тюркских языков, установлению общего лексико-фразеологического фонда тюркского происхождения в языках народов СССР.

Особое место — по количеству и своеобразию фонетической и семантической адаптации — занимают ориентализмы в лексике русских народных говоров, анализ которых в этом плане еще предстоит осуществить.

Не меньшее значение имеет изучение и других слоев заимствованной лексики — средневековой (арабской, иранской), более ранней (среднеперсидской, согдийской, китайской). Особый интерес представляет исследование доисторических заимствований с задачей разработки методики определения таких заимствований. Последнее имеет самое непосредственное отношение к проблеме родства (неродства) тюркских языков с другими алтайскими.

«Алтайская теория» обсуждается в науке давно, и дискуссия по этой проблеме не утихает, обнаруживая различные подходы как среди сторонников генетического родства алтайских языков, так и среди тех, кто объясняет наличие общих элементов в них типологическим сходством (преимущественно в фонетике, грамматике) и древними ареальными связями (преимущественно в лексике).

Представляется оправданной (по крайней мере, в области морфологии) ориентация на получение автономной системы праформ для каждой из групп языков, после чего уже возможно сопоставление таких реконструируемых систем (И. В. Кормушин «Системы времен глагола в алтайских языках», М., 1984).

Разработка проблем взаимосвязей тюркских языков с другими алтайскими и ностратическими языками ведется активно и у нас в стране, и за рубежом. Можно отметить серию трудов ленинградских алтаистов; большое число алтаистических сопоставлений содержат упоминавшийся «Этимологический словарь тюркских языков» и «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», составленный под руководством В. И. Цинциус. Появились новые опыты, продолжающие старую традицию сравнительного (точнее—сопоставительного) исследования тюркских языков с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, корейским, дравидийскими, угро-финскими; вновь оживился интерес к японскому языку как одному из языков алтайской семьи. Однако тут следует обратить самое пристальное внимание на методику исследования.

Мы не останавливаемся здесь подробно на ряде важных задач в таких отраслях тюркской филологии, питающих тюркское языкознание, как описание, изучение и издание тюркоязычных рукописей (что действительно вызывает к росту издательских возможностей), библиографическая и биобиблиографическая работа. Особого рассмотрения требует и вопрос о подготовке квалифицированных научных кадров, в особенности специалистов широкого профиля.

А. Н. КОНОНОВ, Э. Р. ТЕНИШЕВ, Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ РЕСПУБЛИКАХ В ХІ ПЯТИЛЕТКЕ. СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

Новая редакция Программы КПСС, нацеливающая советский народ на ускорение социально-экономического развития страны, интенсификацию общественного производства, обеспечение его эффективности и высокого качества выпускаемой продукции, выдвигает перед академической наукой, в том числе и гуманитарной, задачи особой важности. В XII пятилетке академические гуманитарные научные учреждения прежде всего должны сосредоточить свое внимание на разработке фундаментальных проблем и актуальных тем, выдвигаемым современным уровнем науки и отвечающим требованиям ее дальнейшего успешного развития.

В свете этих высоких требований языковедам Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР предстоит выполнить в двенадцатой пятилетке ряд важных исследований.

В настоящее время в Институте языкознания им. Насими и на кафедрах азербайджанского языка высших учебных заведений республики разрабатываются такие проблемы, как строй современного азербайджанского литературного языка, его грамматика, функциональные стили и нормы, живые процессы в литературном языке и вопросы культуры речи, история азербайджанского языка, азербайджанские диалекты и говоры, взаимосвязи азербайджанского языка с другими родственными и неродственными языками, взаимодействие русского и азербайджанского языков, подготовка словарей. Вся эта работа координируется координационным советом по языкознанию при Институте языкознания им. Насими.

Значительная работа проведена в области изучения и описания строя современного азербайджанского литературного языка. В начале 80-х годов вышел в свет трехтомник «Современный азербайджанский язык» (т. I — Лексика, фонетика, т. II — Морфология, т. III — Синтаксис). Изданный в 70-е годы в качестве вузовского учебника четырехтомник «Современный азербайджанский язык» был удостоен Государственной премии Азербайджанской ССР.

В целях ознакомления русских читателей с грамматикой современного азербайджанского литературного языка впервые была подготовлена и издана в 1971 году «Грамматика азербайджанского языка» на русском языке. В 1977 году вышло в свет учебное пособие «Самоучитель азербайджанского языка».

В настоящее время готовится к печати первое на азербайджанском

языке справочное пособие по грамматике русского языка (фонетика и морфология).

В 1985 году отделом современного азербайджанского языка института были изданы «Очерки по семасиологии современного азербайджанского языка».

Определенная работа проводилась и в области стилистики. Завершена и сдана в производство коллективная монография «Стилистика азербайджанского языка» в объеме 20 а. л., где впервые описывается система функциональных стилей современного азербайджанского литературного языка. В 1985 году была подготовлена коллективная монография по лексикологии современного азербайджанского языка.

Живые процессы в современном азербайджанском литературном языке тесно связаны с языковым употреблением и выработкой литературных норм. Сотрудники института, занимающиеся изучением культуры речи, систематически выступали в периодической печати республики, на радио и телевидении с рекомендациями, направленными на повышение речевой культуры. Были выпущены в свет три сборника статей под общим названием «Культура языка», а также «Орфоэпический словарь азербайджанского языка». В дальнейшем работа в области культуры речи будет вестись в двух направлениях: 1) определение литературных норм и вариантности языковых единиц в фонетике и лексике, морфологии и синтаксисе, их применение в функциональных стилях литературного языка; 2) выявление причин нарушения языковых норм средствами массовой информации, разработка необходимых рекомендаций по данному вопросу для соответствующих организаций и учреждений.

В области истории азербайджанского языка в последние годы осуществлен ряд исследований. Институт работал над трехтомной «Историей азербайджанского литературного языка», охватывающей период с XI века по настоящее время. Уже вышел в свет третий том, посвященный советскому периоду. Второй том этого издания находится в производстве, а первый — готовится к печати. Завершена работа над «Исторической грамматикой азербайджанского языка» в объеме 40 а. л. В настоящее время составляется исторический словарь азербайджанского языка (1981—1990).

Для углубленного исследования проблем, связанных с генезисом и формированием азербайджанского языка, предстоит тщательно изучить целый ряд письменных источников и свидетельств (арабских, персидских, сирийских, византийских, армянских, грузинских и др.), а также палеоэтнолингвистику и палеоантропонимику Азербайджана и многие другие исторические материалы.

Новыми исследованиями обогатилась азербайджанская диалектология. Отдел диалектологии института подготовил к печати книгу «Говоры азербайджанского языка на территории Дагестана» в объеме 25 а. л., в которой нашли отражение древние пласты азербайджанской лексики.

В 1985 году вышла в свет на русском языке обобщающая монография «Диалекты и говоры азербайджанского языка» М. Ш. Ширалиева. Завершается работа по подготовке к печати «Диалектологического атласа азербайджанского языка», в котором нашли отражение ареалы фонетических, грамматических и лексических особенностей диалектов и говоров на территории Азербайджанской ССР. Этот атлас, являющийся первым трудом подобного рода в тюркологии, должен сыграть свою роль в деле выяснения целого ряда вопросов истории азербайджанского язы-

ка и его носителей, ареального распределения огузских и кыпчакских элементов тюркского и языкового строя. Материалы атласа способствуют также установлению региональных особенностей азербайджанской речи и ее социолингвистической характеристике, дают полное представление о языковой стратиграфии азербайджанского языка на современном этапе. Атлас включает 134 карты по Азербайджанской ССР с подробными комментариями.

Готовится к печати «Диалектологический словарь азербайджанского языка» толково-переводного (на русский язык) типа. Завершается также коллективная работа «Азербайджанская диалектология». В ближайшие годы предстоит создать историческую диалектологию азербайджанского языка.

Азербайджанское языкознание достигло значительных успехов в области лексикографии. Вышли из печати первые три тома четырехтомного «Толкового словаря азербайджанского языка» (последний, четвертый, том выйдет в свет в 1986 году), охватывающего около шестидесяти тысяч слов и выражений. Иллюстративный материал словаря включает примеры из произведений азербайджанской литературы — от Насими до наших дней. Словарь снабжен развернутой системой помет. В настоящее время отдел лексикографии института работает над «Словарем новых слов и выражений». В Азербайджанском педагогическом институте русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова под руководством М. Т. Тагиева составляется трехтомный «Азербайджанско-русский словарь» (представлены в печать I и II тома).

В институте организована группа прикладной лингвистики, ведущая работу в области автоматической переработки текстов на тюркских языках, синтеза и анализа тюркских словоформ, азербайджанско-русского лексико-морфологического машинного перевода; подготовлены частотный и обратный словари азербайджанского языка.

В 1984 году в институте был создан отдел общего и прикладного языкознания, объединяющий три направления: а) теоретико-типологическую лингвистику; б) математическую лингвистику; в) этнолингвистику.

Тюркологические традиции в Азербайджане, заложенные еще в 20-е годы, успешно развиваются и в настоящее время. Подготовлена к печати «Морфология тюркских языков юго-западной группы». Завершена работа по сравнительному синтаксису тюркских языков огузского типа. Особо следует отметить книгу покойного Ф. Зейналова «Основы тюркологии», изданную в 1981 году.

На соискание Государственной премии Азербайджанской ССР в области науки и техники выдвинута капитальная книга А. А. Ахундова «Фонетика азербайджанского языка». В ней получили системно-структурное освещение физиолого-акустические, фонологические, этимологические и многие другие вопросы звукового строя языка. По охвату материала и глубине его исследования этот труд — заметное явление в азербайджанском языкознании и в тюркологии в целом.

Учитывая большую роль азербайджанского языкознания в развитии советской тюркологической науки, сложившиеся востоковедческие традиции в Азербайджане, президиум Академии наук СССР принял в 1969 году решение об издании, начиная с 1970 года, в Баку всесоюзного научно-теоретического журнала «Советская тюркология», совместного органа Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР. За истекшие шестнадцать лет было выпущено 96 номеров журна-

ла. Это первый всесоюзный периодический научный печатный орган гуманитарного профиля, издающийся в республике. На страницах «Советской тюркологии» освещаются последние достижения советской и мировой тюркской филологии, а также перспективы дальнейшего развития в этой области исследований, рецензируются практически все сколько-нибудь значительные тюркологические издания, даются обзоры, информации, освещается тюркологическая жизнь в стране и за рубежом. Наряду с советскими авторами в журнале выступают также ученые из многих зарубежных стран. Журнал заслужил широкое признание научной общественности страны, что неоднократно отмечалось на всесоюзных научных конференциях и совещаниях тюркологов.

Сотрудники института поддерживают постоянные научные контакты со многими научно-исследовательскими учреждениями Советского Союза и тюркологическими обществами зарубежных стран. Работы азербайджанских языковедов публикуются и в зарубежных изданиях.

Функционирующий при институте специализированный ученый совет по защите докторских диссертаций регулярно проводит свои заседания. За минувшую пятилетку в республике было защищено в области языкознания 14 докторских и 41 кандидатская диссертаций.

В XII пятилетке перед азербайджанскими языковедами стоят большие задачи, связанные с решением ряда актуальных научных проблем, повышением речевой культуры, усилением внимания к прикладным и социологическим аспектам функционирования языка, для разрешения которых языковеды института и вузов республики приложат все свои силы.

М. Ш. ШИРАЛИЕВ, З. И. БУДАГОВА

* * *

Ведущее литературоведческое научное учреждение республики—Институт литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. Основным направлением его научной деятельности является исследование творчества классиков азербайджанской литературы, изучение их биографий, среды и эпохи, в которую они жили. Одновременно интенсивно изучается и советская литература, творчество ее выдающихся представителей. Результатом этих работ явился целый ряд монографических исследований, посвященных творчеству как писателей и поэтов прошлого, так и современных авторов.

Коллектив института неоднократно обращался к созданию обобщающих многотомных трудов по истории многовековой национальной литературы. К числу подобных изданий относится двухтомная «Краткая история азербайджанской литературы» (1943—1944), трехтомная «История азербайджанской литературы» (1957, 1960, 1961), двухтомная «История азербайджанской советской литературы» (1967), а также «Очерк истории азербайджанской советской литературы», изданный в Москве совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (1963). В дальнейшем сотрудники института принимали участие в подготовке издававшегося Институтом мировой литературы им. А. М. Горького шеститомника «История многонациональной советской литературы» (1970—1974), а также таких капитальных изданий, как «История литератур народов СССР дооктябрьского периода», «История советского романа», «Современные зарубежные теории литературы и искусства и их критический анализ» и др.

В настоящее время готовится семитомная «История азербайджанской литературы» (с древнейших времен до наших дней), над которой работают высококвалифицированные литературоведы республики. В этом капитальном труде найдет освещение весь путь развития азербайджанской литературы со времени ее зарождения до наших дней.

Успешно продвигается работа над подготовкой истории отдельных жанров азербайджанской классической литературы, а также академического издания сочинений классиков азербайджанской литературы и литературных памятников.

В тесном сотрудничестве с учеными Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова и Азербайджанского государственного педагогического института им. В. И. Ленина созданы учебные пособия для вузов по азербайджанской, русской и западноевропейской литературе.

Много внимания уделяется фольклористами собиранию, исследованию, систематизации, научному комментированию и изданию фольклорного наследия азербайджанского народа, изучению различных жанров устного народного творчества, искусства ашугов и т. д.¹

Важным направлением работы азербайджанских литературоведов является исследование литературных взаимосвязей, процессов взаимообогащения литератур социалистических наций. Написан ряд работ, посвященных взаимосвязям азербайджанской литературы с литературами народов СССР, а также с некоторыми восточными и западными литературами².

В 50—60-е годы особое внимание уделялось изучению закономерностей развития азербайджанской советской литературы и ее места в общесоюзном литературном процессе, разработке проблем художественного творческого метода, формы и стиля литературы, монографическим исследованиям истории отдельных жанров (прозы, поэзии, драматургии, литературно-критического наследия), творчества отдельных писателей.

Большое место занимала также разработка проблем развития социалистического реализма в азербайджанской литературе.

Такие проблемы, как художественное мастерство и свобода творчества, многообразие форм и художественных стилей, революционная романтика и т. д., исследовались азербайджанскими учеными не только на материале азербайджанской литературы, но и творчества М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Фадеева и других выдающихся представителей русской советской литературы.

Важную роль в установлении методологически верного направления в литературоведении сыграли труды, посвященные типологии перехода от классического реализма к социалистическому, проблемам истоков последнего.

В 60-е годы был написан также ряд работ, посвященных становлению метода социалистического реализма в азербайджанской советской литературе, овладению этим методом писателями республики.

В последнее время внимание литературоведов привлекает разработка таких проблем, как теория и практика современного литературного процесса, традиции и новаторство в теории социалистического реализма, национальное и интернациональное в литературе, классические традиции и проблема становления социалистического реализма³.

Углубленная разработка проблем литературы социалистического реализма в настоящее время реализуется прежде всего в трудах теоретического и методологического характера, открывающих перспективные ас-

пекты изучения закономерностей эволюции реалистического художественного сознания, его истоков и предпосылок, поэтики и типологии. Заслуживают внимания изданные в республике работы, посвященные исследованию таких проблем, как «Социалистический реализм в азербайджанской литературе», «Основные тенденции развития современной азербайджанской советской литературы», «Современная идеологическая борьба и оценка азербайджанской советской литературы за рубежом», «Литературные взаимосвязи и роль национальных традиций», «Историзм, теория и типология социалистического реализма», «Эстетический идеал и социальная активность писателя», «Основные тенденции развития литературного процесса 80-х годов и вопросы методологии его изучения», «Азербайджано-русские литературные связи», «Азербайджано-европейские литературные связи», «Взаимосвязи азербайджанского устного народного творчества с фольклором народов советского и зарубежного Востока», «Текстологические исследования азербайджанской литературы» и др.

Ученые республики работают сейчас над подготовкой следующих изданий: «Хрестоматия азербайджанской литературной критики (с древних времен по 1917 год)», «Библиотека азербайджанской классической литературы» (в 20-ти томах), «Избранные произведения азербайджанских классиков» (в 12-ти томах), «Избранные сочинения М. Ф. Ахундова» (в трех томах), транслитерированное издание журнала «Молла Насреддин», «Собрание сочинений Самеда Вургун» (в семи томах) и др. Азербайджанские литературоведы принимают также участие в создании таких фундаментальных изданий Института мировой литературы им. А. М. Горького, как «История литератур народов СССР дооктябрьского периода» (в 4-х томах), «История всемирной литературы» (в 9-ти томах), «Эпос народов СССР».

Институт подготовил тематические сборники «Советский образ жизни и проблема положительного героя», «Азербайджанская литература семидесятих годов».

Особое внимание уделяется литературоведами республики разработке актуальных вопросов современной литературы в свете решений апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, XXXI съезда коммунистов Азербайджана и исторического XXVII съезда КПСС.

В последние годы проведен ряд всесоюзных, региональных и республиканских симпозиумов и совещаний, посвященных кардинальным вопросам реализма, восточного Ренессанса, проблемам исторических корней и интернациональных связей азербайджанской литературы, творчеству наиболее видных ее представителей. Среди них следует отметить низаминские конференции, проведенные совместно с Низаминской комиссией Академии наук Азербайджанской ССР в 1980, 1982 и 1984 годах. Академией наук республики и Азгосуниверситетом им. С. М. Кирова была проведена совместная Всесоюзная научная конференция, посвященная проблемам литературного социалистического реализма.

В настоящее время в республике сформировались как самостоятельные научные направления такие сравнительно молодые области филологии, как история литературы VII—XI веков, азербайджанская мифология, низамиведение, история литературы Иранского Азербайджана, история и теория литературной критики, переводоведение. В конце прошлого года вышел в свет первый сборник статей, посвященный вопросам азербайджано-западноевропейских связей.

Руководствуясь решениями партийных съездов и пленумов, постановлениями ЦК КПСС и Компартии Азербайджана, литературоведы

акцентируют главное внимание на разработке важных, актуальных научно-теоретических вопросов и кардинальных проблем советского литературоведения, марксистско-ленинской эстетики, на создании обобщающих исследований в области истории и теории художественных методов, исторической поэтики, а также на текстологии, истории печати и т. п.⁴

Специальными постановлениями ЦК КП Азербайджана в институте создан отдел низамоведения, координирующий текстологическую разработку поэтического наследия Низами Гянджеви. Успешно продолжается работа по переводу произведений великого поэта.

Неоценимо значение сотрудничества литературоведов Азербайджана с их коллегами из братских советских республик, с филологами Москвы и Ленинграда. Связи азербайджанских литературоведов с зарубежными учеными все более укрепляются и расширяются. В последние десятилетия переиздано за рубежом немало работ ученых республики. Зарубежные ученые все чаще ссылаются в своих работах на труды азербайджанских литературоведов.

Решения XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза ставят перед советскими учеными, в том числе и перед литературоведами республики, новые ответственные задачи. Азербайджанские ученые приложат все силы, чтобы с честью оправдать доверие партии и народа.

Я. В. ҚАРАЕВ

¹ «Азербайжан мәнәббәт дастанлары». Баку, 1980; Б. Абдуллаев. *Ј. В. Чәмәнзәминли вә фолклор*. Баку, 1980; «Халг әдәбијјаты» («Классик Азербайжан әдәбијјаты китабханасы», 1 чилд), Баку, 1982; М. Сејидов. *Азербайжан мифик тәфәккүрүн гәјнағлары*. Баку, 1983; «Азербайжан ашығлары вә ел шаирләри» (1-чи вә 2-чи чилдләр), Баку, 1984; «Бајаты», Баку, 1984.

² «Азербайджанско-русские литературные связи 60-х годов» (сборник статей), Баку, 1980; Г. Бабаев. *С. Вургун*. Баку, 1981; Г. Гасымзаде. *Әдәбијјатда миллилик вә бејнәл-миләллик*. Баку, 1982; «Маяковский и азербайджанская литература» (сборник статей), Баку, 1982; Д. Алиева. *Единство сердец*. Баку, 1982; В. Арзуманов. *Азербайжан-Украјна әдәби алағәләри*. Баку, 1983; А. Хусејнов. *Мүхтәлифлијин бирлији*. Баку, 1983; Ф. Велиханова. *Азербайджанская советская поэзия на русском языке*. Баку, 1983; Ш. Гурбанов. *Классик рус поезијасы Азербайжанда*. Баку, 1985.

³ Книги-ежегодники из цикла «Әдәби процес...» («Литературный процесс...»), Баку, 1977—1985; Ш. Салманов. *Азербайжан совет поезијасында эн'әнә вә новаторлуг*. Баку, 1980; С. Асадуллаев. *В русле социального реализма*. Баку, 1980; Ә. Агајев. *Әсрин тәрәннүмү*. Баку, 1980; М. Ариф. *Сәнәткар гочалмыр*. Баку, 1980; А. Хусејнов. *Нәср вә заман*. Баку, 1980; А. Гаджиев. *В поисках героя*. Баку, 1983; Г. Алибекова. *Грани художественности*. Баку, 1983; М. Мәмәдов. *Ачы фәрјадлар, ширин күлүшләр*. Баку, 1983; Елчин. *Әдәбијјатымызын вә тәнгидимизин проблемләри*. Баку, 1983; А. Сәфијев. *Комедија вә һәјат*. Баку, 1983; «Әдәби тәнгид» (мәғаләләр мәчмүәси), Баку, 1984; «Фикрин карваны» (мәғаләләр мәчмүәси), Баку, 1984; А. Абдуллазаде. *Шаирләр вә јоллар*. Баку, 1984.

⁴ А. Дадашзаде. *XVIII әср Азербайжан лирикасы*. Баку, 1980; Т. Нанчјев. *Сабир: гәјнағлар вә сәләфләр*. Баку, 1981; Р. Азаде. *Низами*. Баку, 1981; Н. Араслы. *Низами вә түрк әдәбијјаты*. Баку, 1981; Б. Азәроғлу. *Саиб Тәбризинин сәнәт дүнјасы*. Баку, 1981; «Вопросы азербайджанского Ренессанса» (сборник статей), Баку, 1982; Н. Мамедов. *Реализм М. Ф. Ахундова*. Баку, 1982; Ә. Мәмәдов. *Азербайжан бәдиһи нәсри (XIX әсрин сонү—XX әсрин әввәлләри)*. Баку, 1982; Ә. Мирәһмәдов. *Азербайжан Молла Нәсрәддини*. Баку, 1982; Х. Хусејнов. *Низами Кәнчәвинин «Сирләр хәзинәси»*. Баку, 1983; А. Гаджиев. *Азербайджанский реализм*. Баку, 1984; М. Ч. Чәфәров. *Һәмшә бизимлә*. Баку, 1984; К. Мәмәдов. *Г. Закир*. Баку, 1984; Ә. Мәмәдов. *А. Шаиг*. Баку, 1984; А. Заманов. *Сабир бу күн*. Баку, 1985; В. Османлы. *Азербайжан романтикләри*. Баку, 1985; К. Әлијев. *XX әср Азербайжан романтикләринин әдәби-нәзәри көрүшләри*. Баку, 1985; З. Әскәрли. *Н. Вәзировун «Мүсибәти-Фәхрәддин» фәчизәси*. Баку, 1985.

КАЗАХСКАЯ ССР

Изучение казахского языка началось задолго до революции и получило отражение в трудах выдающихся русских востоковедов-тюркологов Н. И. Ильминского, В. В. Катаринского, П. М. Мелиоранского, В. В. Радлова, казаха Ч. Ч. Валиханова и др. Как самостоятельная дисциплина, казахское языкознание сложилось в советскую эпоху и прошло в своем развитии несколько этапов — от решения злободневных и неотложных практических вопросов языкового строительства до исследования больших теоретических проблем.

Всестороннее изучение казахского языка на всех уровнях его развития и во всех формах его функционирования осуществляется на основе марксистско-ленинской методологии и с использованием наиболее эффективных современных научных методов. Цели, задачи и тематика исследований определяются насущными потребностями культурной жизни казахского народа.

В последние годы казахское языкознание обогатилось новыми отраслями и направлениями исследований, и ныне оно представлено теми же разделами, что и советское языкознание в целом.

Фонетика. Сотрудники отдела экспериментальной фонетики Института языкознания Академии наук Казахской ССР завершили коллективный труд «Экспериментальное исследование фонетической структуры слова в казахском языке». Итогом этого исследования явилось определение дифференциальных возможностей и функциональных нагрузок гласных и согласных, выявление фонологических оппозиций и позиций нейтрализации фонем, раскрытие артикуляторно-акустических характеристик сингармонических аллофонов согласных, установление отсутствия словесного ударения в казахском языке, описание сложной природы широких монофтонгов казахского языка.

В 1985 году было начато детальное описание фонетического строя казахского языка, которое составит самостоятельный раздел комплексного исследования «Строй казахского языка» (завершение его планируется на XII пятилетку).

Лексикология. В минувшем пятилетии коллективом сотрудников отдела лексикологии Института языкознания подготовлена к публикации монография «Проблемы исторической лексикологии казахского языка». В результате фронтального зондирования многообразия языковых явлений как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах выявлены различные пласты лексики казахского языка: определен базисный, ядерный, корневой ярус лексики, подробно интерпретирована его структурно-семантическая и морфологическая природа; выделены слова, отражающие присущие казахам этнические признаки, и собственно этнографизмы; определены историзмы, заимствования давнего и нового времени; плеоназмы и синкретичные глагольно-именные основы; паремии; слова мимеографического, ономатопейтического и звукоподражательного происхождения.

В начале 1986 года вышла в свет книга А. Т. Кайдарова «Структура односложных корней и основ в казахском языке». В этой книге предпринята попытка решить названную проблему, по которой отсутствует единая точка зрения, тогда как она является определяющей при описании языков агглютинативного типа.

Выйдет в свет в этом году и монография Е. З. Кажобекова «Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках:

явление синкретизма», посвященная малоизученной в тюркологии проблеме глагольно-именной оморфии.

В 1986—1990 годах лексикологами будет продолжено изучение лексики казахского языка в диахроническом и синхроническом аспектах; они уже приступили к составлению раздела «Лексикология» упомянутого выше комплексного исследования «Строй казахского языка», подготавливаемого на русском языке.

Терминология. Сотрудники отдела терминологии и теории перевода подготовили к опубликованию монографию «Истоки формирования и процессы развития казахской терминологии». Картотечный фонд отдела превышает двести тысяч единиц. На основе этого фонда написаны и подготавливаются диссертации: «Профессиональные слова, связанные с животноводством в казахском языке», «Лексико-грамматические способы образования химических терминов в казахском языке» и др. Отдел является рабочим органом Государственной терминологической комиссии при президиуме Академии наук Казахской ССР; на его заседаниях будут обсуждены и рекомендованы к печати русско-казахские толковые словари железнодорожных терминов, терминов по сопротивлению материалов и т. д.

В перспективе — дальнейшее изучение проблем развития терминологической лексики казахского языка; разработка научных принципов составления терминологических словарей и методики использования ЭВМ для составления русско-казахских толковых словарей по различным отраслям знания.

Ономастика. Отдел ономастики разрабатывал в истекшем пятилетии тему «Топонимы Центрального Казахстана», которая является частью комплексной целевой программы «Проблемы ономастических исследований казахского языка» (1985—1996). На очереди — изучение топонимов Юго-Восточного и Восточного Казахстана, исследование этнолингвистических процессов, приведших к образованию современных казахских этнонимов; составление словаря этнонимов тюркоязычных народов СССР.

Перспективы развития ономастики требуют тщательного фронтального сбора богатейшего материала по топонимии, особенно микро-топонимии, этнонимии, астрономии, космонимии, зоонимии, фитонимии на всей территории Казахской ССР и создание на этой основе фонда ономастической лексики.

Ономасты Казахстана планируют систематическую обработку, всесторонний анализ и исследование добытых в экспедициях богатых материалов, на основе которых будут созданы ономастические словари различного характера (двуязычные, областные, справочные, этимологические, орфографические, а также республиканские и областные антропонимические и топонимические атласы).

Лексикография. Значительным достижением казахских лексикографов следует считать завершение монументального труда — десяти томного толкового словаря казахского языка (создаваемого под руководством А. И. Исакова); к настоящему времени вышли из печати первые восемь томов, два последних тома будут изданы в 1986 году. Словарь охватывает лексическое богатство современного казахского языка во всем его лексико-семантическом многообразии и во всех стилистических разновидностях. Здесь помимо толкования слов и фразеологических единиц приводится их грамматическая, стилистическая и этнолингвистическая характеристика с обильными иллюстрациями из художественных,

учебно-педагогических, научно-популярных текстов и из произведений устного народного творчества.

В настоящее время сотрудники отдела лексикографии обобщают опыт составления этого словаря. Подготовлен к печати сборник, в котором теоретически обосновываются принципы отбора реестровых слов, оптимальные методы раскрытия их семантики, описываются средства введения и семантизации фразеологических единиц, статистические характеристики словаря, поднимаются и другие вопросы, имеющие важное значение для казахского языкознания и тюркологии в целом, в частности, для разработки семантической и этнолингвистической проблематики.

Ближайшая задача казахских лексикографов — создание однотомного толкового словаря казахского языка (типа словаря С. И. Ожегова), который будет надежным и оперативным справочным пособием редакционных и издательских работников, преподавателей и студентов вузов, широких слоев казахской интеллигенции.

В минувшем пятилетии вышли в свет следующие лексикографические издания: «Новые слова в казахском языке» (1985), здесь нашла отражение и истолкование лексика, вошедшая в употребление на рубеже 70—80-х годов (подготовлено отделом культуры речи); «Орфографический словарь уйгурского языка» (1983), подготовленный Г. С. Садвакасовым и А. Илиевым; «Русско-казахский фразеологический словарь» (1985) — первый опыт русско-казахской фразеологии, основанный на широком понимании объекта фразеологии. Словарь включает около 4200 фразеологических единиц и предназначен для переводчиков, издательских работников, преподавателей русского языка в казахской аудитории и казахского в русской, студентов, учащихся, широких слоев читателей, испытывающих затруднения при чтении русской литературы: художественной, научно-популярной, публицистической (подготовлен отделом русского языка и социолингвистики).

Группа автоматизации лексикографических работ занимается составлением с помощью ЭВМ словаря произведений писателя М. О. Ауэзова. Составлены словари-словоуказатели к шести томам его сочинений.

Специалистом в области автоматической лексикографии К. Б. Бектаевым подготовлен по заказу Института языкознания и проекту отдела терминологии и перевода сводный восьмитомный словарь терминов казахского языка по общественным наукам.

Грамматика и словообразование. В грамматических исследованиях последних лет намечается переход от описательности к обобщениям и теоретическому осмыслению языковых форм и категорий. Исследованиями в области морфологии к настоящему времени охвачены все части речи.

Изучение синтаксиса казахского языка успешно велось в следующих трех аспектах: синтаксиса словосочетаний, синтаксиса простого предложения, синтаксиса осложненного и сложного предложений. Заметным вкладом в исследование истории казахской грамматики явились книга Х. Есенова «Структура сложноподчиненного предложения в казахском языке» и докторская диссертация Н. Х. Демесиновой «Развитие синтаксической системы казахского языка в советскую эпоху». Изучается синтаксическая функция интонации в казахском языке (А. Н. Нурмаханова).

Отдел грамматики казахского языка разрабатывает проблемы словообразования казахского языка. В текущем году будет завершена монография «Словообразование казахского языка в синхроническом ас-

пекте», являющаяся составной частью академической грамматики казахского языка, работа над которой запланирована на 1987—1992 годы. Академическая грамматика будет включена в упоминавшийся выше комплексный труд «Строй казахского языка», в который войдут также разделы, посвященные фонетике и лексике.

Детальному анализу морфологической структуры слова, посвящена работа А. Ибатова, опубликованная в 1983 году. В 1986 году выйдет в свет монография А. К. Калыбаевой и Н. О. Оралбаевой «Морфемика казахского языка».

Диалектология. Начиная с 70-х годов диалектологи Казахстана изучают крупные диалектные массивы, каждый из которых включает несколько говоров. Одним из таких массивов является центрально-северная группа говоров. Сотрудники отдела диалектологии посвятили пять лет напряженного труда исследованию фонетики, грамматики и лексики говоров этой группы. Было организовано одиннадцать экспедиций, материалы которых свидетельствуют в основном о лексическом своеобразии этих говоров, характеризующихся сравнительно незначительными фонетическими и грамматическими расхождениями. Отделом подготовлена монография, посвященная этой группе говоров и региональный словарь, который будет иметь большое значение для исторической лексикологии и этимологических исследований, а также для выяснения вопроса о диалектной основе казахского литературного языка и о взаимоотношении литературной и диалектной лексики.

Издан ряд монографий, посвященных южной группе говоров казахского языка (1982); фонетической системе казахских говоров (1985), этимологии диалектизмов казахского языка (1985). Сдана в печать монография, посвященная грамматике казахских говоров. Отдел участвовал в выполнении всесоюзной комплексной проблемы «Диалектологический атлас тюркских языков СССР».

В перспективе предстоит дальнейшее детальное изучение говоров Казахстана. Согласно договору, заключенному между Институтом языкознания Академии наук Казахской ССР и Институтом языка и литературы Академии наук Монгольской Народной Республики, сотрудники отдела, начиная с 1986 года, будут ежегодно выезжать для сбора материала в Баян-Улэгэйский казахский национальный аймак МНР. Итогом этой работы будет создание регионального диалектологического словаря казахского языка.

Культура речи и стилистика. Отдел культуры речи в минувшем пятилетии выполнил плановую тему «Устная форма казахского литературного языка» и подготовил к печати три книги, в том числе «Орфоэпический словарь казахского языка». В 1985 году начата новая тема «Казахская художественная литература и культура речи». Подготовлена новая редакция «Основных орфографических правил казахского языка» (утвержденная Президиумом Верховного Совета Казахской ССР), готовится к печати третье издание (переработанное и значительно дополненное) «Орфографического словаря казахского языка».

В монографии Ф. М. Мусабековой «Стилистика казахского языка» дается анализ стилистических ресурсов казахского языка. Группой языковедов Казахского государственного университета им. С. М. Кирова под руководством М. Т. Томанова подготовлена серия статей и учебных пособий по грамматической стилистике казахского языка.

История казахского языка. Сотрудники отдела тюркологии и истории казахского языка завершили разработку темы «Устные и письменные источники казахского литературного языка XVII—XIX вв.». Опубликовано

ваны и подготовлены к печати несколько монографий и учебных пособий. Начаты исследования по теме «История казахского литературного языка XV—XVII вв.». На 1987—1995 годы планируется создание капитального коллективного труда «Исторические процессы формирования и развития казахского языка».

Уйгуроведческая тематика. Отдел уйгурского языка в текущем году завершает плановые темы: «Строй уйгурского языка» и «Русско-уйгурский терминологический словарь». Опубликовано три монографии и издан сборник «Актуальные проблемы советского уйгуроведения». В 1987—1990 годах уйгуроведы института будут разрабатывать тему «Развитие общенародного уйгурского языка в советский период». Цель исследования — выявление фонетических, грамматических и лексических особенностей языка советских уйгуров. В связи с созданием при Академии наук Казахской ССР Института уйгуроведения в научной тематике в будущем возможны соответствующие изменения и дополнения.

Общетюркологические исследования. Общетюркологическая проблематика всегда была в центре внимания казаховедов. В минувшем пятилетии ее разработка велась особенно интенсивно. Она нашла отражение в издании памятника XII—XIII веков «Хибат-ул-Хакайык» (1985), в подготовке учебных пособий «Введение в тюркологию» А. Т. Кайдарова и М. Оразова (1985) и «Язык древнетюркской письменности» Г. Айдарова (1985), в издании сборников «Тюркская ономастика» (1984) и «Вопросы тюркского языкознания» (1985).

Языковые контакты и интерференция. Отдел русского языка и социолингвистики завершил тему «Проблемы двуязычия в Казахстане», которая предусматривала изучение интерференции казахского языка в русской речи казахов на всех уровнях и подготовку упоминавшегося выше «Русско-казахского фразеологического словаря». По этой теме завершены четыре монографии. На очереди разработка темы «Взаимодействие русского и казахского языков» (1986—1991), которая предусматривает подготовку: а) двух монографий, посвященных взаимодействию русского и казахского языков в художественных и публицистических текстах; б) четырех монографий, в которых будет разработана контрастивная (предназначенная специально для казахов) грамматика русского языка; в) двух монографий, посвященных развитию общественных функций казахского языка в советскую эпоху (исследованию взаимовлияния внутренних и внешних факторов, в том числе воздействия русского языка).

В области подготовки и аттестации высококвалифицированных кадров-тюркологов — докторов и кандидатов наук — большая научно-организационная работа проведена специализированным советом по защите докторских диссертаций при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР и специализированным советом по защите кандидатских диссертаций при Казахском государственном университете им. С. М. Кирова. За истекшие пять лет были защищены 11 докторских и 66 кандидатских диссертаций.

Институт языкознания как головное учреждение координирует работу лингвистических кафедр вузов республики и поддерживает постоянные научно-творческие связи с ведущими филологическими научными учреждениями Академии наук СССР и союзных республик.

* * *

В минувшем пятилетии казахское литературоведение продолжало уделять основное внимание разработке актуальных проблем казахской советской литературы, исследованию истории литературы дореволюционного периода и произведений фольклора.

Современный литературный процесс в Казахстане многосложен и многообразен. В литературу пришли писатели, прошедшие испытания кровопролитнейшей из войн, а также те, кто творчески сложился после нее. Вместе с ними успешно работает и поколение совсем молодых одаренных казахских писателей, в произведениях которых находят правдивое отражение жизнь, труд, духовные запросы и интересы наших современников, людей 70—80-х годов.

Ученые Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР в XI пятилетке работали над созданием истории казахской литературы периода развитого социализма. Этот труд призван осветить достижения и указать на недостатки современной казахской литературы, тем самым внося свою лепту в разработку проблем социалистического реализма и ряда теоретических вопросов казахского литературоведения (руков. М. Каратаев).

Другие работы по советской литературе 80-х годов посвящены основным проблемам развития казахской литературы: отдельным ее этапам и характерным тенденциям, раскрытию путей становления и утверждения новых стилей и жанров, творчеству выдающихся писателей, а также вопросам традиций и новаторства, преемственности и мастерства и т. д. К числу таких работ относится монография «Поэтика эпоса „Путь Абая“ в свете истории ее создания» (З. Ахметов), раскрывающая особенности творчества Мухтара Ауэзова.

Казахскими литературоведами многое сделано в области изучения и публикации художественного наследия М. Ауэзова. В 60-е годы вышло двенадцатитомное собрание сочинений М. Ауэзова на казахском языке, в 70—80-е годы — пятитомник на русском языке. В настоящее время завершено издание двадцатитомного собрания сочинений М. Ауэзова.

Продолжается работа над подготовкой к изданию пятитомников произведений классиков казахской советской литературы — С. Сейфуллина, И. Джансугурова и Б. Майлина.

Казахская советская литература развивалась в тесном содружестве с литературами других братских народов, обогащалась их лучшими традициями.

Научными сотрудниками института изучаются взаимосвязи казахской литературы с русской, украинской, узбекской, татарской, башкирской, каракалпакской литературами, исследуются вопросы межнациональных литературных связей, издан библиографический указатель подобных работ.

С 70-х годов институтом разрабатываются вопросы связей казахской литературы с зарубежными европейскими и восточными литературами. Работа в этой области подытожена и обобщена в монографиях «Казахско-европейские литературные связи» и «Казахская литература и Восток» (Ш. Сатпаева). С интересом были встречены сборники «Казахская литература в оценке зарубежной критики» и «Казахская литература и ее интернациональные связи».

В настоящее время изучаются русско-казахские литературные связи 1950—1970 годов, исследуются художественный опыт казахской совет-

ской литературы, обогащение ее новыми традициями в процессе взаимоотношений с литературами Советского Востока. Совместно с азербайджанскими литературоведами институтом готовится коллективное исследование «Казахско-азербайджанские литературные связи».

Много внимания уделялось сбору и публикации произведений выдающихся представителей казахской литературы XVIII—XX вв. В 1977—1984 годах изданы собрания сочинений Абая Кунанбаева, сборники «Сочинения акынов XVIII—XIX вв.», «Сочинения акынов начала XX в.», «Голоса пяти веков» и др.

С конца 70-х годов усилилось внимание ученых к более ранним периодам истории казахской литературы. Результатом исследований в этом направлении явились коллективная работа «Казахская литература раннего периода» (1984) и сборник «Казахская поэзия XIX века» (1985).

В период 1980—1985 годов специалисты по истории литературы работали над изучением известных тюркоязычных литературных памятников «Огуз-наме» и «Мухаббат-наме», к которым, как общетюркским памятникам, несомненно, восходят истоки и собственно казахской литературы. Осуществлен научный перевод текстов этих памятников, изучены их сюжеты, композиция и жанровая специфика. Как показывают первые результаты исследований, с этими памятниками многим, в частности своей сюжетно-композиционной и образной системой, тесно связаны как ранняя тюркская поэзия, так и казахский фольклор и литература XV—XVIII веков.

Научными сотрудниками института подготовлены к печати разделы о казахской литературе для фундаментального труда «История литератур народов СССР дооктябрьского периода», готовящегося к изданию Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Завершено крупное исследование, посвященное казахской литературе XIX века, отличающееся богатством и новизной привлеченных фактов и материалов. В нем освещается один из наиболее сложных и противоречивых этапов в истории развития казахской литературы. Авторы подробно прослеживают богатый разноречивыми литературными событиями путь, пройденный казахской литературой от стихов Махамбета, Шернияза, Суюнбая, разоблачающих косность и духовный застой феодальной жизни и провозглашающих идеалы добра и справедливости, к стихам Абая — вершине казахской поэзии XIX века. Новизна работы заключается еще и в том, что она включает разделы, посвященные жизни и творчеству выдающихся акынов-импровизаторов — Жанака, Шоже, Абыла, Кашагана, Орынбая и других, творчество которых, таким образом, впервые становится объектом научного изучения. Наследие акынов рассматривается в общем контексте литературы изучаемого периода. Работа создает достаточно полное целостное представление о казахской литературе XIX века в ее поступательном развитии.

Как известно, казахской литературе предшествовало весьма богатое фольклорное прошлое, включающее множество эпических героических и лирических дастанов, сложенных на традиционные восточные сюжеты, исторические песни, разнохарактерные сказки, многочисленные легенды, сказания, народно-обрядовые песни, пословицы, поговорки и произведения многих других малых жанров. Казахская литература прошлого почти вся состояла из произведений фольклора и дошла до нас в устной форме. Именно эта ее особенность определила повышенный интерес ученых к исследованиям в области фольклора. Генезису, исто-

рии и жанрам казахского фольклора посвящен ряд капитальных исследований. В настоящее время внимание фольклористов сосредоточено на создании капитального исследования «История казахской фольклористики», в котором прослеживается история изучения казахского фольклора с самых ранних этапов (XVII в.) и вплоть до XX века. В монографии освещаются и оцениваются труды выдающихся исследователей-востоковедов Ч. Ч. Валиханова, В. В. Радлова, И. Алтынсарина, Г. Н. Потанина, А. А. Диваева и других, их роль в создании и развитии фольклористики. В «Истории казахской фольклористики» особое внимание обращается на методiku исследования фольклорных произведений, на выявление жанров и типов казахского фольклора. Для характеристики жанров устного народного творчества впервые широко привлекаются, наряду с материалами казахских и русских источников, и известные тюркоязычные и монголоязычные источники: орхон-енисейские надписи, летописи Рашидаддина, Жалаири, Абульгази, «Сокровенные сказания монголов», «Кутадгу билиг», «Дивану лугат-ит-тюрк», «Кодекс Куманикус», «Огуз-наме» и др. В монографии «История казахской фольклористики» фольклорные материалы рассматриваются не изолированно, а в тесной связи с духовной и культурной жизнью казахского народа. От предшествующих исследований казахских фольклористов данная работа отличается повышенными требованиями к анализу фактического материала, широким привлечением фольклора тюрко-монгольского региона для историко-типологического сопоставления, а также использованием данных этнографии, истории, археологии и лингвистики. Большое внимание уделяется национальной специфике казахского фольклора.

В настоящее время продолжается собирание и изучение произведений традиционного фольклора и народной поэзии, созданной в наше время. Как свидетельствуют факты, в настоящее время из фольклорных жанров особенно успешно развиваются массовая лирическая песня и поэзия, представленная творчеством непрофессиональных акынов, участвующих в современных айтысах. Однако фольклористам еще предстоит исследовать эту форму народного творчества, внести ясность в вопрос о правомерности отнесения ее к фольклору или индивидуальному поэтическому творчеству.

Перед Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова в настоящее время стоят задачи совершенствования структуры комплексных исследовательских программ, улучшения планирования, обновления тематики проводимых научных изысканий и прежде всего освоения новых методов работы. В будущем для обработки и анализа рукописных материалов и фольклорных текстов начнут применяться счетно-вычислительные аппараты. Количественно-системный метод анализа позволит точнее определять количество поэтических строк, эпитетов, сравнений, метафор и других тропов и изобразительных средств в поэтических текстах фольклора и литературы, а также позволит составить словари на основе перфокарт и т. д.

Институтом планируется академическое издание произведений классиков казахской литературы, а также образцов казахского фольклора в пятидесяти томах. В настоящее время подготовлены к печати первые тома. На ближайшее будущее институтом намечается ряд теоретических разработок; к наиболее значительным из них относятся следующие: в области фольклористики — история казахского фольклора, происхождение и развитие казахских фольклорных жанров; по истории литературы — изучение древнетюркских и раннесредневековых истоков

казахской литературы, теоретическое исследование проблем литературы XIX века и абаеведения; по советской литературе — изучение истории развития отдельных жанров казахской советской литературы (романа, поэзии, драматургии), места и роли казахской литературы в общем литературном процессе развития братских литератур народов СССР и ее связей с этими литературами.

Институт сделает все от него зависящее, чтобы выполнить запланированные исследования на уровне высоких научных и политических требований, предъявляемых советским ученым Коммунистической партией Советского Союза.

М. Б. БАЗАРБАЕВ

КИРГИЗСКАЯ ССР

Институт языка и литературы Академии наук Киргизской ССР — одно из первых научных учреждений республики, отмечает в апреле текущего года свой полувековой юбилей. Основное внимание уделяется институтом разработке актуальных вопросов современной тюркской филологии, имеющих важное теоретическое и практическое значение, созданию фундаментальных исследований, раскрывающих закономерности формирования и развития киргизского языка и литературы.

В XI пятилетке в соответствии с планом научных исследований коллектив Института языка и литературы занимался разработкой восьми тем, входящих в общесоюзные проблемы по двум направлениям: «Закономерности развития мировой литературы» и «Проблемы функционирования и развития языка».

Киргизский героический эпос «Манас» пользуется всемирной известностью. В рукописном фонде Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР хранится более шестидесяти вариантов этого памятника, записанных от разных сказителей. В институте создан специальный сектор «Манаса», сотрудники которого заняты изучением и публикацией текстов эпоса. К настоящему времени подготовлены и изданы четыре тома этого эпоса по варианту известного «манасчи» Сагымбая Орозбакова, от которого записана первая часть эпоса в объеме 180 тысяч стихотворных строк. Опубликованная же часть текста составляет 51177 строк. Полный вариант составил бы более десяти томов. Поэтому московское издание его в серии «Эпос народов СССР» было решено ограничить четырьмя томами, посвященными истории главного героя эпопеи: рождению Манаса, его мужанию и подвигам. Пока в этой серии вышел только первый том, второй — находится в производстве. Завершена подготовка текстов для поэтического перевода на русский язык трилогии эпоса «Манас», который будет издан во Фрунзе. В данное время институтом представлено в издательство «Кыргызстан» пять томов эпоса по варианту Саякбая Каралаева, включающие все три части эпоса. Первый том вышел из печати в 1984, второй — в 1986 году.

Прозаическое изложение сюжета «Манаса» с сохранением его художественно-выразительных средств и стилевых особенностей делает этот монументальный эпос более доступным широкому читателю. Пока подготовлен к печати прозаический текст лишь первой части трилогии, который планируется издать в текущем году. Предстоит большая работа по переложению в прозе остальных частей эпоса и переводу их на русский язык.

Одновременно ведутся исследования и всестороннее изучение эпоса «Манас». К настоящему времени издано более десяти монографий и другие работы меньшего объема.

Сотрудниками сектора фольклора и акынской поэзии подготовлено коллективное исследование «Киргизские народные поэмы и дастаны». В работе подвергнуты анализу семнадцать поэм со всеми имеющимися вариантами, в их числе и малые поэмы, такие, как «Аксаткын и Кулмырза», насчитывающие 1500 стихотворных строк, и большие, например, «Эр Солтоной» объемом 35 печатных листов (24500 стихотворных строк).

Рукописный фонд института насчитывает 15690 единиц хранения. Это — произведения фольклора, акынов-импровизаторов и писменников и, конечно, многочисленные варианты текста «Манас». Сбор фольклорного материала на территории республики, начатый много лет назад, интенсивно продолжается по сей день. Недавно была организована специальная экспедиция в Джергетальский район Таджикской ССР и подготовлен сборник «Фольклор джергетальских киргизов».

В минувшем пятилетии сектор рукописей и публикаций занимался каталогизацией материалов. Составлено 57 тысяч карточек, сгруппированных по сказителям, собирателям, местам сбора и жанрам. Продолжается составление аннотированных текстов к фольклорным произведениям в соответствии с практикой, принятой в археографии. В перспективном плане намечено многотомное издание образцов киргизского устного народного творчества.

К значительным достижениям института следует отнести создание двухтомной «Истории киргизской советской литературы», охватывающей период 1917—1980 годов, в объеме около ста печатных листов. В первый том включены обзорные главы, характеризующие основные этапы и тенденции развития киргизской советской литературы. Соответственное место отведено проблемам использования классического наследия и овладению писателями методом социалистического реализма. Во втором томе даются литературно-творческие портреты видных киргизских писателей, внесших свой вклад в развитие литературы. Двухтомник является первым обобщающим трудом, посвященным становлению и развитию всех жанров киргизской советской литературы, включая литературную критику и художественный перевод. Первый том вышел в свет в текущем году, издание второго — запланировано на 1988 год.

В декабре 1985 года состоялась первая республиканская научно-теоретическая конференция на тему «Современный литературный процесс и творчество Чингиза Айтматова». Сейчас в Киргизии формируется специальная отрасль литературоведческой науки — айтматоведение. Было решено приурочить вторую «айтматовскую конференцию» к шестидесятилетию писателя (1988).

Развитие киргизской советской литературы на современном этапе характеризуется все усиливающимися взаимосвязями с литературами других братских народов СССР. С целью изучения этого процесса ещё в 1966 году в институте был создан сектор взаимосвязей национальных

литератур. В последние годы завершён ряд разделов темы «Взаимосвязи киргизской литературы с литературами тюркоязычных народов и с русской литературой». В числе этих разделов «Киргизская советская лирика во взаимосвязях и взаимодействии с поэтическими культурами народов Средней Азии и Казахстана», «Роль русской и мировой литературы в творческой биографии современных киргизских писателей», «Роль творчества Ч. Айтматова в процессе взаимосвязей и взаимодействия литератур народов Средней Азии, Сибири и Поволжья», «Общие черты и особенности трактовки темы Великой Отечественной войны в литературах народов Средней Азии и Казахстана» (на примере современного романа), «Проблема взаимоотношения человека и природы в современной прозе народов Средней Азии и Казахстана».

Определённые успехи достигнуты и в области языкознания. Киргизская лексикография имеет уже многолетнюю историю и устоявшиеся традиции. В этой области долгие годы работал видный советский тюрколог академик К. К. Юдахин. Составленный им «Киргизско-русский словарь», охватывающий 40 тысяч слов и изданный в 1965 году, был удостоен Государственной премии СССР.

Большой «Русско-киргизский словарь» (51000 слов), изданный в 1957 году под редакцией К. К. Юдахина, ныне стал библиографической редкостью. Созданный два года тому назад сектор двуязычных словарей приступил к составлению нового двухтомного русско-киргизского словаря.

Значительный опыт накоплен также в составлении одноязычных словарей. Издан первый том двухтомного «Толкового словаря киргизского языка» объёмом более 90 печатных листов. Вышли в свет также фразеологические и синонимические словари. Находятся в печати второй том «Толкового словаря киргизского языка», «Словарь омонимов киргизского языка», подготовлен «Словарь антонимов киргизского языка».

В 1980 году вышла из печати первая научная «Грамматика киргизского языка» (фонетика и морфология). На 1986 год запланирован выпуск ее адекватного перевода на русский язык. В процессе подготовки к изданию находится «Синтаксис киргизского языка».

В прошлой пятилетке сотрудники сектора современного киргизского языка изучали категориальное и структурное развитие морфологии киргизского языка за последние пятьдесят лет, в результате чего была выявлена тенденция расширения и сужения функций словообразовательных и словоизменительных аффиксов, а также установлена частотность употребления в устной и письменной формах некоторых именных частей речи.

Киргизские диалектологи уже много лет работают над атласом говоров киргизского языка. Составлено более 200 карт, которые в настоящее время готовятся к печати. Предметом изучения языковедов были также взаимоотношения диалектов и литературного языка, особенности языка киргизов, проживающих в Узбекистане.

Сотрудниками сектора тюркологии разработана тема «Лексические параллели в алтайских языках», исследованы подразделы: «Номадная лексика в алтайских языках», «Киргизские этнонимы», «Соматическая лексика киргизского языка в сравнении с другими тюркскими языками», «Цветовозначающая лексика киргизского языка», «Образование киргизской социальной терминологии в сравнении с тюркскими языками Южной Сибири», изучались семантические, фонетические, морфологические особенности в рассматриваемых лексико-семантических группах. Разработка темы проливает свет на историческое развитие лексики кир-

гизского языка, на сходства и различия в лексике южносибирских тюркских и алтайских языков. Многое сделано в области структурно-лингвистического анализа киргизского языка. Все эти разделы войдут в коллективную монографию «Очерки исторической лексики киргизского языка».

Созданная в первой половине 70-х годов лаборатория экспериментальной лингвистики проводила исследование звуковой структуры языка в сегментном и суперсегментном отношениях. С помощью анализирующей аппаратуры (спектрограф, осциллограф, интонограф) детально изучались тембральные, временные и динамические особенности гласных и согласных, а также акцент и интонация различных типов киргизских фраз.

В 1977 году в соответствии с постановлением президиума Академии наук СССР «О научной разработке проблем функционирования и изучения русского языка в национальных республиках и автономных областях СССР» был организован сектор русского языка, исследующий распространение русского языка в различных сферах общественно-экономической жизни республики и его роль как средства межнационального общения.

Теоретические, полевые, социолингвистические исследования свидетельствуют об активном развитии киргизско-русского двуязычия. Эти работы частично вошли в два сборника: «Могучий фактор национально-языкового развития» (1981), «Русское слово в языковой жизни Киргизии» (1984) и в коллективное издание «Языковые процессы (по материалам социолингвистических исследований)», которое выйдет в свет в текущем году. В новой пятилетке сектор русского языка будет заниматься проблемами культуры русской речи киргизов в условиях двуязычия и многоязычия.

В XI пятилетке коллектив института выпустил 75 монографий, брошюр, образцов киргизского фольклора, словарей разного типа и сборников статей общим объемом около 1000 п. л.

Институт языка и литературы Академии наук Киргизской ССР поддерживает постоянные связи со школами республики. Ученые принимают участие в создании школьных учебников и учебных пособий, в разработке учебных программ, читают в Республиканском институте усовершенствования учителей лекции по актуальным вопросам киргизской филологии.

Сотрудники института оказывают помощь также высшей школе республики в деле разработки учебных пособий по киргизскому языку и литературе для вузов, читают спецкурсы, руководят дипломными и курсовыми работами.

Пропагандируя научные знания в массах, сотрудники института опубликовали за пятилетие в периодической печати свыше 450 статей по различным вопросам киргизской филологии.

В XII пятилетке Институт языка и литературы будет работать над такими проблемами, как создание на русском языке двухтомника «История киргизской советской литературы», подготовка однотомной монографии на русском языке об основных проблемах манасоведения, над обобщающим трудом по диалектам и говорам киргизского языка. В планах института также создание в одной книге истории художественного перевода, исследование жанровых особенностей киргизского фольклора в их историческом развитии, подготовка коллективной монографии по культуре речи и обстоятельного очерка исторической морфологии кир-

гизского языка. На основе имеющихся материалов полевых и экспериментальных исследований будут изучаться функциональные аспекты киргизского литературного языка и его диалектов, русская речь киргизов с точки зрения норм русского литературного языка. Намечено составить однотомный фразеологический словарь киргизского языка, двухтомный русско-киргизский словарь и целый ряд терминологических словарей.

Коллектив института примет участие в подготовке запланированного Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР четырехтомного коллективного труда «Советская многонациональная литература развитого социализма» и подготовке шеститомного социолингвистического исследования «Типология двуязычия и многоязычия в СССР», осуществляемого Институтом русского языка Академии наук СССР. Совместно с Институтом мировой литературы будет продолжено издание эпоса «Манас» в серии «Эпос народов СССР».

Большим событием в культурной жизни республики явится проведение в 1988 году V Всесоюзной тюркологической конференции, подготовка к которой уже начата.

Киргизские филологи, как и все советские ученые, восприняли решения XXVII съезда КПСС, задачи, поставленные перед наукой, как программу большой многогранной работы по дальнейшему повышению уровня научных исследований и в новой пятилетке приложат все силы, чтобы решить актуальные вопросы науки на основе марксистско-ленинского учения о культуре, языке и литературе.

А. САДЫКОВ

ТУРКМЕНСКАЯ ССР

Ученые Туркменистана за годы одиннадцатой пятилетки завершили ряд научно-исследовательских тем, подготовили и издали ряд монографических исследований по актуальным вопросам языкознания и литературоведения. Наиболее результативными были исследования по истории туркменской литературы и народного творчества.

В XI пятилетке было завершено создание трехтомной истории туркменской советской литературы со времени зарождения до наших дней («Туркменская советская литература» в 3-х томах и 5-ти книгах). Широкий охват литературного процесса позволил проследить все этапы развития туркменской литературы на фоне политической, социальной и культурной жизни народа, осветить творческий метод, истоки и пути развития туркменской советской литературы, обогащение ее новыми жанрами. Большое внимание уделялось характеристике связей туркменской советской литературы с литературами других братских республик, а также взаимосвязям письменной литературы с народным творчеством, проблемам традиций и новаторства.

В центре внимания литературоведов за прошедший период были вопросы истории, теории и литературно-художественной критики, изучавшиеся на материале как туркменской, так и многонациональной советской литературы. Основным объектом исследования туркменских литературоведов явилось творчество таких крупнейших туркменских писателей, как Б. Кербабаев и Молламурт, а также классиков туркменской дореволюционной литературы: Махтумкули, Зелили, Андалиба.

В предстоящий период будет продолжена разработка проблем современного литературного процесса. Планируется подготовка академического многотомного издания литературного наследия Б. Кербабаева.

Из года в год расширяются связи туркменских литературоведов с учеными головных научных учреждений. Для третьего тома «Истории советской многонациональной литературы развитого социализма (1967—1987 гг.)», подготавливаемого Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, будет написан раздел «Туркменская литература развитого социализма» и хроника литературной жизни республики.

Изучение проблем взаимосвязей и взаимообогащения литератур народов нашей страны становится все более актуальным. Итогом изучения межнациональных и интернациональных связей туркменской литературы явились изданные институтом монографии «Дружба навеки» (о туркменско-таджикских литературных связях в советскую эпоху), «Туркменистан в творчестве Ю. Трифонова». Подготовлены к изданию монографические исследования «Отражение характера и литературной жизни туркмен в русских литературно-публицистических и литературоведческих источниках XIX и начала XX вв.», «Туркменско-узбекские литературные связи (1960—1970 гг.)», «Национальное своеобразие и интернациональная сущность характера лирического героя в туркменской поэзии 50—60-х годов» и др.

В предстоящей пятилетке туркменские литературоведы продолжают изучение межнациональных и интернациональных связей туркменской литературы в следующих аспектах: «Пути творческого содружества туркменской литературы с литературами народов Средней Азии в 20-е годы», «Идейно-эстетические взаимосвязи туркменской литературы с литературами народов Средней Азии в 30-е годы» и др.

Туркменские литературоведы плодотворно работают в области изучения теории и национальной самобытности туркменской литературы. Завершены работы: «Социалистический реализм и проблемы стиля туркменской советской поэзии», «Особенности поэтики К. Курбаннепесова» и др. В монографии «История туркменской литературной критики» (1945—1985 гг.) впервые обобщаются литературно-критические исследования туркменских литературоведов за указанный период. Монографиями об А. Кекилове и Р. Алиеве положено начало созданию творческих портретов туркменских критиков.

Намечены монографические исследования критического творчества О. Тачназарова, Х. Чарыева, Ата Керимова, А. Мурадова, Х. Тангрыбердыева. Одновременно с изучением литературной критики будут продолжены исследования, посвященные теории социалистического реализма, включающие работы «Формирование и развитие метода социалистического реализма в творчестве Б. Кербабаева», «Соотношение метода и стиля в туркменской художественной прозе», «Типическое в туркменской прозе на современном этапе» и др.

Особое внимание туркменские литературоведы уделяли изучению литературного наследия классиков по рукописным источникам. В рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР сосредоточены наследие классиков и фольклорные памятники туркменского народа. Это крупнейшее хранилище уникальных рукописей, старопечатных книг и многочисленных фольклорных материалов, — подлинная сокровищница духовной культуры народа.

Сотрудниками института проделана большая работа по сбору, систематизации и каталогизации рукописных списков и научному описанию рукописей. Издано «Научное описание рукописей Махтумкули». В него вошло 398 описаний, 243 рукописи поэта, хранящиеся в Ленинграде, Ташкенте, Ашхабаде.

Планируется создание различных видов каталогов — алфавитного, систематического, тематического, научного описания тюркоязычных рукописей, а также проведение текстологической работы с целью составления научных и сводных текстов отдельных литературных и фольклорных памятников, таких, как поэма «Насими» Акмухаммеда, дастан «Мелике Диларам» и др.

В результате ранее проведенных текстологических исследований подготовлен и издан к двухсотлетию Курбандурды Зелили сборник его стихов, а также двухтомник избранных произведений Махтумкули-Фраги на основе современной, а его однотомник на основе арабской графики, приуроченные к двухсотпятидесятилетию со дня рождения поэта, также подготовленные по наиболее достоверным спискам, хранящимся в рукописных фондах.

В связи с предстоящим двухсотсемидесятипятилетием со дня рождения Нурмухаммеда Андалиба проведено текстологическое исследование его творчества. Впервые на основе современной графики подготовлены к печати его дастан «Юсуп и Зулейха», поэмы «Насими» и «Огузнаме». Составлены популярные тексты избранных лирических произведений поэта и известного его дастана «Лейли и Меджнун». Подготовлены критические тексты произведений Нурмухаммеда Андалиба «Зейнел-Арап», «Баба-Ровшен», «Лейли и Меджнун», «Сагды-Вакгас» на основе арабской графики.

Подготовлен ряд монографических работ, посвященных туркменской классической литературе, в том числе: «Проблема характера в поэзии Махтумкули», «Народность в поэзии Махтумкули», «Художественные тенденции тюркоязычных литератур и мастерство Махтумкули», «Традиции Махтумкули в туркменской эпической поэзии конца XIX — начала XX в.», «Огузский героический сюжет и поэма „Огузнаме“ Нурмухаммеда Андалиба».

Специальные исследования посвящены эпическим жанрам туркменской дореволюционной литературы — дастану и поэме. Это — монографические исследования «Фольклорные основы дастанов дореволюционной туркменской литературы» и «Народно-демократические идеи в дастанах дореволюционной туркменской литературы». В них анализируются фольклорные основы сюжетов и образной системы дастанов XVIII—XIX вв., исследуются их основные нравственно-этические тенденции и гуманистическая направленность. Выполнено монографическое исследование «Особенности развития туркменской эпической поэзии XVIII века (по рукописным источникам)».

В работе «„Родословная туркмен“ Абулгази как историко-литературный памятник XVIII в.» в литературоведческом аспекте исследу-

ются связи этого рукописного источника с туркменской дореволюционной литературой. Приводится текст памятника в транслитерации на основе современной графики.

В двенадцатой пятилетке творческие поиски литературоведов будут направлены на разработку малоизученных вопросов истории туркменской дореволюционной литературы, в частности на подготовку монографического исследования о жизни и творчестве поэта XVIII века Нурмухаммеда Андалиба, а также ряд специальных работ о поэтах XVI века Джаханшахе Хакыкы, Хатаме-шахире и др. Планируется создание популярного варианта текста дастана поэта XVIII века Сайяди «Зохране и Тахир».

В ближайшем будущем особое внимание будет уделяться составлению критического текста произведений Махтумкули, а также указателя литературного наследия поэта по рукописным источникам, хранящимся в фондах, архивах и библиотеках нашей страны.

Исследование устно-поэтического творчества народа представляет большой научно-теоретический и практический интерес. Воплощая в себе этические и эстетические взгляды трудового народа, фольклор всегда играл и продолжает играть важную роль в воспитании многих поколений слушателей, а в наши дни — и читателей.

Туркменскими фольклористами разработана коллективная тема «Жанры и виды туркменского фольклора». Накопленный научный опыт, богатая коллекция рукописного материала помогли завершить ряд разделов этой темы и подготовить монографические исследования: «Вопросы генезиса и поэтики туркменского героического эпоса „Героглы“», «Сказочные основы туркменских народных дастанов», «Народная сатира в туркменских сказках», «Своеобразие стилей и системы образов в народных сказках», «Туркменская народная поэзия», «Специфика народных сказок о животных», «Фольклорный образ исторических личностей», «Фантастика в эпосе „Героглы“» и др.

В двенадцатой пятилетке запланирована работа над коллективной темой «История и теория туркменского устного народного творчества», включающая раздел «Составление многотомного свода туркменского фольклора», в который войдут заново выверенный с учетом вновь поступивших записей, отредактированный научный текст туркменского героического эпоса «Героглы», другие народные дастаны, эпические и лирические произведения. Завершение подготовки свода туркменского фольклора и его издание даст достоверный научный материал не только филологам и фольклористам, но также и многим другим специалистам в области общественных наук.

Значительных успехов достигли языковеды Туркменистана в изучении вопросов функционирования и закономерностей развития туркменского языка, распространения двуязычия и взаимодействия русского и туркменского языков. В двенадцатой пятилетке учеными республики будет продолжена разработка вопросов фонетики и грамматического строя, истории и диалектологии, лексикологии и лексикографии, культуры речи и терминологии туркменского языка, а также функционирования русского языка как средства межнационального общения в Туркменистане.

В последние годы фонетический строй, интонационная система туркменского языка изучались экспериментально-фонетическим методом. В настоящее время получены объективные данные по различным вопросам фонетики и интонации туркменского языка. На основе этих исследований созданы монографии: «Долгие и краткие гласные в туркменском языке», «Спектральная характеристика долгих и кратких гласных турк-

менского языка», «Фрикативные и сонорные согласные в туркменском языке», «Интонация простых повествовательных и вопросительных предложений в туркменском языке», «Интонация ответных и побудительных фраз туркменского языка», «Интонация одно- и многосинтагменных фраз в туркменском языке».

Продолжается разработка вопросов фонетики и интонации: исследуются просодические характеристики широких гласных в трехсложных словах со слоговой структурой типа СГС+СГС+СГС, описаны длительность, интенсивность и частота основного тона широких гласных во всех слогах, зависимость или независимость физических компонентов от ударного гласного, определены структурные типы слогов, качественно отличающихся друг от друга. Изучается восприятие негубных гласных, зависимость опознания негубных гласных от характера позиции слога и ударения, выявлены ритмико-интонационные особенности синтаксических групп в сложных фразах и характер ударных гласных в заимствованных словах туркменского языка.

В двенадцатой пятилетке будут изучаться просодические характеристики (длительность, интенсивность и высота основного тона) узких гласных в словах со слоговой структурой СГС+СГС+СГС, акустические особенности дифтонгоидов и губных гласных в определенных ритмичных слоговых структурах слов, движение тона в восклицательных предложениях туркменского языка.

Результаты изучения грамматического строя современного туркменского языка приводятся в многочисленных статьях и ряде монографических исследований. Итогом многолетнего труда сотрудников сектора современного туркменского языка явилась «Грамматика туркменского языка» в двух частях и трех книгах, а также разработка темы «Глагол в современном туркменском языке». Ряд проблем глагола изучен и в сравнительном плане с другими тюркскими языками юго-западной группы. Результаты этих исследований опубликованы в книгах и статьях.

В 1986 году будет завершено составление научной грамматики современного туркменского языка. В дальнейшем намечается разработка актуальных вопросов словообразования: образование имен посредством аффиксации и словосложения, а также образования в современном литературном языке глаголов от имен с помощью аффиксов с привлечением материалов диалектов и письменных памятников туркменского языка.

До настоящего времени диалекты и говоры туркменского языка изучались преимущественно путем монографического исследования. На основе накопленного материала диалектологами написаны и опубликованы работы: «Очерки по диалектам туркменского языка», «Туркменская диалектология», «Эрсаринский диалект туркменского языка», «Емрелинский диалект туркменского языка», «Диалектная лексика», создан «Краткий диалектологический словарь туркменского языка» и др. Завершена работа над диалектологическим атласом туркменского языка. Продолжается монографическое изучение диалектов.

На двенадцатую пятилетку планируется составление картотеки для большого диалектологического словаря. Создание самого словаря предусматривается в 1991—1995 гг.

Вопросы истории туркменского языка являются темой ряда диссертационных работ. Некоторые из них посвящены отдельным проблемам исторической грамматики туркменского языка, изучаемым на материале памятников XVIII—XIX веков.

В последние годы история туркменского языка изучается преимущественно в области грамматики по материалам письменных памятников XII—XIX вв. В настоящее время разработаны разделы морфологии и синтаксиса (в историческом аспекте). Эти исследования составят основу подготавливаемой к изданию «Исторической грамматики туркменского языка» (т. I — «Морфология», т. II — «Синтаксис»). Отдельные разделы этой грамматики изданы в виде монографий.

На двенадцатую пятилетку планируется составление картотеки для словаря старотуркменского языка. В картотеку будут включены все слова, употребляемые в письменных памятниках туркменского языка с древнейших времен по XVI век.

На современном этапе развития нашего общества важное значение приобретает изучение вопросов культуры речи. Сектором культуры речи изучается общий процесс нормализации лексики, грамматического строя, орфографии и орфоэпии туркменского литературного языка. Результаты проведенных исследований опубликованы в монографиях и сборниках научно-популярных статей по различным вопросам культуры туркменской речи.

Завершена подготовка разделов: «Персидские и арабские заимствования и их нормализация в туркменском языке», «Язык художественной прозы и норма», «Своеобразие языка поэзии». Подготовлена картотека словаря трудных случаев грамматики туркменского языка.

На двенадцатую пятилетку сектором культуры речи намечена разработка тем и вопросов, связанных с повышением речевой культуры носителей туркменского языка, таких, как «Участие заимствованной лексики в терминотворчестве туркменского литературного языка», «Социальный аспект изучения вопросов языковых норм», «Язык газеты».

Сектором культуры речи создана служба языка: при возникновении затруднений и спорных вопросов здесь можно получить квалифицированную консультацию. В дальнейшем намечается широкая пропаганда норм туркменского литературного языка, в частности, планируется организация серии радио- и телепередач, посвященных различным вопросам культуры туркменской устной и письменной речи. В передачах будут участвовать видные ученые, писатели, журналисты.

Лексикографическая работа в республике развивается по линии подготовки толковых словарей туркменского языка, создания русско-туркменских и туркменско-русских словарей, терминологических словарей по различным отраслям науки, а также составления словарей профессиональной лексики.

Создание толковых словарей туркменского языка одно из основных направлений деятельности сектора лексикографии, которым изданы «Словарь туркменского языка» и «Фразеологический словарь туркменского языка». Составлен также двухтомный толковый словарь туркменского языка объемом около двухсот пятидесяти авторских листов, который охватывает активную лексику современного туркменского языка. В словаре широко представлены советско-интернациональные слова и профессиональная лексика. В 1986—1990 годах будет завершена работа по подготовке этого словаря к печати. Планируется создание большого фразеологического словаря туркменского языка.

Составляется «Словарь синонимов туркменского языка» объемом около тридцати авторских листов. В нем будут отражены наиболее употребительные синонимические ряды, даны толкования каждого синонимического ряда, приведены иллюстративные примеры из различных ис-

точников. Работа над словарем синонимов будет закончена к концу двенадцатой пятилетки.

Важную роль в развитии культуры речи туркменского народа играют двуязычные русско-туркменские и туркменско-русские словари. Коллективом сектора лексикографии завершена работа над новым «Туркменско-русским словарем» объемом сто пятьдесят авторских листов. Этот словарь отличается от предшествующих полнотой словника, тщательностью лексикографической обработки, более детальным раскрытием значений полисемантических слов, более широким использованием фразеологического материала.

Создан также «Карманный русско-туркменский словарь» объемом двенадцать авторских листов, издан «Русско-туркменский учебный словарь». В ближайшее время выйдет из печати двухтомный «Большой русско-туркменский словарь». В двенадцатой пятилетке в секторе лексикографии будет составлен «Карманный туркменско-русский словарь» объемом двенадцать авторских листов.

Значительное место в работе ученых-лексикографов занимают словари профессиональной лексики. Издан «Словарь профессиональной лексики туркменского языка», который охватывает около тысячи двухсот слов, отражающих предметы и понятия, связанные с ювелирным, слесарным и столярным ремеслами.

Завершена также работа по составлению «Словаря туркменских этнонимов», в котором некоторые из этнонимов вводятся в научный обиход впервые.

Наряду с лексикографической работой ведутся и лексикологические исследования. Вышел из печати ряд монографий: «Топонимия Туркменистана», «Метафора — важное средство художественной речи», «Принципы отбора и лексикографирования глаголов в словарях» и др. В двенадцатой пятилетке намечается завершение раздела «Этнонимы в туркменском языке».

В эпоху научно-технической революции большое значение приобретает разработка терминологии туркменского языка, изучение путей формирования и развития туркменской общественно-политической, производственной, научно-технической терминологии. Эта работа ведется в двух направлениях: создаются терминологические словари и исследуются теоретические и практические вопросы терминологии.

Создание русско-туркменских терминологических словарей имеет в республике определенные традиции. В различные годы выходили терминологические словари по химии, физике, географии, геологии, астрономии, анатомии, сельскому хозяйству, ботанике, животноводству и т. д. После создания в 1980 году в институте сектора терминологии эта работа приобрела планомерный характер. Наряду с созданием двуязычных терминологических словарей сектор занимается изучением теоретических вопросов терминологии. Подготовлены две монографии: «Становление и развитие туркменской литературоведческой терминологии» и «Грамматическая терминология туркменского языка».

В изданном «Русско-туркменском словаре сокращений» получили отражение более десяти тысяч наиболее употребительных в современной периодике и научно-технической литературе сложносокращенных слов, аббревиатур, графических сокращений.

В двенадцатой пятилетке сектором терминологии планируется изучение социально-экономической, научно-технической терминологии туркменского языка, а также намечается создание русско-туркменского словаря искусствоведческих терминов.

Одним из актуальных направлений современного советского языкознания является исследование проблемы функционирования в национальных республиках и областях русского языка как средства межнационального общения. Изучением вопросов функционирования русского языка в Туркменистане занимаются в настоящее время сотрудники отдела туркменско-русского двуязычия, созданного в институте в 1979 году. Коллективом отдела опубликованы монографии: «Русские заимствования в туркменском языке», «Туркменские слова в русском тексте», аннотированный указатель литературы «Изучение русского языка в Туркменистане», а также брошюры и сборники. Десятки статей напечатаны в республиканской и центральной периодике. Отделом подготовлены русско-туркменский и туркменско-русский разговорники.

Завершена работа над коллективной монографией «Русская речь туркмен» (около 40 п. л.), в которой анализируется роль русского языка в советском обществе, рассматриваются условия формирования и пути развития туркменско-русского двуязычия, приводятся результаты социолингвистического обследования распространения русского языка среди различных слоев коренного населения республики. Большую часть коллективного труда составляет анализ интерферентных явлений в русской речи туркмен, вызванных как воздействием родного языка билингов, так и сложностью самой системы русского языка.

На двенадцатую пятилетку планируется исследование русско-туркменских языковых контактов в условиях двуязычия, при этом будут выявлены особенности функционального взаимодействия языков — компонентов двуязычия, а также описаны результаты взаимовлияния их на лексико-семантическом уровне. Планируется изучение типов ошибок в русской речи туркмен, где с позиций современных достижений лингвистики и лингводидактики будут рассмотрены интеръязыковые и интраязыковые ошибки при освоении туркменами явлений различных структурных уровней русского языка. На 1986—1990 годы намечается исследование функционального взаимодействия русского и туркменского языков в сфере массовой коммуникации (периодическая печать, радио, телевидение, кино) и обусловленные этими сферами изменения во внутренних структурах взаимодействующих языков в республике (лексике, грамматике, фонетике).

Б. ЧАРЫЯРОВ

УЗБЕКСКАЯ ССР

Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР является главным и основным научно-исследовательским центром, исследующим историю, современное состояние и все актуальные проблемы классической и советской узбекской литературы, ее связи с другими литературами, а также изучающим историю узбекского языка с древнейших времен по настоящее время, его современное состояние и контакты с языками других народов. (В настоящей информации освещается деятельность только этого института).

За последнее десятилетие институтом подготовлен и издан целый ряд обобщающих капитальных работ. К их числу следует отнести: пятитом-

ную «Историю узбекской литературы (дооктябрьский период)», двухтомную академическую «Теорию литературы», «Историю узбекской литературной критики (с 1917 года по настоящее время)», трехтомную «Историю узбекской советской литературы» (в четырех книгах), двухтомный «Толковый словарь узбекского языка», двухтомный «Русско-узбекский словарь», двухтомную академическую «Граматику узбекского языка» и другие исследования, посвященные истории, теории, типологии творческих методов, социалистическому реализму, литературным стилям, теории перевода, проблемам сочетания национального и интернационального в узбекской литературе, вопросам грамматики современного узбекского языка и его истории.

В настоящее время ведется интенсивная работа по подготовке реформы узбекской письменности, которая должна учесть и отразить изменения, произошедшие в узбекском языке за советский период его развития.

Сейчас готовится к изданию целый ряд капитальных работ, в том числе: «История узбекской советской литературы» (пятитомник на русском языке), «История и теория жанров в узбекской литературе социалистического реализма» (двухтомник), третий том «Очерков истории русской литературы в Узбекистане». Параллельно ведется работа над «Энциклопедией Хамзы» и «Энциклопедией Алишера Навои», «Очерками узбекского фольклора», многотомным изданием «Памятники устно-поэтического народного творчества» (издан 41 том). Вышли в свет академические издания полного собрания сочинений Хамзы Хакимзаде Ниязи в четырех томах, Айбека в двадцати томах, Хамида Алимджана в десяти томах, а также пять томов двенадцатитомного полного собрания сочинений Гафура Гуляма и т. д.

Литературоведами института изучаются закономерности развития узбекской советской литературы в период развитого социализма, исследуются основные тенденции современного литературного процесса. Особое внимание уделяется изучению литературы социалистического реализма, проблемам партийности и народности, историзма и гуманизма, национального и интернационального в литературе, проблемам положительного героя, идейности и мастерства писателя, а также традициям и новаторству, трагическому и комическому, герою и его окружению, влиянию литературы на формирование идейно-нравственного облика современного читателя, развитию узбекской детской литературы.

В подготовленной к изданию работе, посвященной жанрово-стилевым особенностям развития современной узбекской литературы, дан ретроспективный анализ становления и развития жанров узбекской советской литературы, показан вклад узбекских советских писателей в развитие литературных жанров, прослежены особенности их индивидуального стиля, благотворное влияние на их творчество многонациональной советской и мировой прогрессивной литературы.

Взаимодействие литератур — один из основных факторов, стимулировавших успешное развитие узбекской советской литературы. Поэтому изучению данной проблемы уделяется большое внимание. Исследование ведется на материале творчества крупнейших узбекских советских писателей. При этом особое внимание уделяется изучению влияния русской литературы на идейно-художественное и жанрово-стилевое развитие узбекской литературы.

Определенное место занимают исследования истории, теории и типологии перевода, а также роли и места занимаемого художественным переводом в общем историко-литературном процессе. Рассматриваются вопросы адекватности перевода, воздействия переводимого произведения

на оригинальное творчество писателя-переводчика, разрабатываются принципы перевода произведений различных родов и жанров (поэзия, проза, драматургия). Период Великой Отечественной войны явился особым этапом в развитии художественного перевода в Узбекистане, связанным с проживанием в республике крупнейших советских переводчиков в период эвакуации. В послевоенные годы выросло новое поколение профессиональных переводчиков, резко возросли количество и объем переводимых книг. Институтом готовится издание, включающее литературные портреты тридцати пяти крупнейших переводчиков.

Проблеме «Литературный процесс и перевод» посвящены три тематических сборника статей, охватывающих период с 1917 по 1970 год.

Фольклористами института продолжается сбор произведений народного творчества и публикация лучших его образцов. Готовятся «Очерки узбекского фольклора» в трех томах, в которых систематизированы и изучены собранные материалы устного народного творчества, охарактеризовано их жанровое своеобразие и художественная самобытность, показано современное бытование фольклорных жанров. Первый том посвящен общим вопросам фольклорного творчества в Узбекистане, его лирическим жанрам, обрядовому и детскому фольклору, пословицам и поговоркам. Второй том посвящен изучению прозаических и драматических жанров, третий — народным дастанам. Первый том «Очерков» планируется издать в 1988 году.

Представлено к печати комментированное академическое издание «Узбекские народные пословицы», включающее тринадцать тысяч единиц.

Подготовлены к печати также полные собрания сочинений Х. Алимджана в десяти томах и Г. Гуляма в двенадцати томах (т. 1—5). Проведено текстологическое исследование их творческого наследия, подготовлены соответствующие историко-литературные комментарии. Близка к завершению работа «Типология романа в литературах Средней Азии и Казахстана».

Узбекская классическая литература охватывает почти тысячелетний период развития. Бессмертные лирические произведения Лутфи, Алишера Навои, Агахи, Мукими, Фурката Аваза и других требуют систематического исследования и периодического переиздания.

Помимо упомянутой пятитомной «Истории узбекской классической литературы» институтом подготовлено двухтомное издание «Узбекская литература (дооктябрьский период)» на русском языке. В двухтомнике прослежена история многовековой узбекской литературы, развивавшейся во взаимосвязи со многими восточными литературами, и при этом — литературы своеобразной и самобытной. В двухтомнике ряд материалов вводится в литературоведческий обиход впервые, пересмотрены некоторые прежние неверные и устаревшие оценки. Развитие узбекской литературы представлено на фоне исторических, политических, социальных и культурных событий; прослежены различные литературные течения и направления, освещены проблемы творческих методов, стилей, зарождения и становления художественной прозы, раскрыта роль Алишера Навои в истории узбекской литературы. Рассмотрены также особенности взаимоотношений письменной литературы с фольклором, традиции двуязычия и т. д. Первый том включает историю узбекской литературы с древнейших времен до XVI века, включая древнетюркские памятники, литературу на арабском и персидском языках, созданную среднеазиатскими писателями и поэтами на рубеже X—XII вв. Изучено творчество Махмуда Кашгари, Юсуфа Хас Хаджиба Баласагуни, Рабгузи, Дурбека, Хорезми,

Лутфи, Атаи, Гадаи, Алишера Навои. Второй том включает историю узбекской литературы, начиная со второй половины XVI века и до Октябрьской революции. Он охватывает творчество наиболее видных представителей узбекской литературы XVI—XVIII веков: Турды, Агахи, Муниса, представителей узбекской демократической литературы второй половины XIX века: Муками, Фурката и других, а также творчество писателей предреволюционной поры.

Институт издал ряд коллективных работ, в том числе: «Художественный мир Гафура Гуляма» (1984), «Творческий метод и мастерство Айбека» (1985). В XI пятилетке завершено издание полного собрания сочинений Айбека в двадцати томах (тт. XVII—XX).

В результате изучения современного литературного процесса изданы: «Типология жанров и стилевое многообразие узбекской литературы» (1983), «Актуальные проблемы современного литературного процесса» (1984), «Современность и узбекская детская литература» (1981).

Важное место в деятельности института занимает исследование творчества основоположника узбекской советской литературы Х. Х. Ниязи. В последние годы издан ряд монографий, посвященных его творчеству.

В XII пятилетке институт планирует подготовку работы «Основные идейно-художественные тенденции узбекской литературы на современном этапе». Намечена также разработка методики комплексного изучения литературного творчества, изучение основных тенденций развития метода социалистического реализма в узбекской литературе, исследование взаимосвязей узбекской литературы с другими братскими литературами, проблем художественного перевода, детской литературы.

Будет продолжена работа по текстологической подготовке и публикации узбекской советской классики: шеститомника А. Кадыри (т.т. 1—3) и двенадцатитомника Г. Гуляма (т.т. 5—12), а также очередных трех томов двадцатитомного полного собрания сочинений Алишера Навои. По-прежнему много внимания будет уделено изучению фольклора и изданию лучших его произведений.

В области языкознания основное внимание института в XI пятилетке было сосредоточено на вопросах, связанных с современным состоянием узбекского языка, с его историей, диалектологией, а также с культурой речи, терминологией, двуязычной лексикографией, с вопросами взаимодействия, взаимовлияния и взаимообогащения контактирующих языков, с узбекско-русским двуязычием и др.

Значительным событием в культурной жизни республики стало создание в 1984 году на базе института республиканской межведомственной терминологической комиссии при президиуме Академии наук Узбекской ССР.

В XI пятилетке языковедами были изданы двухтомные «Толковый словарь узбекского языка» и «Русско-узбекский словарь».

Продолжалось исследование узбекского языка советского периода на всех уровнях. Были выявлены изменения в грамматическом и фонетическом строе узбекского литературного языка, раскрыты основные причины, вызвавшие эти изменения. Исследования показали, что узбекский язык развивался главным образом за счет своих внутренних ресурсов, а на формирование его функциональных стилей заметное влияние оказали другие языки, в первую очередь русский, который во многом способствовал созданию научного стиля. Данная работа выполнялась на основе сопоставительного изучения языковых материалов староузбекского периода, советского периода (20—30 годов) и современного узбекского языка.

Работа «Очерки культуры узбекской речи» посвящена теоретическим и прикладным проблемам культуры речи. В ней рассматриваются особенности литературного языка, принципы нормирования устной и письменной речи, лингвистические и экстралингвистические факторы повышения языковой культуры как важнейшей составной части общей культуры советских людей. Вопросы стилистики также изучались в аспекте проблем развития культуры речи.

Проводилось исследование таких проблем, как функционирование русского языка в Узбекистане, узбекско-русское двуязычие, сопоставительная типология русского и узбекского языков. Исследовалась также восточная лексика, вошедшая в русский язык, ее лексико-семантическое освоение и влияние на стиль русского языка в Узбекистане.

Осуществлялось комплексное исследование русской письменной и устной речи студентов-узбеков технических вузов республики на фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, а также выявлялись стилистические особенности речи в условиях узбекско-русского двуязычия с целью установления интерференционных явлений и лингвистической природы их возникновения.

Проводилось исследование семантики относительных прилагательных русского и узбекского языков, были установлены изоморфизм и алломорфизм сравниваемых структур, определены особенности словообразовательных и лексических значений относительных прилагательных двух языков.

Подготавливалась работа по теме «Принципы упорядочения узбекской научно-технической терминологии». В ней были разработаны принципы упорядочения научно-технической терминологии узбекского языка, в том числе терминов, образованных аффиксальным способом, а также сложных терминов, терминов-аббревиатур, терминов-словосочетаний и терминов, созданных на основе общеупотребительной лексики. Рассмотрены вопросы упорядочения русско-интернациональных заимствованных терминов. Были выявлены причины возникновения дублирующихся терминов, выдвинуты конкретные предложения по ликвидации недостатков, имеющих в различных терминологических системах, а также разработаны рекомендации по более полному использованию резервов родного языка для номинации тех или иных понятий и явлений.

Создан новый «Узбекско-русский словарь» на базе предшествовавшего такого же словаря 1959 года. Новый словарь почти в полтора раза превышает по объему прежний. На одну треть увеличилось число словарных статей, исправлены некоторые ошибки прежних переводов, расширены значения многих слов, обновлен и дополнен иллюстративный материал.

Исследование «Лексика узбекских народных говоров» посвящено анализу конкретных фактов лексики диалектов и говоров узбекского языка. В нем на большом материале выявляется лексическое взаимовлияние литературного языка и диалектов узбекского языка в различных сферах лексики. Всесторонне рассмотрены и обобщены типы и этимологический состав лексики диалектов, семантическая и тематическая структура диалектной лексики. Выявление специфики диалектного слова в его сопоставлении с соответствующим словом литературного языка представляет собой один из важных этапов разработки лексикологии диалектов узбекского языка.

По теме «Историческая морфология узбекского языка (XVII—XIX вв.)» на основе сравнительного изучения многочисленных языковых памятников была подвергнута детальному анализу морфологическая

структура узбекского языка указанного периода. Выявлены общие морфологические явления, составившие основу литературных норм узбекского языка, а также частные факты, характерные лишь для определенного круга источников. Установлены закономерности развития узбекского литературного языка на уровне морфологии.

По теме «Исследование по сравнительной лексикологии современных тюркских языков Средней Азии» на материале узбекского, уйгурского, казахского, киргизского, каракалпакского и туркменского языков изучалось развитие общей и межтюркской лексики, восходящей своими корнями к глубокой древности и подобранной по определенным лексикотематическим группам. Исследование проводилось в сравнительно-историческом и ареальном планах, объект исследования — современные тюркские языки, диалектные данные, памятники тюркской письменности XI—XVII веков. Рассматривались вопросы становления и способы образования (морфологический, синтаксический) изучаемых слов, типы их семантической мотивированности, семантические процессы (расширение и сужение значений). Лексика тюркских языков Средней Азии изучалась как с точки зрения совпадений, так и расхождений с целью определения границ распространения тех или иных языковых реалий.

Коллектив языковедов института на XII пятилетку наметил разработку проблем по установлению закономерностей развития и истории узбекского языка, а также развития современного узбекского языка и русского языка в Узбекистане. Это потребует изучения ряда вопросов: лексической семантики, синтаксического и интонационного строя современного узбекского языка, кодификации устной речи в основных сферах функционирования как современного узбекского, так и русского языка как средства межнационального общения в Узбекистане.

Предстоит также разработка узбекской терминологии в области естественных наук и создание в связи с этим отраслевых терминологических словарей, а также создание словника многотомного толкового словаря с учетом всего лексического богатства современного узбекского языка.

Необходимо изучить употребление диалектной лексики, а также языковых особенностей памятников староузбекской письменности. Намечается создание трудов по исторической грамматике, лексике и фонетике, по взаимовлиянию и взаимообогащению тюркских языков.

Будут исследоваться также теоретические и прикладные проблемы фонетического и лексико-грамматического строя современного узбекского литературного языка, языковые особенности письменных памятников XI—XV веков и закономерности развития лексики тюркских языков среднеазиатского ареала, продолжено составление диалектологического словаря узбекского языка и десяти томного толкового словаря узбекского языка, терминологических словарей.

Планируется изучение функционально-нормативных особенностей узбекской устной речи и ее культуры, русской устной речи узбеков-билингвов, русского и узбекского языков в сравнительно-типологическом аспекте, тенденций развития научно-технической терминологии узбекского языка в советский период.

Коллектив Института языка и литературы им. А. С. Пушкина, вдохновленный решениями XXVII съезда КПСС, приложит все усилия для успешного выполнения задач, стоящих перед филологической наукой Узбекистана в XII пятилетке.

Б. А. НАЗАРОВ, Э. А. ҚАРИМОВ, И. У. АСФАНДИЯРОВ

БАШКИРСКАЯ АССР

Башкирская филологическая наука в XI пятилетке располагала необходимыми предпосылками для успешного развития. Решения XXVI съезда и последующих пленумов ЦК КПСС об общественных науках легли в основу определения направления дальнейшего развития научных исследований в области башкирской филологии. Непосредственными исполнителями актуальных филологических проблем стали Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, филологические кафедры Башкирского госуниверситета и трех педагогических институтов, тесно сотрудничавшие с головными учреждениями Академии наук СССР и вузами соответствующего профиля.

Литературоведение развивалось в основном в двух направлениях: а) изучение истории башкирской литературы и ее системное описание со времени зарождения до современного состояния; б) исследование современного литературного процесса в различных его аспектах.

Литературоведы Башкирии в последнее десятилетие работают над подготовкой многотомной истории башкирской литературы, начиная со времени общетюркской культурной общности¹. Ими выдвинут ряд новых концептуальных положений об истоках становления башкирской литературы, ее периодизации; авторами прослеживаются основные закономерности и особенности ее развития, эволюция жанров, стилей, творческих методов. В процессе проведенных исследований выявлены новые имена башкирских писателей XVIII—XIX веков и их произведения, подробно исследовано творчество наиболее ярких представителей национальной литературы². Текстологически проанализированы и изданы произведения писателей начала XX века, опубликованные или сохранившиеся в рукописи³.

По договоренности с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР выполнены обобщающие исследования по истории башкирской литературы дооктябрьского периода.

Продолжались археографические поиски рукописей и старопечатных книг в БАССР и за ее пределами. Найдены новые списки письменных памятников, написанных на тюрк, арабском и персидском языках, распространенных среди башкир в средневековье и в более позднее время.

Современная проблематика в башкирском литературоведении и критике исследовалась в нескольких направлениях. Исследована, например, эволюция романа и своеобразные черты этого жанра в башкирской литературе последних лет, становление прозаических стилей в целом, влияние на них русской классической и советской литературы⁴. Разрабатывались также проблемы преемственности в развитии художественной мысли и методы художественного освоения и отражения в литературе окружающей действительности⁵, интернационалистские традиции в башкирской советской литературе⁶.

В Институте истории, языка и литературы завершена монография, обобщающая результаты художественных поисков башкирских поэтов разных поколений, анализирующая различные направления жанров и стилей башкирской советской поэзии.

Ряд публикаций был посвящен таким общим методологическим проблемам современной литературы, как традиции и современность, научно-техническая революция и поэтическое мышление и т. д.⁷

Плодотворной была работа в области исследования драматургии⁸. Возросло число публикаций творческих портретов писателей, сбор-

ников воспоминаний о крупных представителях национальной культуры, библиографий.

Современная башкирская литература развивается в тесном взаимодействии с литературами братских народов СССР. Предметом исследования литературоведов стали проблемы литературных связей и взаимовлияния литератур в процессе их развития⁹, творческие связи русских писателей с Башкирией¹⁰.

Однако необходимо отметить, что в современном башкирском литературоведении отсутствуют широкие теоретические обобщения, мало появляется исследований, посвященных эволюции творческих методов художественной литературы, особенно — формированию метода социалистического реализма, анализу индивидуальных художественных и стилевых особенностей творчества крупнейших писателей, мастерству образного отражения действительности. Несмотря на значительные успехи башкирской литературы для детей, она пока еще не стала предметом литературоведческого анализа.

В новом пятилетии литературоведам предстоит завершить многотомную историю башкирской литературы, исследовать актуальные проблемы современного литературного процесса, теории литературы.

Достижением фольклористов республики следует признать завершение издания многотомного свода памятников башкирского устного народного творчества, семь томов которого изданы в минувшем пятилетии¹¹. Тома составлены по жанрам, каждый из них снабжен вступительной статьей, обширными комментариями, указателем сказочных сюжетов на русском языке по общепринятой международной системе классификации. В свод включены лучшие образцы устного народного творчества, собранные за многие десятилетия. Осуществлены также издания произведений различных жанров башкирского фольклора на русском языке¹².

Фольклористами проводилась необходимая текстологическая работа, систематизировался фольклорный материал, что позволило вести более глубокие изыскания по отдельным жанрам фольклора. В результате этой работы был подготовлен сборник статей «Башкирский фольклор. Исследования последних лет».

Вышла в свет монография о природе, социально-исторических и бытовых основах, а также художественных особенностях загадок, пословиц и поговорок¹³. Завершено исследование и тематико-сюжетная классификация жанрового состава башкирской несказочной прозы (легенды, предания, рассказы-поверья, песни-предания и т. п.).

Подготовлено монографическое исследование о башкирских эпических сказаниях с мифологической основой, охватывающее такие широко известные эпические сказания, как «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Конгур буга», «Қара юрга», «Акхак кола».

Были исследованы богатырские сказки и сказки о животных, их образная система, художественные изобразительные средства, поэтика жанра. Впервые были исследованы также самобытные песенные жанры (*такмак* и *сеңләу*). Выпущено учебное пособие для вузов по фольклору¹⁴.

Отдельные вопросы взаимовлияния фольклоров разных народов, межэтнических фольклорных связей, взаимодействия фольклорного и литературного творчества освещались в межвузовских научных сборниках «Фольклор народов РСФСР», регулярно выпускаемых Башкирским госуниверситетом¹⁵, а также в сборниках докладов и сообщений, сделанных на международных и всесоюзных научных конференциях и

симпозиумах, в работе которых принимали участие и башкирские фольклористы¹⁶.

Около пяти тысяч единиц записей музыкального фольклора башкир содержит фонд Института истории, языка и литературы, освоенный, к сожалению, в весьма незначительной степени. В последние годы началась интенсивная работа по нотированию музыкальных записей и составлению сборников народных песен, подготовлена книга с нотной расшифровкой музыкальных произведений башкир Саратовской и Куйбышевской областей.

Все еще остаются малоизученными на основе фольклорных произведений народное мировоззрение в широком смысле этого понятия, эстетические особенности эпоса, сказок и т. д., проблемы бытования фольклора в современную эпоху, творческого использования его лучших традиций.

На новое пятилетие намечается подготовка двенадцатитомного издания лучших образцов башкирского фольклора в переводе на русский язык. Данное издание будет носить научно-популярный характер и впервые с достаточной полнотой познакомит всесоюзного читателя с лучшими образцами всех жанров башкирского фольклора.

Развитие башкирского языкознания в XI пятилетке характеризовалось, по сравнению с предшествующими годами, расширением проблематики и методики исследований. Наряду с традиционными для тюркологии направлениями (синхронная грамматика, сравнительно-историческое изучение строя языка, диалектология, лексикография) стали развиваться социолингвистика, лингвогеография, семасиология, сопоставительная типология, ономастика.

Крупным достижением башкирских лексикографов следует признать подготовку большого толкового словаря (Институт истории, языка и литературы БФ АН СССР), в котором впервые нашла наиболее полное описание система значений всех зафиксированных слов и устойчивых словосочетаний с нормативными оценками. Словарь в настоящее время проходит редакционную обработку в издательстве «Русский язык» и должен быть выпущен в свет в 1989 году.

Опубликован целый ряд двуязычных терминологических словарей¹⁷, подготовлены к изданию терминологические словари по лингвистике, сельскому хозяйству и педагогике.

Продолжалась работа по составлению и выпуску словарей лексико-семантических групп слов и личных имен¹⁸.

Среди завершенных и готовящихся к изданию в ближайшие два года русско-башкирский учебный словарь, русско-башкирский фразеологический словарь, словарь омонимов башкирского языка. Вопрос об издании подготовленного несколько ранее обратного словаря и третьего тома диалектологического словаря все еще находится в стадии решения.

Группа лексикографов института работает сейчас над составлением большого башкирско-русского словаря, а в перспективе — создание нового русско-башкирского словаря. Однако из-за отсутствия соответствующих теоретических разработок наблюдается разноречие в определении принципов составления словарей.

Башкирские диалектологи, наряду с традиционным монографическим описанием диалектов и говоров, в последние годы вели работу по подготовке диалектологического атласа башкирского языка. Эта боль-

шая тема в настоящее время завершена. Таким образом, впервые подготовлен атлас диалектных явлений на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса и семантики на основе материала, собранного в 250 населенных пунктах (опорных), входящих в БАССР и прилегающие к ней области РСФСР¹⁹. После соответствующего обобщения и оформления результаты исследования будут опубликованы.

Продолжалась работа и по башкирской части «Лингвистического атласа Европы».

Активно проводился сбор рукописных и старопечатных книг. Изучение языка письменных памятников позволило языковедам пересмотреть ранее высказывавшуюся точку зрения, согласно которой башкирский язык был отнесен к младописьменным. Результаты исследования языка шежере, деловых и исторических документов, литературных источников, позволили установить, что башкиры до начала XX века пользовались локальным вариантом письменного языка тюрк Урало-Поволжья. Разработана периодизация истории этого письменного языка, выявлены его истоки, охарактеризованы стилевые разновидности и описано развитие литературного языка в советский период. Продолжается описание и каталогизация письменных памятников. Результаты этой работы нашли отражение в изданных сборниках²⁰.

Определенное развитие получили и сравнительно-исторические исследования, в основном проводившиеся в области морфологии и лексики²¹. Однако этот раздел башкирского языкознания продолжает оставаться менее разработанным: эпизодически ведутся исторические изыскания в области фонологии, нет пока еще публикаций по историко-сравнительному синтаксису.

Сопоставительно-типологический анализ строя башкирского и других языков (прежде всего славянских и германских) проводился в основном в диссертационных работах; их результаты публиковались в журналах и сборниках²².

Проводившимися социолингвистическими исследованиями были выявлены общественные функции и сферы использования башкирского, русского, татарского и некоторых других языков, функционирующих на территории БАССР, опубликован ряд работ по проблемам двуязычия и интерференции. В будущем пятилетии предстоит развернуть этносоциологические исследования, провести широкое анкетирование населения и на этой основе проанализировать проблемы билингвизма, соотношения функций языков и т. п.

В области ономастики ведется исследование названий населенных пунктов по историческим источникам, прослеживаются зафиксированные в них переименования и изменения; изучается также структура топонимов. Принципы номинации и ареальные признаки, отдельные высказывания и наблюдения ономастов опубликованы в сборниках, учебных пособиях и научно-популярных очерках²³. Подготовлено новое, более полное издание перечня башкирских личных имен.

Синхронные описания ономастических систем в будущем должны пополняться историческими и сравнительно-этимологическими изысканиями. Необходимо обратить особое внимание и на пока еще неисследованные типы и виды башкирского ономастикона, а также на вопросы упорядочения и унификации названий, их правописание, поскольку функционирование названий и их возникновение является живым развивающимся процессом.

Башкирским диалектологам предстоит развернуть сравнительно-историческое исследование диалектных явлений, проследить функциони-

рование диалектов и говоров в условиях интенсивного воздействия на них литературного языка, современной разговорной речи.

В ближайшие годы начнется разработка курса сопоставительной грамматики башкирского и русского языков в рамках комплексной программы «Русский язык как язык межнационального общения и его взаимодействие с языками народов БАССР». Взаимовлияние языков будет рассмотрено и на других уровнях.

До сих пор одной из слабо изученных областей башкирской филологии остается стилистика и связанные с ней вопросы языка и стиля отдельных писателей, а также вопросы выразительно-изобразительных возможностей языка и культуры речи, хотя в этой области и имеются отдельные издания в виде учебных пособий и брошюр²⁴.

Перед языковедами стоит также задача создания систематической истории башкирского языка в его связях с алтайскими и другими языками на всех уровнях языковой структуры, то есть углубленная разработка лингвистического аспекта этнической истории башкирского народа.

В научно-исследовательских институтах и вузах автономной республики работают квалифицированные филологи, способные решать актуальные проблемы современной теории и практики. Коллектив Института истории, языка и литературы полон решимости, выполняя предначертания XXVII съезда КПСС, внести свой вклад в развитие общественных наук.

З. Г. УРАКСИН

¹ «История башкирской литературы» в 5-ти томах (план-проспект). Уфа, 1979.

² А. Х. Вилданов, Г. С. Кунафин. Башкирские просветители-демократы XIX в. М., 1981; Р. Г. Бикбаев. Бабич Шәйхзада. Тормошо һәм ижады. Өфө, 1981; Г. Б. Хусаинов. Башкирская советская поэзия (1917—1980 гг.). М., 1981; «Талант, отданный народу» (Сб. статей о творчестве М. Гафури), Уфа, 1982; «Акмулле — 150 лет», Уфа, 1984; Р. Шакур. Звезда поэзии. Мифтахетдин Акмулла. Уфа, 1981; Н. Т. Зарипов. Имай Насыри. Тормошо һәм ижады, Өфө, 1983; С. Ф. Сафуанов. Ғәйнан Хәйри. Тормошо һәм ижады. Өфө, 1983; Ә. И. Харисов. Рухи тамырзар. Өфө, 1984; Ә. Х. Вахитов. Поэзия шоңкары. Өфө, 1984; Ф. Б. Хөсәйенов. Быуаттар тауышы. Өфө, 1984; В. И. Әхмәдиев. Быуындар бәйләнеше. Өфө, 1985.

³ Акмулла. Шиғырлар. Төзөүсөһә Ә. Х. Вильданов. Өфө, 1981; «XX быуат башындағы башкорт әҙбиәте», 1-се китап. Поэзия. Өфө, 1983; 2-се китап. Проза. Драматургия. Өфө, 1984 и др.

⁴ А. Х. Вахитов. Жанр и стиль в башкирской прозе. Уфа, 1982; «Башкорт әҙбиәтендә метод һәм стиль мәсьәләләре», Өфө, 1982; Р. Б. Баимов. Судьба жанра, Уфа, 1984.

⁵ Р. К. Амирова. Чтобы шагнуть в завтра. Уфа, 1982 и др.

⁶ З. А. Нургаллин. Интернационалистская по духу (Становление ленинских интернационалистских традиций в башкирской советской литературе). Уфа, 1984.

⁷ К. Ә. Әхмәтйәнов. Матурлык. Батырлык. Шиғриәт. Өфө, 1982.

⁸ М. Ф. Ғәйнуллин. Ысынбарлык. Конфликт. Характер. Өфө, 1985.

⁹ С. Г. Сафуанов. Хаклык әҙбиәте, дуслык әҙбиәте. Өфө, 1981.

¹⁰ М. Г. Рахимкулов. Любовь моя — Башкирия, Уфа, 1985.

¹¹ «Эпос», 3-се китап. Өфө, 1982; «Әкиәттәр»; 4-се китап. Өфө, 1981; «Әкиәттәр», 5-се китап. Өфө, 1983; «Йырлар һәм көйҙәр» (ноталар менән). Өфө, 1983; «Совет дәүере фольклоры», 1-се китап, Өфө, 1981; 2-се китап. Өфө, 1982; «Көләмәстәр», Өфө, 1985.

¹² «Башкирские богатырские сказки», Уфа, 1981; «Урал-батыр. Башкирский народный эпос», Уфа, 1981; «Сказания о любви. Башкирские эпические сказания», Уфа, 1983; «Башкирские предания и легенды». Уфа, 1985.

¹³ Ф. А. Надришина. Халык һүзе. Өфө, 1983.

¹⁴ «Кирәй Мәргән. Башкорт халык ижады», Өфө, 1981.

¹⁵ «Фольклор народов СССР». Межвузовский научный сборник. Уфа, 1983.

¹⁶ «Шестой Международный конгресс финно-угроведов» (тезисы докладов), Сыктывкар, 1985, стр. 41, 49; «Доклады II Международного конгресса по тюркскому фольклору», т. I. Анкара, 1982, стр. 253—262 и др.

¹⁷ З. З. Абсалямов, М. М. Мухаметдинов. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь юридических терминов. Уфа, 1980; В. З. Гумаров. Русско-башкирский словарь терминов по анатомии и физиологии человека. Уфа, 1981; С. И. Йәнтүрин, Ф. Хисамов. Русса-башкортса, башкортса-русса ботаника терминдары һүзлеге. Өфө, 1981; М. Х. Ахтямов, М. С. Ахтямова. Словарь математических терминов. Уфа, 1982; Х. Х. Кадерметов. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь терминов по физике. Уфа, 1984; З. З. Абсалямов. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь общественно-политических терминов. Уфа, 1984.

¹⁸ Т. Х. Кусимова. Башкирские имена. Уфа, 1982; З. Ф. Ураксин. Башкорт теленен синонимдар һүзлеге. Өфө, 1985.

¹⁹ См. подробнее об атласе: Н. Х. Максүтова. Лингвистическое изучение башкирского языка (диалектологический атлас). Уфа, 1983; *ее же*. Башкирская диалектология (итоги и перспективы). — «Советская тюркология», 1984, № 2, стр. 76—81.

²⁰ «Письменные памятники Башкирии XVIII—XIX вв.», Уфа, 1982; «Материалы и исследования по источниковедению башкирской филологии», Уфа, 1984; «Вопросы истории башкирского литературного языка», Уфа, 1985; «Вопросы описания и каталогизации восточных рукописей», Уфа, 1985; «Башкирские шежере», Уфа, 1985.

²¹ А. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчин. Историческая грамматика башкирского языка. Уфа, 1983.

²² См. подробнее об этом: Т. М. Гарипов, З. Г. Ураксин. Основные достижения и проблемы башкирского языкознания. — «Советская тюркология», 1984, № 6, стр. 56—60.

²³ «Вопросы топонимики Башкирии», Уфа, 1981; А. Г. Шайхулов. Система антропонимов татарского и башкирского народов. Уфа, 1981; Р. Шәкүр. Ерҙең хәтер китабы, Өфө, 1984 и др.

²⁴ См.: «Башкирское языкознание». Указатель литературы (1979—1983 гг.), Уфа, 1985; В. Ш. Псянчин. Телдең күркәмлек саралары. Өфө, 1984.

ТАТАРСКАЯ АССР

Проблемы татарского языкознания в настоящее время разрабатываются в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР и на языковедческих кафедрах высших учебных заведений Татарской АССР.

В течение минувшей XI пятилетки сектор языка указанного института наряду с продолжением разработки традиционных для этого сектора отраслей татарского языкознания (грамматического строя, лексикологии и лексикографии, диалектологии) проводил исследования стилистики и языка татарских писателей, культуры речи, истории языка, гидронимии ТАССР и т. д.; изучались также вопросы русской диалектологии, взаимодействия языков и двуязычия.

Исследование грамматического строя татарского языка и создание его грамматик, как известно, было начато задолго до революции. Эта работа продолжается и в настоящее время. В XI пятилетке усилиями большой группы языковедов Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, Казанского государственного педагогического института и Казанского государственного университета подготовлена на русском языке академическая грамматика татарского языка (около 93 а. л.). Она написана на основе анализа обширного фактического ма-

териала, творческого использования достижений и богатых традиций не только татарской лингвистики, но также славистики и общей тюркологии. Опубликованы некоторые работы по отдельным вопросам грамматики [10], продолжалось изучение словообразования в татарском языке [3].

Сектором издана работа Х. Р. Курбатова, посвященная языку, метрике и строфике поэтических произведений [9]. Завершена подготовка двух монографий: Х. Р. Курбатова «Словесно-выразительные средства стихотворного текста и их структурное сцепление (поэзия советского периода)», в которой анализируются композиционно-стилевые и предметно-языковые приемы татарских поэтов, и И. Б. Башировой «Художественное восприятие и его словесное выражение (татарская проза последних лет)». Данная работа посвящена актуальным вопросам поэтики прозы, выявлению особенностей поэтического синтаксиса и словообраза.

Подготовлены к печати исследования, представляющие интерес в плане разработки вопросов истории развития литературного языка: М. Г. Мухамадиева «Роль языка художественной прозы в развитии татарского литературного языка (в конце XIX—начале XX в.)» и И. Б. Башировой «Развитие словесно-образной системы художественно-прозаической речи (язык писателя)», посвященная рассмотрению эволюции словесно-образной системы указанной речи, раскрытию этапов развития прозаического повествования в татарской литературе — от ее истоков до настоящего времени. Автором выделяются три этапа: первый из них завершается творчеством К. Насыри, представителями второго этапа были М. Акъегет, З. Бигиев, Р. Фахрутдинов, Ф. Карими, Ш. Мухамедов, З. Хади, третьего — Ф. Амирхан, Ш. Камал, Г. Ибрагимов.

Проводится большая работа по выявлению, изучению и изданию дореволюционной татарской Ленинианы (1905—1917) и первых публикаций большевистской печати на татарском языке (прокламации и брошюры Казанского, Уфимского, Оренбургского, Астраханского комитетов РСДРП за 1903—1907 гг.) [14].

Значительное место в деятельности сектора всегда занимали лексикографические работы. В самом начале прошлой пятилетки было завершено издание трехтомного «Толкового словаря татарского языка» [1], ставшее крупным событием в научной и культурной жизни республики.

В течение ряда лет коллективом авторов составляется трехтомный «Татарско-русский словарь», который будет наиболее полным среди словарей подобного типа [4].

Создан татарско-русский отраслевой словарь, включающий народные названия и термины ткачества и швейного дела. Опубликовано монографическое исследование о профессиональной лексике татарского языка [5].

В области изучения татарских говоров завершено составление, редактирование и подготовка к печати двухтомного «Атласа татарских народных говоров Поволжья и Приуралья». Он включает более 230 карт, снабженных соответствующими комментариями. В процессе работы над Атласом уточнены классификация татарских говоров, границы их распространения и т. д. Атлас является одним из надежных источников для исследования истории татарского языка и этногенеза татар.

Изучен и обобщен собранный диалектный материал. Изданы исследования по отдельным говорам и диалектам [8, 11, 12, 13] и ряд тематических сборников [18, 19, 21, 24].

Немало сделано по исследованию говоров Приуралья, уточнению их места в диалектной системе татарского языка. Собранные языковые, исторические и архивные материалы подтвердили выводы дореволюционных и советских ученых о неразрывной связи истории формирования и развития говоров Приуралья с говорами поволжского региона и этногенеза их носителей. Татары Приуралья (начало массового переселения их относится к XVI в.) были в основном выходцами из поволжского региона. Они создали здесь центры татарской культуры (Оренбург, Уфа, Троицк, Уральск), выдвинули из своей среды ряд деятелей литературы и культуры, продолжавших многовековые традиции, сложившиеся на более древней территории обитания своих предков — в поволжском регионе, сохранили преемственность в дальнейшем развитии материальной и духовной культуры татар.

Итоги многолетних исследований в области татарской диалектологии подведены в коллективной монографии «Татарские диалекты».

Составлена вторая книга «Диалектологического словаря татарского языка», в основу которого положены принципы построения «Диалектологического словаря», изданного в 1969 году.

История языка долгое время оставалась наименее разработанной отраслью татарского языкознания. Это было связано со многими причинами: недостаточной изученностью диалектов и письменных памятников, нехваткой соответствующих кадров и т. п. Однако за последние два десятилетия положение заметно изменилось. Накоплен значительный диалектный материал, имеются определенные сдвиги в изучении языка древнеписьменных памятников, в деле подготовки историков языка. К настоящему времени исследован язык болгарских эпиграфических памятников, составлен «Корпус эпиграфических памятников Волжской Булгарии», в котором собраны памятники XIII—XIV веков, найденные на территории бывшего Булгарского государства. Тексты эпитафий приводятся в арабской графике и в транскрипции, сопровождаются переводами на русский язык и фотокопиями текстов. Эта работа, как и находящаяся в печати монография «Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык» (Ф. С. Хакимзянов), вносит определенную лепту в разработку истории языков народов Среднего Поволжья и их этногенеза.

Опубликован текст «Кысса-и-Йусуф» Кул Гали—XIII в. [6], однако лингвистический анализ памятника пока еще не завершен. Изданы старотатарские письменные памятники XVIII века [16], продолжается изучение языка поэм поэта XVI века Мухамедьяра, начато исследование языка памятника «Нахджуль-Фарадис» (XIV в.).

Для понимания истории развития татарского языка имеет важное значение изучение таких памятников, как широко известные в тюркологии Codex Cumanicus — 1303 г. и армяно-кыпчакские памятники XVI века. Составленный И. А. Абдуллиным «Корпус армяно-письменных памятников кыпчакского языка XVI в.» включает в себя тексты на разговорном кыпчакском языке из рукописных фондов Центрального государственного исторического архива Украинской ССР (Киев). Тексты даны в транскрипции, снабжены русским переводом. В «Корпусе...» представлены также фотокопии текстов, имеется необходимый научный аппарат.

Накопленные за прошедшие годы материалы позволили татарским языковедам приступить к созданию исторической грамматики татарского языка (Ф. С. Фасеев, Ф. С. Хакимзянов).

Выяснению ряда вопросов истории формирования татарского наро-

да по данным языка способствует также изучение системы гидронимии Татарской АССР. По материалам полевых экспедиций и их обобщенным результатам составлен и издан словарь гидронимов [7], подготовлена к печати монография «Гидронимия ТАССР» (Ф. Г. Гарипова).

В секторе определенное внимание уделяется изучению проблем языковых контактов, взаимодействия татарского языка с соседними тюркскими и нетюркскими языками на уровне как литературных языков, так и диалектов [20].

Важное значение придается исследованию вопросов двуязычия, освоения русского языка татарами, взаимодействия русского и татарского языков.

К началу 80-х годов была организована группа по изучению вопросов функционирования русского языка среди татар и роли русского языка в формировании татарской научной терминологии. Написаны монографии «Функционирование русского языка среди рабочих татар» (Н. Х. Шарыпова) и «Роль русского языка в формировании научно-технической терминологии» (Р. Р. Шамсутдинова).

Готовится к печати библиография трудов по татарскому языкознанию, охватывающая период со второй четверти XVIII века по настоящее время (Г. К. Якупова).

В минувшей пятилетке сотрудниками сектора опубликовано двенадцать тематических сборников [15—26] и свыше шестидесяти научных статей, посвященных актуальным проблемам татарского языкознания.

Многое для развития татарского языкознания делается сотрудниками кафедр татарского языка Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина и Казанского государственного педагогического института. Университетом изданы монографии по истории развития татарского литературного языка, о языке письменных памятников и др. [27, 28, 29], а также два тематических сборника [30, 31]. Кроме того, представлены в печать учебные пособия для студентов вузов: «Татарский глагол (опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий)» Д. Г. Тумашевой, «Синтаксическая стилистика» С. М. Ибрагимова, «Введение в языкознание» Ф. С. Сафиуллиной и др.

Сотрудниками кафедры татарского языка Казгоспединститута изданы труды по синтаксису, сопоставительной типологии русского и татарского языков, культуре речи [32—35]. Сданы в печать монографические исследования «Проблемы языка и происхождение волжских булгар» М. З. Закиева, «Проблема двуязычия и культуры речи» Р. А. Юсупова и два тематических сборника.

Преподавателями обоих казанских вузов в течение XI пятилетки подготовлено и издано большое число научных статей, учебников и учебных пособий для школ и вузов республики.

Исследования в области татарского языкознания ведутся на основе координационного плана, принятого еще в начале 60-х годов.

В XII пятилетке в качестве первостепенных задач, наряду с завершением ранее начатых разделов, сектором языка намечено создание исторической лексикологии татарского языка и развертывание (совместно со специалистами казанских вузов) исследований в области истории татарского литературного языка, а также разработка ряда других важных и актуальных проблем.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. «Толковый словарь татарского языка», т. III (Т—Һ). Казань, 1981.
2. Р. Г. Ахметьянов. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
3. Ф. А. Ганиев. Образование сложных слов в татарском языке. М., 1982.
4. Г. Х. Ахунзянов, М. Г. Мухамадиев. Инструкция для составителей «Татарско-русского словаря». Казань, 1982.
5. Р. К. Рәхимова. Татар теленең һөнәрчелек лексикасы. Казан, 1983.
6. Кол Гали. Кысса-Йосыф (Публикация подготовлена Ф. С. Фасеевым). Казан, 1983.
7. Ф. Г. Гарипова. Татарстан гидронимнар сүзлегә. Казан, 1984.
8. Д. Б. Рамазанова. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань, 1984.
9. Х. Р. Курбатов. Иске татар поэзиясендә тел, метрика һәм строфика. Казан, 1984.
10. Ф. А. Ганиев. Конверсия в татарском языке. Казань, 1985.
11. Т. Х. Хайрутдинова. Говор златоустовских татар. Казань, 1985.
12. З. Р. Садыкова. Говоры оренбургских татар. Казань, 1985.
13. Ф. С. Баязитова. Говоры татар-кряшен в сравнительном плане. М., 1986.
14. И. А. Абдуллин. Описание первых произведений большевистской печати на татарском языке периода революции 1905—1907 гг. Казань, 1986.
15. «Актуальные вопросы грамматики и стилистики современного татарского языка». Казань, 1981.
16. «Старотатарская деловая письменность XVIII века». (Подготовил Ф. С. Фасеев). Казань, 1982.
17. «Лексика и стилистика татарского языка», Казань, 1982.
18. «Исследования по диалектологии и истории татарского языка», Казань, 1982.
19. «Исследования по исторической диалектологии татарского языка», вып. 2 Казань, 1982.
20. «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР», Казань, 1982.
21. «Материалы по татарской диалектологии (образцы текстов)», вып. 5, Казань, 1983.
22. «Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников» Казань, 1983.
23. «Исследования по татарскому языкознанию», Казань, 1984.
24. «Исследования по исторической диалектологии татарского языка», вып. 3. Казань, 1985.
25. «К формированию языка татар Поволжья и Приуралья», Казань, 1985.
26. «Исследования по лексике и грамматике татарского языка» (в печати).
27. Ф. М. Хисамова. XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренә тел үзенчәлекләре. Казан, 1981.
28. Г. Ф. Саттаров. Татар исемнәре сүзлегә. Казан, 1984.
29. В. Х. Хаков. Татар әдәби теленә совет чорында үсеше. Казан, 1985.
30. «Структура и история татарского языка». Казань, 1982.
31. «Татарский язык: лексическая и грамматическая семантика» Казань, 1984.
32. Р. А. Юсупов. Укучыларда сөйләм культурасы тәрбияләү. Казан, 1983.
33. З. М. Валиуллина. Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. Казань, 1983.
34. З. З. Саитов. Русско-татарский разговорник. Казань, 1983.
35. М. З. Закиев. Синтаксис и пунктуация современного татарского литературного языка. Казань, 1984.

* * *

В минувшей пятилетке татарские литературоведы продолжали исследование истории татарской литературы, разработку отдельных теоретических и методологических проблем, текстологическую подготовку и издание собраний сочинений классиков, памятников литературы и фольк-

лора. При этом четко определилась тенденция комплексного системного подхода к изучению явлений литературы и фольклора.

Определенным достижением литературоведов Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР следует признать завершение коллективного фундаментального труда—шеститомной «Истории татарской литературы», охватывающей период с XIII века до наших дней. В подготовке этого труда помимо ученых республики принимали участие также тюркологи Москвы и Ленинграда, филологи Башкирии, специалисты в области смежных дисциплин — историки, философы, фольклористы, языковеды. В 1984 году вышел первый том, в 1985 году—второй том шеститомника.

Первый том посвящен средневековой татарской литературе — с XIII по XVIII век. Целый ряд произведений в нем впервые введен в научный обиход. При написании тома были использованы также материалы на русском, арабском, персидском, западноевропейских языках. В томе освещаются наиболее значительные периоды зарождения и развития древней и средневековой татарской литературы, анализируется татарская литература булгарского периода (IX—XIII вв.) и XIV—XVIII вв.

Во втором томе шеститомника во многом по-новому освещается история татарской литературы XIX века. В нем значительно обновлена источниковедческая и фактологическая база. Более углубленному анализу подвергнуты тенденции и закономерности развития просветительской литературы XIX века, связи литературы с различными общественно-политическими течениями эпохи.

Третий том посвящен истории татарской литературы начала XX века. В IV, V и VI томах исследуются закономерности развития татарской советской литературы. Эти тома подготовлены к изданию.

В минувшей пятилетке был создан ряд монографий по актуальным проблемам истории татарской литературы. В связи с 800-летием со дня рождения выдающегося представителя средневековой тюркоязычной поэзии, основоположника татарской письменной литературы, Кул Гали в 1983 году был издан критический текст его широко известной поэмы «Кысса-и Йусуф», подготовленный Ф. Фасеевым. В печати находится тематический сборник «Поэт-гуманист Кул Гали». Поэме Кул Гали посвящена монография Н. Ш. Хисамова «Поэма великой судьбы» (1984). Малоисследованным проблемам средневековой татарской литературы X—XVIII веков посвящен тематический сборник «Из истории татарской литературы средних веков» (1981). В сборнике рассматриваются также проблемы русско-татарских и татаро-персидских литературных связей.

Книга М. А. Усманова «По следам рукописей» (1984) повествует о наиболее значительных находках археографических экспедиций, проводившихся под руководством автора в последние двадцать лет.

Теоретическим проблемам древнего стиха посвящена монография Х. У. Усманова «Древние истоки тюркского стиха» (1984). Обычно изучение истории тюркского стиха начинают с раннего средневековья, а его ритмический строй связывают с арабским арузом. Х. У. Усманов же считает, что основы тюркского стиха, были заложены самими тюркскими племенами сначала в устном творчестве, а затем и в письменной литературе.

Традиционной теории аруза в отношении ритмического строя татарского стиха придерживается Х. Р. Курбатов в своей книге «Язык, стиль, метрика и строфика в старотатарской поэзии» (1984).

Коллективный сборник «Поэт-просветитель Акмулла» (1983) посвящен 150-летию со дня рождения выдающегося поэта-просветителя, твор-

чество которого является достоянием духовной культуры трех братских народов — татар, башкир, казахов.

Книга Х. Ю. Миннегулова, Ш. А. Садретдинова «Татарские хрестоматии XIX века» (1982) посвящена двум хрестоматиям прошлого века, составленным известными просветителями М. И. Ивановым и С. Кукляшевым. Авторами характеризуются своеобразие включенных в хрестоматию текстов, принципы их отбора, связи татарской просветительской литературы с русской и восточными литературами.

Большое внимание уделялось изучению татарской литературы XX века. В книге Г. М. Халита «Портреты и проблемы» (1985) даны творческие портреты классиков татарской литературы начала XX века. Творчеству Г. Тукая посвящены монографии Р. И. Нафигова «Тукай и его окружение» (1985), Ф. И. Агзамова «Тукай — журналист» (1985), З. А. Расулевой «По следам Тукая» (1985). Вышли в свет тематические сборники «Галиасгар Камал» (1981), «Гафур Колахметов» (1982), «Маджит Гафури» (1981). Изданы также исследования М. С. Магдеева «Фатих Амирхан» (1985) и Н. Валеева «Духовное испытание» (1985). Следует отметить также монографии М. Х. Гайнуллина «Татарская литература и публицистика начала XX века» (1983), И. З. Нуруллина «Татарская литература начала XX века» (1982), Р. С. Мухаммадиева «Проблемы формирования татарской литературной критики. 1905—1917» (1982), У. И. Гимадиева «Роль и значение татарских сатирических журналов (1906—1917 гг.) в развитии национальной литературы» (1983).

Исследованию различных аспектов социалистического реализма посвящены работы Т. Н. Галиуллина «Становление и развитие метода социалистического реализма в татарской советской поэзии» (1981), К. Т. Гизатова «Национальное и интернациональное в советском искусстве» (1982), А. Г. Ахмадуллина «Татарская драматургия. Истоки и формирование социалистического реализма» (1983), Ф. М. Хатинова «Духовный мир героя. Психологизм в современной татарской прозе» (1981), Ф. М. Мусина «Созвучная эпохе» (1983), Н. Г. Юзеева «Мир поэзии» (1981), М. Х. Хасанова «Живые традиции интернационализма» (1980).

Теоретические и методологические проблемы литературы и искусства разрабатываются членами руководимой Ю. Г. Нигматуллиной Казанской базовой группы Комиссии комплексного изучения художественного творчества научного совета по истории мировой культуры Академии наук СССР. Этой группой изданы сборники «Проблема комплексности изучения художественного творчества» (1980) и «Критерий художественности в литературе и искусстве» (1984), а также монография Ю. Г. Нигматуллиной «Методология комплексного изучения художественного произведения» (часть II, 1982).

Литературоведами Татарии исследуются проблемы взаимодействия и взаимообогащения литератур. Этим проблемам посвящен сборник «Взаимовлияние и взаимообогащение культур народов СССР» (1983).

Продолжалось монографическое исследование жизни и творчества классиков татарской советской литературы. Появились новые работы о творчестве Х. Такташа (коллективная «Х. Такташ — певец новой действительности», 1982; Х. Хайри «Хади Такташ», 1984), М. Джалиля (книги Р. Мустафина, И. Забирова, А. Махмудова, Ш. Хамматова, Ф. Мустафина и др.), Н. Исанбета (Н. Ханзафаров «Драматургия Н. Исанбета», 1981).

Больше внимания стало уделяться разработке проблем теории литературы (творческие методы; соотношение национального и интернационального в литературе и искусстве; взаимодействие татарской литера-

туры с другими литературами; поэтика и стиль; методология литературоведения и критики; творческий процесс и психология писателя).

Немало сделано и текстологами Института языка, литературы и истории. В XI пятилетке вышли из печати собрания сочинений М. Гафури (в четырех томах), Х. Такташа и Г. Камала (в трех томах). Завершена подготовка нового академического издания Г. Тукая (в пяти томах). К настоящему времени изданы четыре тома последнего пятитомника, куда вошло более двухсот, впервые публикуемых в научном издании произведений поэта. Текстологи подготовили четырехтомник сочинений классика татарской литературы Фатиха Амирхана, столетие которого отмечается в 1986 году. Изданы уже два первых тома — проза и драматургия писателя — здесь публикуется немало оставшихся до последнего времени неизвестными читателю произведений.

Подготовлены и изданы также четырехтомники сочинений Т. Гиззата и К. Наджми, пятитомник сочинений А. Файзи, трехтомник Ф. Карима, однотомники Г. Кулахметова и Н. Думаи.

Несколько отстает в республике подготовка к изданию памятников средневековой татарской литературы и произведений литературы XIX века, хотя и в этой области появилось несколько значительных текстологических исследований. Помимо упоминавшегося выше критического текста «Кысса-и Йусуф» Кул Гали, вышло в свет составленное Х. У. Усмановым учебное пособие «Источники древнетюркской и татарской литератур» (1981), в подготовке текстов которого принимали участие Х. Усманов, А. Наджип, З. Максудова, Х. Махмутов. Издан также сборник научно выверенных текстов поэта-просветителя XIX века М. Акмуллы (1981).

В 1982 году вышла в свет книга Х. Ю. Миннегулова и Ш. А. Садретдинова «Памятники татарской литературы XIX века», посвященная текстологическому исследованию малоизвестных произведений видных татарских поэтов XIX века Шамсуддина Заки и Абульманиха Каргали.

Фольклористы ИЯЛИ КФАН СССР в прошедшей пятилетке продолжали работу по подготовке и изданию двенадцатитомного Свода памятников народно-поэтического творчества, работа над которым началась в 1974 году. Все тома Свода издаются под общим названием «Татар халык ыжаты» («Татарское народное творчество») с указанием жанра. В 1976—1980 годах были изданы первые шесть томов, включающие: короткие песни, загадки, сказки, народные шутки и анекдоты, обрядовые и игровые песни. В 1981—1985 гг. изданы очередные тома Свода, включающие бытовые сказки, баиты (своеобразный эпический и лиро-эпический жанр татарского фольклора), дастаны. Подготовлены к изданию: пословицы и поговорки, предания и легенды, исторические и лирические песни. Создание многотомного Свода татарского фольклора является крупным событием в культурной жизни республики.

Одновременно фольклористами ведется работа по теоретическому осмыслению жанрового состава традиционного и современного фольклора. В 1985 году завершена подготовка очерков истории татарского фольклора в трех книгах. Первая книга вышла в свет под названием «Вопросы древнетатарского фольклора» (1984). Сдана в печать вторая книга — «Социальные мотивы в татарском фольклоре (XIX и начало XX в.)». Третья книга, посвященная историческим судьбам традиционных жанров и проблемам современности, подготовлена для издания.

В соответствии с координационным планом исследования по татарскому фольклору ведутся также в Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина и Елабужском педагогическом инсти-

туте. Преподавателями университета в последние годы изданы три сборника статей по системному анализу фольклорных жанров (1979, 1982, 1986). Вышла монография А. Г. Яхина «Система татарского фольклора» (1984). Исследование Ф. И. Урманчеева «Героический эпос татарского народа» (1984) посвящено истории и теории эпоса, книги Н. Исанбета и Р. Ф. Ягфарова — детскому фольклору (1985).

В настоящее время татарские литературоведы активизируют свою работу, стремясь внести свою лепту в выполнение задач, поставленных XXVII съездом КПСС перед советской филологической наукой.

Н. Г. ЮЗЕЕВ

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Л. К. БАЙРАМОВА

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПЕРЕВОДЫ ФРАЗЕОЛОГИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Первый татарский перевод произведений В. И. Ленина появился в 1905 году. Это была работа «Три конституции или три порядка государственного устройства», напечатанная на гектографе в виде листовки и сыгравшая важную роль в политическом развитии и воспитании классового самосознания трудящихся Татарии [17].

В 1907 году во втором номере большевистской газеты «Урал», издававшейся под руководством видного татарского большевика Хусаина Ямашева, была опубликована первая в татарской периодике на татарском языке статья В. И. Ленина «Кого выбирать в Государственную думу?» [37, с. 27]. Ленинские работы, выходявшие на татарском языке с 1905 по 1907 год, сыграли большую роль в распространении марксизма среди трудящихся-татар. Сам В. И. Ленин, подчеркивая важность распространения переводной социал-демократической литературы, писал: «Именно в этот период, с 1905 по 1907 год, в России распространена такая масса серьезной, теоретической с.-д. литературы, — главным образом переводной, — которая еще *принесет* плоды» [1, т. 17, с. 292].

После Великой Октябрьской революции, в 1917 году, почти одновременно с русскими изданиями вышли в свет на татарском языке такие ленинские документы, как Декрет о мире и Декрет о земле. В 1918 году отдельными изданиями на татарском языке выходят ленинские работы «Доклад о ратификации мирного договора 14 марта», «Письмо к американским рабочим» и др. В начале 20-х годов были опубликованы на татарском языке статьи «О продовольственном налоге», «Задачи союзов молодежи» (Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи) и др.

В свете выполнения решения VIII съезда РКП(б) о подготовке библиотеки произведений В. И. Ленина для широких масс на языках народностей, населяющих СССР, при Татарском обкоме партии в 1925 году была создана специальная комиссия, одна из задач которой определялась следующим образом: «Самые основные произведения Ленина должны быть переведены и распространены, должны быть в руках, на столе, в библиотеке каждого татарского рабочего, крестьянина, трудящегося...» [20].

До Великой Отечественной войны были изданы на татарском языке следующие основные произведения В. И. Ленина: «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Шаг

вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Очередные задачи Советской власти» и др. За период с 1942 по 1945 год вышли в свет отдельными брошюрами ленинские работы, а также очерки о В. И. Ленине — общим тиражом 96 тысяч экземпляров. В течение 1946—1954 годов на татарском языке были изданы труды В. И. Ленина: «Очередные задачи Советской власти», «Великий почин» и другие, а также двухтомник его избранных произведений. В 1954 году сектором перевода Татарского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС была развернута работа по переводу четвертого издания Собрания сочинений В. И. Ленина. С 1954 по 1964 год произведения В. И. Ленина, помимо вышедших 37 томов собрания, издавались на татарском языке 51 раз. Работа по переводу четвертого издания Собрания сочинений В. И. Ленина была завершена в 1972 году. Это явилось знаменательным событием в идейно-политической жизни Татарии [24; 27; 28].

Переводы произведений В. И. Ленина на татарский язык сыграли огромную роль в пропаганде марксизма-ленинизма и в развитии революционного самосознания народных масс в Татарии. Они положили начало формированию революционного публицистического стиля татарского языка, обогатили татарский язык новыми понятиями и политическими терминами [18; 29].

За шестьдесят лет произведения В. И. Ленина издавались на татарском языке триста пятьдесят раз тиражом свыше 2,5 млн экземпляров [27].

Ряд произведений В. И. Ленина многократно переводился на татарский язык. Переводы таких его работ, как «Государство и революция», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», «Что делать?», осуществлялись не менее пяти-шести раз. Большой научный интерес представляет сопоставление не только перевода и оригинала ленинских сочинений, но и текстов переводов одних и тех же работ, выполненных в разные годы и в разной языковой среде [26, с. 16]. Для переводов Сочинений В. И. Ленина было характерно то, что все последующие переводчики, как правило, учитывали опыт своих предшественников на этом важном и благородном поприще. Это облегчало им овладение навыками перевода и способствовало уточнению переводных текстов в связи с требованиями времени [32, с. 9].

Ретроспективное изучение татарских переводов фразеологии произведений В. И. Ленина подтверждает, что «язык — открытая система, подверженная колебаниям и противоречиям» [34, с. 30]. Поэтому оценивать выбор переводчиком того или иного эквивалента фразеологизма можно на основании следующих критериев: устойчивости перевода одной и той же единицы при повторных переводах в разные периоды; освоения компонентов фразеологической полукальки; освоения калькированного фразеологизма татарским языком; перехода фразеологизма-кальки или полукальки из переводного контекста в систему языка.

Анализ переводов произведений В. И. Ленина, осуществленных в разное время, позволил выделить в их тексте несколько групп фразеологизмов.

1. Фразеологизмы, которые во всех переводах переводились одинаково. К этой группе относятся как собственно татарские фразеологические единицы, так и кальки, полукальки, заимствования. Войдя в татарский язык под влиянием переводов ленинских работ, они получили в нем автономное развитие. К таким фразеологизмам относятся: «проходить

красной нитью» [1, с. 33, с. 70] — *кызыл жеп булып сузылу* (букв. 'тянуться красной нитью'): в 1924 году [3, с. 85], 1932 г. [4, с. 60], 1938 г. [5, с. 82], 1948 г. [6, с. 67], 1953 г. [7, с. 72], 1961 г. [2, т. 25, с. 458]; «связывать (себе) руки» [1, т. 33, с. 69] — *уз кулыңны бэйләу* ('связывать свои руки'): 1924 г. [3, с. 84], 1932 г. [4, с. 59], 1938 г. [5, с. 81], 1948 г. [6, с. 66], 1953 г. [7, с. 71]; «китайская стена» [1, т. 27, с. 402] — *Кытай стенасы*: 1924 г. [8, с. 148], 1926 г. [9, с. 154], 1952 г. [12, с. 108], 1960 г. [2, т. 22, с. 300] и т. д.

2. Вторую группу фразеологизмов (самую многочисленную) составляют те, переводы которых претерпели различные изменения. В основном это — фразеологизмы, большинство из которых не имело в татарском языке эквивалентов. Более совершенный перевод этих фразеологизмов был достигнут, видимо, в последних вариантах, ибо именно они стали устойчивыми, и некоторые из них, употребляющиеся в современном татарском языке, зафиксированы в толковом словаре как единицы татарского языка. Они представляют собой переводы собственно русских фразеологизмов, их фразеологические кальки. Ср., например, переводы следующих фразеологизмов: «иметь в виду» [1, т. 33, с. 65, 66, 92, 98] — в 1924 г. *искә алу* [3, с. 79], *куз алдында тоту* [3, с. 80, 111, 117], 1932 г. — *искә алу* — [4, с. 55], *куз алдында тоту* [4, с. 56, 77, 81], 1938 г. — *күздә тот* [5, с. 70, 77, 108, 114], 1948 г. — *күздә тоту* [6, с. 62, 63, 87, 93], 1953 г. — *күздә тоту* [7, с. 67, 68, 95, 101], 1961 г. — *күздә тоту* [2, т. 25, с. 453, 454, 480, 485]; «центр тяжести» [1, т. 33, с. 68] — фр. *centre de gravité* — *үзәк* ('центр') — 1924 г. [3, с. 83], 1932 г. [4, с. 58], *авырлык үзәге* ('центр тяжести') — 1938 г. [5, с. 80], 1948 г. [6, с. 65], 1953 г. [7, с. 70], 1961 г. [2, т. 25, с. 456].

Для фразеологизма «брать быка за рога» [1, т. 33, с. 63] (англ. *to take the bull by the horns*) в переводах 1938 г., 1948 г. 1953 г. дается описательный перевод этого фразеологизма: «схватить вопрос за его центр» — *мәсьәләнең үзәгеннән эләктереп алу* [5, с. 74; 6, с. 60; 7, с. 65]. И только в переводах четвертого издания Сочинений В. И. Ленина (1959 г., 1961 г.) дана калька этого фразеологизма «*үгезне мәгезеннән эләктереп алу*» ('схватить быка за рога') [2, т. 18, с. 358; т. 25, с. 451]. Эта калька вошла в татарский язык [35, т. III, с. 719].

Фразеологизм «медвежья услуга» [1, т. 41, с. 46, 98], источником которого является басня И. А. Крылова¹, в первом переводе работы В. И. Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1926 г.) был переведен как 'очень плохая услуга' (...*бик начар хезмәт...*) [13, с. 100], а в последующих переводах 1938 г., 1947 г., 1962 г. — как «*аю хезмәте*» ('медвежья услуга') [14, с. 55, 114; 15, с. 47, 99; 2, т. 31, с. 49, 102]. Выражение *аю хезмәте* вошло в татарский язык. См. пример: *Алар иптәшләренә «аю хезмәте» күрсәтергә теләмиләр* (А. Әхмәт) [35, т. 1, с. 97] 'Они не хотят оказать своему товарищу «медвежью услугу»'.

Фразеологизм «крокодиловы слезы» в более раннем переводе (1941 г.) представлен описательно: *юри түккән күз яше* [18, с. 32] — 'нарочно пролитые слезы'. В переводах четвертого издания Сочинений В. И. Ленина этот фразеологизм, шесть раз использованный автором, два раза переводится описательно: '*рияланым түккән күз яше*' 'лице-

¹ С. Агзамов указывает, что сюжет басни «Пустынник и медведь» восточного происхождения и встречается в «Маснави мачнави» Джалалиддина Руми (XIII век) и «Бахористане» Абдулрахмана Джами (XV век). Но, как отмечает автор, в узбекском и таджикском языках не сложилась идиома, возникшая на основе сюжета этой басни [19].

мерно пролитые слезы' [2, т. I, с. 92—93; т. 27, с. 212], а четыре раза вариантами полукальки *'крокодил күз яше'* [2, т. 13, с. 41; т. 16, с. 277; т. 16, с. 331; т. 33, с. 194]. Как видно, полукалька численно преобладает, она и входит в татарский язык [35, т. II, с. 177].

3. Третью группу составляют фразеологизмы, перевод которых, прошедший испытание временем, показал, что первоначальный вариант был удачнее последующих, поэтому более поздние издания возвращаются к первоначальному варианту перевода. Это относится как к собственно татарским эквивалентам, так и к фразеологическим калькам и полукалькам. Например, фразеологизм «не оставить камня на камне» переводился по-разному: то как *ничнәрсә калдырмау* ('ничего не оставить') — в 1926 г. [13, с. 22], то как *эз дә калдырмау* ('не оставить и следа') — в 1938 г. [5, с. 129], в 1948 г. [6, с. 105], в 1953 г. [7, с. 112]. Первоначальный перевод этой фразеологической единицы был представлен калькой *таш өстендә таш та калдырмау* ('на камне и камня не оставить') [в 1924 г. — 3, с. 132], повторившейся в следующем издании перевода работы В. И. Ленина «Государство и революция» [в 1932 г. — 4, с. 91], а затем последовали указанные выше варианты переводов. К кальке переводчики вновь возвратились в 60-х годах. В дальнейшем она нашла отражение в «Толковом словаре татарского языка» как татарская идиома [35, т. III, с. 56—57].

Такую же трансформацию претерпели и переводы фразеологизмов «железная рука», «последний из могикан» и другие: их первоначальный и последний варианты перевода совпали и вошли в татарский фразеологический фонд. См.: *тимер кул* 'железная рука' [35, т. III, с. 99], *моги-каннарның соңгысы* 'последний из могикан' [35, т. II, с. 400].

Ретроспективное изучение предшествующих переводов способствует выявлению фразеологизмов, вошедших в татарский язык. К их числу относятся рассмотренные выше кальки и полукальки фразеологизмов в переводах произведений В. И. Ленина, изданных в 20-е годы.

В литературе отмечаются следующие условия усвоения калек переводов тем или иным языком: «...метафорическая образность и структурная организованность, регулярная употребляемость в речи, отсутствие дублетных отношений с устойчивыми оборотами калькирующего языка» [25, с. 17]. Анализ переводов фразеологизмов в произведениях В. И. Ленина показал, что в указанном перечне условий отсутствует одно из главных, а именно — авторство оригинального текста. Многие фразеологические кальки вошли в татарский язык благодаря переводам произведений именно В. И. Ленина, ибо переводчики, стремясь к верности в передаче ленинских текстов, старались сохранить возможно точнее выразительные средства и образы автора. Поэтому они часто отказывались от существующих татарских фразеологических эквивалентов, прибегая к калькам. Например, перевод фразеологизма «медвежья услуга» был осуществлен калькой *аю хезмәте*, а не татарским аналогом *каш төзәтәм дип күз чыгару* ('желая подправить бровь, выколоть глаза'). Также был калькирован фразеологизм «из мухи делать слона» (*чебеннән фил ясау*), имеющий целый ряд татарских эквивалентов: *инә күзеннән дөя куру* 'через игольное ушко видеть верблюда', *тузандайны тубалдай иту* 'из пылинки сделать лукошко', *түмгәкне тау иту* 'из кочки сделать гору', *төймәдән дөя ясау* 'делать из пуговицы верблюда'.

4. Четвертую группу представляют фразеологизмы, перевод которых (с точки зрения современного состояния татарского языка) является устаревшим, такие, например, как «мертвые души» [1, т. 8, с. 180] — *үлек җаннар* [2, т. 8, с. 192] и «генеральная репетиция» [1, т. 38, с. 138] — *генеральный репетиция* [2, т. 31, с. 12]. Ныне эти фразеологиз-

мы переводятся как *үле жаннар* [35, т. III, с. 728], *генераль репетиция* [35, т. I, с. 266].

Переводы посредством эквивалентов с архаичными компонентами не закрепились в татарском языке как устойчивые единицы, ибо «фразеологические единицы с различными элементами в своем компонентном составе, в том числе с лексическими архаизмами и историзмами, существенно отличаются от устаревших элементов лексической системы языка, и тем более от „внесистемных“ лексических архаизмов, именно тем, что они входят в современную систему языка и само наличие архаичных элементов в их структуре является их характерным признаком» [31, с. 33].

Архаизация в татарском языке компонентов фразеологических калек и полукалек представляется естественным процессом, ибо, как показывают исследования [23, с. 96; 33, с. 10, 19], не все в языке является продолжением того, что существовало на предшествующих ступенях его развития. Г. Х. Ахунзянов отмечает, что некоторые из идиоматических выражений «архаизируются или совершенно выпадают из языка, другие, наоборот, приходят в него, третьи распадаются на варианты и т. д., четвертые претерпевают стилистические сдвиги и т. д.» [21, с. 19].

Устарели в татарских переводах произведений В. И. Ленина и некоторые описательные контекстные соответствия русских фразеологических единиц, у которых в последние десять—пятнадцать лет появились татарские фразеологические эквиваленты, поэтому в настоящее время возникла возможность их более точного перевода. Так, например, фразеологизм «козел отпущения» [1, т. 25, с. 86] можно передать как *корбан тәкәсе*, ибо такое выражение уже используется в татарских оригинальных текстах [22].

Таким образом, ретроспективное изучение перевода фразеологизмов раскрывает динамику его развития, тесно связанную с процессами развития языка [30].

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание 5-е.
2. В. И. Ленин. Әсәрләр. Дүртенче басмадан тәржемә, т. т. 1—45. Казан, 1954—1972.
3. В. И. Ленин. Дәүләт һәм революция. М., 1924.
4. В. И. Ленин. Дәүләт һәм революция. Казан, 1932.
5. В. И. Ленин. Дәүләт һәм революция. Казан, 1938.
6. В. И. Ленин. Дәүләт һәм революция. Казан, 1948.
7. В. И. Ленин. Дәүләт һәм революция. Казан, 1953.
8. В. И. Ленин. Империализм—капитализмның иң югары баскычы. М., 1924.
9. В. И. Ленин. Империализм — капитализмның иң югары баскычы. М., 1926.
10. В. И. Ленин. Империализм — капитализмның иң югары стадиясе. Казан, 1929.
11. В. И. Ленин. Империализм—капитализмның иң югары стадиясе. Казан, 1947.
12. В. И. Ленин. Империализм—капитализмның иң югары стадиясе. Казан, 1952.
13. В. И. Ленин. Коммунизмда балаларча «суллык» авыруы. Казан, 1926.
14. В. И. Ленин. Коммунизмда балаларча «суллык» авыруы. Казан, 1938.
15. В. И. Ленин. Коммунизмда балаларча «суллык» авыруы. Казан, 1947.
16. В. И. Ленин. Базарлар турында дигән мәсьәләгә карата. Казан, 1941.
17. И. А. Абдуллин. Первая публикация произведения В. И. Ленина на татарском языке (1905). — В кн.: «Источниковедение и история тюркских языков», Казань, 1978.
18. И. А. Абдуллин, М. Г. Мухамедеев. Язык большевистских татарских прокламаций периода первой русской революции. — В кн.: «Хусаин Ямашев», Казань, 1978.
19. С. Агзамов. К проблеме сопоставительного исследования узбекских переводов

- произведений В. И. Ленина (филологический аспект). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1974.
20. М. Ахметзянов. Первый переводчик. Произведения В. И. Ленина на татарском языке. — Газ. «Вечерняя Казань», 1980, 28 февраля.
21. Г. Х. Ахунзянов. Идиомы (исследование на материале татарского языка). Автореф. докт. дисс. Казань, 1974.
22. Г. Х. Ахунзянов. Гади сүзләрдә политик мәгънә.—Газ. «Социалистик Татарстан», 1981, 16 апреля.
23. Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
24. А. Булатов. Труды В. И. Ленина на татарском языке. — Журн. «Коммунист Татарии», 1965, № 4.
25. Ю. П. Гольцекер. Вопросы фразеологии и теории перевода (На материале польско-русских и русско-польских переводов художественной прозы). Автореф. канд. дисс. Минск, 1975.
26. В. Р. Григорьев. Некоторые проблемы перевода произведений В. И. Ленина на итальянский язык. — «Тетради переводчика», М., 1980, вып. 17.
27. Г. Камалеев. Изучаем на родном языке. — Газ. «Советская Татария», 1980, 18 апреля.
28. А. Г. Каримуллин. Прижизненные издания произведений В. И. Ленина на татарском языке. — В кн.: «В. И. Ленин и книга. Тезисы докладов Четвертой всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения», М., 1980, ч. 2.
29. Т. С. Курбангалеева. Издание трудов В. И. Ленина на татарском языке. — В кн.: «В. И. Ленин и книга. Тезисы докладов Четвертой всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения», М., 1980, ч. 1.
30. В. М. Мокиенко. Противоречия в фразеологии и ее динамика. Автореф. докт. дисс. Л., 1977.
31. Р. Н. Попов. Фразеологические единицы современного литературного языка с архаичными элементами в своей структуре. Автореф. докт. дисс. Л., 1970.
32. В. Д. Радчук. Проблема верности художественного перевода. Автореф. канд. дисс. Киев, 1980.
33. Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963.
34. Э. Р. Тенишев. Строй саларского языка. М., 1976.
35. «Татар теленен анлатмалы сүзлегә», Казан, I—III т.
36. А. И. Уваров. Исторический опыт — основа объективности исторического познания. — В кн.: «Принцип объективности и его роль в социальном познании», Калинин, 1980.
37. Х. Хасанов. Большевицкая газета «Урал», Казань, 1967.
-

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. И. ЧУДОЯКОВ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖАНРА «КАЙ»

Изучение горлового пения по записям путешественников и ученых прошлого, а также материалам, собранным советскими фольклористами, этнографами, музыковедами, историками позволяет выявить общность и различия этого вида песенно-музыкального искусства у разных народов — алтайцев, тувинцев, башкир, хакасов и шорцев.

Начало изучения горлового пения можно отнести ко второй половине XIX века, когда хакасская кай была впервые описана В. Титовым. В. Титов посетил Хакасию в середине XIX века, жил на Уйбате (ныне — Усть-Абаканский район Хакасской автономной области), где познакомился с хакасским хайджи Сюреем, записал от него образцы хакасского эпоса и описал особенности горлового пения в его исполнении. В описаниях В. Титова указаны специфические признаки хакасского кая: 1) «петь горлом»; 2) под собственный аккомпанемент кобыза («самый кобыз употребляется более при пении народных поэм»); 3) петь нешироко открытым ртом («певец не раскрывает при пении так широко рта, как наши европейские певцы»); 4) воспроизводить народные поэмы по частям («мой старый Сюрей принимал задумчивый вид и, мерно покачивая головой, начинал сначала выпевать или вытягивать, с мерными ударами по струнам, свой напев, состоящий из звуков и однозвучных слов... Потом за припевом следовал куплет поэмы, выпеваемый протяжно, за куплетом опять начинался припев»)¹.

Таким пением сказитель своему исполнению «желает придать торжественность, важность и уныние», — сообщает В. Титов. Однако эти в целом точные наблюдения сочетаются у него с неудачно употребленными русскими терминами: «куплет» и «припев». Песенное исполнение произведений хакасского народного эпоса по частям, после каждой из которых пропетая часть повторяется словами, без пения и игры на музыкальном инструменте, нельзя называть куплетной формой, хотя бы потому, что части эти не равны между собой. Причем при пересказе текст не повторяется слово в слово. Сказитель может сократить или дополнить текст в зависимости от общего хода повествования. Нельзя согласиться и с определением этого пения как «унылого», ибо оно противоречит самому характеру эпического народного творчества.

В 1885 году первый хакасский ученый-филолог Н. Ф. Катанов назвал хакасский хай (кай) «охриплым пением»: «Охрипкое пение, говорят инородцы, придает торжественность, важность и уныние воспеваемому»².

Употребленное и Н. Ф. Катановым слово «уныние», следует признать неудачным, ибо в горловом пении слышится грусть повествователя по героическому прошлому, но отнюдь не уныние.

Наиболее ранние сведения об алтайском кае приводятся В. И. Вербицким и В. В. Радловым. В. И. Вербицкий, описывая алтайские народные музыкальные инструменты, отмечает: «Под эту же скрипку алтайские импровизаторы сказывают сказки дребезжащей октавой, растягивая каждое слово»³.

Однако здесь следует заметить, что кайчи не импровизируют, а творчески исполняя произведения народного эпоса каем, вносят лишь элементы импровизации. При этом они поют, растягивая не «каждое слово», а лишь последние слоги полустийши, особенно последний слог стихотворной строки. Кроме того, кайчи рассказывают, конечно, не сказки, а эпос, ибо текст сказок был прозаическим и он не пелся.

В. В. Радлов так определял термин «кай»: «Кай—гортанные звуки, производимые при рецитировании сказок; кайла — гортанным звуком рецитировать сказки»⁴. И здесь неточность: сказки рассказывались сказочниками *нывакчи* или *шорчекчи*, но не *кайчи*. Кайчи поет, играет на музыкальном инструменте и рассказывает, а нывакчи только рассказывает.

В XIX веке в печати появились сведения о горловом пении и на Урале. С. Г. Рыбаков, совершивший поездку в Башкирию, записал: «...Искусство это состояло в следующем: башкир исполнил горлом один и тот же тон довольно дикого, гнущего характера: на фоне этого тона он наигрывал с помощью маленького язычка (по его словам) башкирские мелодии; звуки получались тихие, но ясные, отчетливые и приятные, похожие на звуки баульника, игрушечного органчика: надобно было соблюдать полнейшую тишину, чтобы слушать эту своеобразную, дикую, но не лишенную приятности музыку: выходило, что один и тот же человек исполнял за раз два тона — горлом и языком. Башкир не только приятно наигрывал эти своеобразные звуки, но и артистически исполнял их: он обнаруживал настоящее искусство»⁵. Это описание относится к *узляу*—двухголосному горловому пению без музыкального сопровождения, распространенному в Башкирии.

В конце XIX века С. К. Яковлев писал о горловом пении тувинцев—*кумайлер*: «Горловое пение—кумайлер состоит из целой гаммы хрипов. Вдыхается глубоко воздух и затем мастер своего дела начинает извлекать какие-то странные урчащие хрипы из глубины внутренностей, пока не израсходует воздуха. Опять глубокий вздох и таинственные звуки. Кроме того, пения различаются еще с произношением слов — ырлар, и—наконец — смесь из упомянутых двух родов пения»⁶. С. К. Яковлев отмечает различие между пением без слов и текстовым пением, указывает на существование в Туве двухголосного горлового пения.

Таким образом, в XIX веке в печати появились сведения о двухголосном горловом пении (Тува и Башкирия) и одноголосном (Хакасия, Алтай, Тува и Шория) горловом пении, отмечались также некоторые жанровые признаки кая.

В 20—30-е годы стали появляться труды советских этнографов и музыковедов, посвященные песенной и музыкальной культуре южносибирских тюркоязычных народов. Песенное и музыкальное творчество тюркоязычных и монголоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии собирал и описал А. В. Анохин. Им же было описано исполнение кайчи народных эпических поэм: «В былинной музыке непосредственно после настройки топшуура играется вступление (своеобразная прелю-

дия). Иногда сам играет довольно долго»⁷. Здесь же А. В. Анохиным приводится нотная запись этого вступления, затем нотируется само горловое пение, отмечается его специфика. Автор указывает на главную особенность кая: «Сказки, действительно, поются низкой дребезжащей октавой, которая своим тембром напоминает летящего жука».⁸ Ценными являются наблюдения А. В. Анохина, относящиеся к поведению кайчи во время исполнения народного эпоса горловым пением. Как он отмечает, наиболее патетические места кайчи выделяет не только голосом, но и мимикой, жестами. Ученый-музыковед считал горловое пение частью музыкального фольклора, писал об артистичности кайчи.

В 20—30-е годы много произведений шорского фольклора записала Н. П. Дыренкова. Об исполнении произведений шорского эпоса и о шорском кае она писала: «Эпические богатырские, полустихотворные, полупрозаические кай, рассказываемые нараспев под аккомпанемент музыкального инструмента комус или кай-комыс. Сказитель обычно начинает с прелюдии, во время исполнения которой он как бы обдумывает свою поэму. Затем он начинает петь низким горловым голосом. Поэму сказитель поет по частям (по несколько двестишты), заканчивая каждую часть пением без слов или одним лишь аккомпанементом на комысе. Содержание пропеты части сказитель затем передает словами без пения. Отдельные сказители начинают кай с обращения к герою и к своему комысу»⁹. Под названием «кай» Н. П. Дыренкова понимает жанр: «Эпические богатырские поэмы полустихотворные, полупрозаические, кай», или еще: «песни сарын, так же, как и богатырские поэмы, кай». Однако в ссылаках на В. В. Радлова она замечает: «Название кай указывает на способ их исполнения»¹⁰.

Сами шорские сказители не видят разницы между каем и эпосом. Кай, считают они, это и есть эпос. В то же время они различают исполнение эпических поэм каем и просто повествованием без пения. В самом пении они различают пение «грудью» и пение «горлом». Современный шорский кайчи М. К. Каучаков (живет в г. Междуреченске) поет «грудью», то есть открытой гортанью, выдавливая воздух из легких диафрагмой и животом. По его словам, петь «горлом» означает петь с особым сжатием гортани, так он петь не может, потому поет «грудью».

В 40—50-х годах в изучение эпоса и кая, музыкальной и песенной культуры народов Саяно-Алтая и Урала подключились А. Н. Аксенов, Н. А. Баскаков и Л. Н. Лебединский. Описанием музыкальных и песенных жанров тувинцев (А. Н. Аксенов), башкир (Л. Н. Лебединский), эпоса и литературы алтайцев (Н. А. Баскаков) они внесли существенный вклад в изучение и кая. А. Н. Аксенов сообщает о «четырех стилях тувинского двухголосного горлового пения „хомей“ (стили: „каргыраа“, „барбаннадыр“, „сыгыт“ и „эзенгилээр“...)»¹¹; о трех стилях алтайского двухголосного горлового пения Н. А. Баскаков пишет: поэмы «сопровождаются иногда особыми вокальными фигурами, представляющими собой чрезвычайно любопытные виды двухзвучного пения, исполняющегося одновременно одним певцом и соответствующего по своему характеру органному пункту европейской музыки. Один из звуков исполняется горлом и является неподвижным тоном, другой исполняется губами и образует несложную мелодию. В зависимости от характера второго голоса двухзвучное пение имеет три вида: а) куулеп кайла, — в котором второй звук напоминает легкое гудение; б) каргылап кайла, — в котором второй звук можно определить как шипящий; и, наконец, в) сыгырлап кайла, — со вторым звуком свистящим, напоминающим флейту»¹².

Два вида тувинского двухголосного горлового пения именуются

почти так же, как и алтайские: по-тувински «каргыраа» и «сыгыт», а по-алтайски «кагырлап» и «сыгырлап». Возможно, они восходят к одному источнику.

А. Н. Аксенов пишет и об особенностях исполнения произведений тувинского народного эпоса: «Одни виды тувинских народных сказок (богатырские и некоторые волшебнo-фантастические) исполняются нараспев (мелодическим речитативом, ритмизирующим прозаический сказочный текст), нередко с сопровождением чадагана — струнного музыкального инструмента — в форме либо следования мелодии за вокализацией (постоянного или эпизодического), либо в форме инструментальных проигрышей, эпизодически прерывающих вокальную речитацию. Другие виды тувинских сказок (бытовые сказки о животных и часть волшебнo-фантастических) нараспев не исполнялись, а рассказывались»¹³. А. Н. Аксенов видит разницу между произведениями народного эпоса и бытовыми сказками в манере их исполнения.

В конце 40-х годов Л. Н. Лебединский, подтвердив верность сообщения С. Г. Рыбакова об «узляу» у башкир, нотировал образцы двухголосного горлового пения и дал определение двухзвучному пению. «Узляу» — искусство двухголосного пения в интерпретации одного исполнителя. В статье «Искусство „узляу“ у башкир» он подробно рассказывает о своей встрече с исполнителем «узляу» 75-летним Сайфетдином Юлмухаметовым и о самом искусстве пения. Л. Н. Лебединский пишет: «Неестественно, что человек берет сразу два звука одновременно; неестественны самые тембры „узляу“, как остинантного нижнего органного пункта, так и звуков верхнего регистра; неестественна необходимость длительно задерживать дыхание. Овладение такими приемами пения требует большой и длительной — многолетней — и при этом совершенно особой тренировки дыхания, голосовых связок, гортани, носовых, небных, лобных и губных резонаторов, и т. д.»¹⁴. Однако вряд ли можно согласиться со следующими словами Л. А. Лебединского: «Узляу — искусство, явно ставящее своей задачей изумить, ошеломить, подавить слушателя и зрителя необыкновенностью звучания, демонстрацией огромной физической силы, выносливости и тренировки... здесь в довольно ясной форме сказываются пережитки шаманизма»¹⁵. Во-первых, вид фольклора возникает тогда, когда художественное выражение его в той или иной форме стало потребностью духовной жизни народа. Во-вторых, искусство и шаманизм относятся к совершенно различным сферам духовной и социальной жизни народа. Между шаманским камланием и двухголосным горловым пением нет ничего общего. Вот что пишет об этом Н. А. Баскаков: «Искусство кайчи не имеет ни внешней, ни внутренней связи с „исполнением“ шаманских мистерий, текст которых поется (выкрикивается) шаманами высоким (но не низким) голосом и имеет более сложный мелодический рисунок»¹⁶.

Кайчи, поющий двухзвучным голосом, аккомпанирует себе на шипковом музыкальном инструменте, в то время как кам (шаман) во время камлания использует ударный инструмент — бубен. Здесь, вероятно, правильнее говорить не о сходстве двух форм народного сознания, а об их общих истоках. Как религия (шаманизм), так и фольклорное искусство восходят к мифологии — наиболее архаической форме сознания.

Эпос тюркоязычных народов Южной Сибири относится к ранним формам эпического творчества, поэтому в нем нашли отражение многие мифы, причем в разной форме. В некоторых произведениях, например, шорского эпоса немало мотивов и сюжетов, сходных с шаманскими.

В 50-е годы о хакасском хае новое слово сказал А. А. Кинель, кото-

рый отметил, что «хай — особый, чисто национальный вид горлового пения». И далее: «Певец-«хайджи» низким горловым речитативом на одной басовой ноте медленно ведет повествование, аккомпанируя сам себе на чатхане, ведя на нем самостоятельную мелодию... Хайджи, начиная повествование (сказку или легенду), поет сначала „хаем“ зачин-начало. У каждого хайджи есть свои любимые мелодии и тексты зачинов... Самый сказ состоит из чередования хая с разговорной речью. Хаем главным образом исполняются особо важные места в повествовании, например, бой, скачка богатыря, полет на волшебных предметах (коврах) и т. д... У каждого сказителя своя индивидуальная манера исполнения, например, речитативный незаметный переход от пения к речи, музыкальные наигрыши для отдыха и т. д. Репертуар у некоторых славящихся сказителей огромен — тысячи строк стихотворного текста, иногда тут же импровизируемого. Повествование длится обыкновенно часами и даже днями». А. А. Кинель отмечает также, что количество наигрышей зависит от исполнителей, хайджи. Например, прославленный Сандай Кайлагашев «в отличие от С. П. Кадышева, употреблял лишь небольшое количество чатханных наигрышей. Сказитель же Пастаев из Аскизского района за два часа изложения сказки проигрывал около 40 наигрышей»¹⁷. А. А. Кинель сделал нотную запись многих произведений хакасского народного эпоса, исполняемых горловым пением мастерами хакасского хая.

Однако и А. А. Кинель не избежал неточностей. Горловое пение, как таковое, не является только хакасским народным искусством. Горлом поют алтайские, тувинские, шорские, якутские, башкирские сказители. Пересказ текста эпического произведения ведется не «разговорной речью», а стихами. Текст произведения народного эпоса невозможно перевести на обычный бытовой разговорный язык, так как эпические тексты всегда отличаются торжественным стилем. Хаем (горловым пением) исполняются не сказки (*нымах*), а *алыптыг нымах* (букв. «сказки о богатырях»), точнее — эпические поэмы. В 70-е годы об алтайском кае Б. Ш. Шульгин писал: «Горловое пение—это не гамма хрипов, а пение, правда, своеобразное: звуки при таком пении производятся не свободно открытым горлом, а несколько сжатым. Это пение подчиняется всем законам музыки»¹⁸. И далее: «Произношение слов нараспев низким горловым тембром, „остинантность“ мелодических фраз топшуура, звучание „на органной педали“ то голоса, то самого топшуура, плапальность напева и т. п. — все это вводит слушателя в своеобразный „психологический транс“, который помогает отключиться от окружающей обстановки и дает полную свободу фантазии слушателя. И последний, слушая живую, полную образных сравнений певучую речь кайчи, переживает все перипетии, которые испытывает герой повествования»¹⁹.

Как мы видим, Б. Ш. Шульгин поднимает важные проблемы изучения кая и его функций как сложного вида искусства. Мелодии кая—это художественное средство эмоционального выражения; они создавались на протяжении всей истории аборигенного населения Южной Сибири и отражали не только эстетические чувства и взгляды, но и социальные, правовые и другие отношения людей.

В последнее десятилетие опубликовано несколько работ о кае. Так, о происхождении тувинского двухголосного горлового пения С. И. Вайнштейн пишет: «Возникновение горлового пения следует отнести ко времени не позднее второй половины первого тысячелетия», то есть, к периоду возникновения государственных образований в Южной Сибири и Центральной Азии. Данное положение автор обосновывает тем, что

«узляу» было распространено у башкир. Это автор объясняет проникновением в среду башкир уйгуров и туматов, выходцев из Южной Сибири и Центральной Азии. Существует мнение о южносибирском происхождении горлового пения. С. И. Вайнштейн считает, что «возможности распространения горлового пения вне этнических связей отдельных народов были... очень невелики, так как обучиться этому весьма сложному искусству можно было только с раннего детства в семье»²⁰. При этом С. И. Вайнштейн ссылается на слова Ю. В. Бромлея, сказанные им в 1973 году на научной сессии в Самарканде, о том, что «для выделения этнических общностей прошлого и их этнических связей наиболее существенны те специфические черты культуры, которые наименьшим образом поддаются межэтнической диффузии, причем особенно важно разграничение передачи культуры на основе зрительной и устной традиции»²¹. По мнению С. И. Вайнштейна, «формирование этой традиции было связано с кочевым тюркоязычным скотоводческим населением Азии»²². Однако скотоводами были и тюрки, и монголы Азии. В какой же среде возник кай — в монгольской или тюркской? С. И. Вайнштейн считает, что в тюркской, так как у монголов «горловое пение менее развито, чем у тувинцев... оно неизвестно и этногенетически связанным с монголами бурятам и калмыкам... Гортанное пение было заимствовано, как и ряд других форм культуры, монголами от их тюркоязычных соседей, живущих в Южной Сибири, с которыми у них были, как ныне твердо установлено, не только культурные, но и глубокие и древние этнические связи»²³.

Несмотря на всю убедительность доводов С. И. Вайнштейна, некоторые его утверждения кажутся сомнительными. В частности, у каждого народа Саяно-Алтая есть мастера горлового пения, однако многие из них не обучались этому с детства и не воспитывались в семьях кайчи. Нельзя не учитывать и слов Сайфетдина, записанных Л. Н. Лебединским: «К искусству, как выразился сам рассказчик, „тянуть узляу“ Сайфетдин стал приучаться с 14 лет. Он утверждал, что дошел до этого искусства совершенно самостоятельно и за всю свою жизнь не только не слышал ни одного исполнителя „узляу“, но и не видел ни одного человека, который мог бы „тянуть узляу“»²⁴.

Сомнение вызывает и датировка зарождения кая, предложенная С. И. Вайнштейном. Связывать непосредственно с тем или иным периодом социально-политической жизни народа происхождение того или иного вида народного искусства, в том числе горлового пения, весьма рискованно, ибо изменения в духовной жизни народа находятся в еще большей зависимости от сферы материальной жизни. Какие же изменения произошли в духовной жизни народов Южной Сибири и Центральной Азии в середине первого тысячелетия и чем они были вызваны? Ответ на этот вопрос требует специального исследования, что поможет определить период зарождения горлового пения. Важно также, как нам представляется, выяснить, можно ли связывать возникновение этого искусства с созданием героического эпоса.

В свое время «узляу» удивило С. Г. Рыбакова. В наши дни двухголосное горловое пение тувинца Алтын-оола покорило С. И. Вайнштейна, который пишет: «Да, это было горловое пение. Оно не было привычным для нас пением — можно было отчетливо различить звуки именно двух, а иногда как будто даже трех инструментов. В одном из них слышалась временами чарующая протяжная и нежная музыка флейты, другой инструмент нес низкие и тревожные гудящие звуки с металлическим оттенком и хрипотцой. В музыке „горлового оркестра“ был напряженный

ритм, четкая динамическая пульсация, синхронно сопровождающая бег лошади Алтын-оола. Звучание этого „оркестра” то резко усиливалось, напоминая звон фанфар, то ослабевало, но постоянно в нем присутствовали ритмы скачущего всадника»²⁵.

Исследование физико-физиологических основ тувинского и хакасского горлового пения, проведенное Б. Н. Черновым, показало, что «голосовой аппарат тувинцев не имеет анатомических отклонений от физиологической нормы... Во время двухголосной фанации голосовые складки закрыты от взгляда исследователя, неизвестной ранее «сфинктерной преградой, образованной вестибулярными складками, бугорком надгортанника и верхушками черпаловидных хрящей. В центре этой преграды формируется свистковое отверстие диаметром 1—1,5 мм (подобие губ при свисте). В этом заключается секрет двухголосия. ...При двухголосной фанации язык выполняет роль регулятора высоты, осуществляя специфические движения в различных стилях горлового двухголосного пения. Вот почему тувинские певцы во время двухголосного пения текст формировать не могут»²⁶. «У хакасов, в отличие от тувинцев, владеющих сольным двухголосием, формируется при пении своеобразная вокально-текстовая структура. Это говорит об определенной самостоятельности национального приема хакасского горлового пения»²⁷.

К вопросу о кайе обращался ряд авторов²⁸. О горловом пении делались научные доклады и сообщения. Изучение горлового пения продолжается. В настоящее время можно сделать лишь некоторые предварительные выводы.

Кай — это песенный жанр, исполняемый при помощи особого сжатия гортани нешироко открытым ртом; он состоит из двух видов: двухголосного и одноголосного горлового пения. Во время первого один певец одновременно поет двумя голосами без слов (у тувинцев четыре стиля, у алтайцев — три-четыре). Особенность второго вида состоит в сольном исполнении произведений народного эпоса сжатой гортанью (горловое пение) с произнесением слов в сопровождении игры самого певца на музыкальном инструменте (на комусе — у шорских кайчи, на семиструнном чатхане — у хакасских хайджиев, на топшууре — у алтайских кайчи).

В Южной Сибири и Центральной Азии для хакасско-шорской разновидности кая — хая не характерно двухголосное горловое пение. Двухголосие здесь возможно только при исполнении произведений народного эпоса без слов. Шорские кайчи поют «грудью» и «горлом». Тувинско-алтайская разновидность включает в себя как одноголосное, так и двухголосное горловое пение без слов (разными стилями). В прошлом, возможно, действительно существовали два центра горлового пения, возникшие независимо друг от друга, потому что различие между двумя разновидностями настолько велико, что общность их заключается только в самом горловом пении.

В древности и в раннем средневековье горловое пение было широко распространенным видом песенного фольклора тюркоязычных народов Сибири, а, может быть, и всех тюрков. В настоящее время горловое пение еще бытует в Туве, Горном Алтае, Хакасии, Горной Шории, менее распространено оно в Башкирии и Якутии. Гортанное пение по-якутски называется «хабарба ырыата». Термин «кайлоо» бытует у киргизов. В. С. Виноградов пишет, что оно «означает напевать под нос, мурлыкать, говорить вполголоса, то есть в некоей средней манере между пением и речью»²⁹. В этой манере пения и в самом термине можно видеть следы кая. В исполнении произведений народного эпоса узбекскими бакшы

также заметны отголоски горлового пения. В недавнем прошлом горловое пение практиковалось и среди телеутов Беловского района Кемеровской области.

В горловом пении бесконечное множество мелодических оттенков, а в игре на музыкальном инструменте (одноголосное горловое пение всегда идет под аккомпанемент) отмечено до сорока наигрышей (у хакасских хайджи). Кай — один из уникальных, древнейших видов песенно-музыкального фольклора, обладающий эстетической исторической ценностью, поэтому изучать и сохранять его необходимо.

- ¹ В. Титов. Богатырские поэмы минусинских татар. СПб., 1856, стр. 4.
- ² Н. Ф. Катанов. Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков. СПб., 1885, стр. 5.
- ³ В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 167.
- ⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. т. II, 3. СПб., 1899, стр. 27.
- ⁵ Цитируется по книге: Л. Н. Лебединский. Искусство «узляу» у башкир. — «Советская музыка», 1948, № 4, стр. 48.
- ⁶ С. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900, стр. 114.
- ⁷ А. В. Анохин. Музыкальная этнография. Фрагменты Кая. Рукопись. Архив Горно-Алтайского областного музея, стр. 94.
- ⁸ А. Б. Анохин. Народное песенное музыкальное творчество алтайцев, монголов и шорцев. Архив Горно-Алтайского НИИИЯЛ, фольклорные материалы, папка № 115, стр. 24.
- ⁹ Н. П. Дыренкова. Шорский фольклор. М.—Л., 1940, стр. 10.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ А. Н. Аксенов. Тувинская народная музыка. М., 1964, стр. 10.
- ¹² Н. А. Баскаков. Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1948, стр. 11.
- ¹³ А. Н. Аксенов. Тувинская народная музыка, стр. 16.
- ¹⁴ Л. Н. Лебединский. Указ. раб., стр. 51.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Н. А. Баскаков. Характеристика исполнения героических сказаний алтайских кэичи и об исполнении «кая» А. Г. Калкиным. — Архив Центрального Дома народного творчества. М., ЦДНТ, папка № 393, «Алтайский краевой Дом народного творчества», 1948, стр. 1.
- ¹⁷ А. А. Кинель. Народное музыкальное творчество хакасов. Абакан, 1955, стр. 8.
- ¹⁸ Б. Ш. Шулъгин. Об алтайском каяе. — В кн.: «Маадай-Кара», М., 1973, стр. 459.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ С. И. Вайнштейн. Феномен музыкального искусства, рожденный в степях. — «Советская этнография», 1980, № 1, стр. 155.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, стр. 155—156.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Л. Н. Лебединский. Указ. раб., стр. 50.
- ²⁵ С. И. Вайнштейн. Указ. раб., стр. 155.
- ²⁶ Б. П. Чернов. О физиологии механизма тувинского и хакасского гортанного пения. — В кн.: «Проблемы хакасского фольклора», Абакан, 1982, стр. 87.
- ²⁷ Там же, стр. 91.
- ²⁸ См., например, работы В. Виноградова, в том числе: В. С. Виноградов. Киргизский народный речитатив. — «Вопросы музыковедения. Ежегодник», вып. II, М., 1955.
- ²⁹ Там же, стр. 78.

ОНОМАСТИКА

Г. А. ДЕГТЯРЕВ

О НОМИНАЦИИ ТРАВ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема изучения и наиболее полной фиксации таких богатых пластов лексики, как народные названия трав, в настоящее время стала актуальной. Дело в том, что «социальные, культурно-психологические, мировоззренческие сдвиги в современном обществе настолько существенны, что то, что сохранялось в народном сознании тысячелетиями, сейчас исчезает в течение десятилетий и даже лет»¹. Ныне, в связи с незначительностью роли трав в жизни отдельного человека, необходимость знания и запоминания названий большого количества их разновидностей, признаков и свойств почти полностью отпала. Поэтому неудивительно, что, например, растение *Convallaria majalis* L. бытует у чувашей под названием *лантăш* 'ландыш', а многочисленные народные названия этого растения *ниш курăкĕ*, *пыршăль курăкĕ*, *мулкач хăлхи*, *чакак курăкĕ*, *туйски курăкĕ*, *мăкаç сырли*, *сĕлен сырли курăкĕ* — встречаются лишь в речи людей преклонного возраста. То же самое можно сказать о таких наименованиях трав, как *синçe* ('время «зачатия» земли') *курăкĕ*, *алпастă* ('мифический персонаж') *курăкĕ*, *вунăр* ('злой дух') *курăкĕ*² и многих других ныне забытых.

В то же время насущные потребности развития ботаники тесно связаны с изучением всего многообразия этих растений, получившего отражение в их народных наименованиях. «Бытующие издревле в народе названия растений составляют, естественно, основу для систематизированной номенклатуры местной флоры. Однако заполнить ими соответствующие „клетки“ терминологического поля оказывается делом нелегким»³. Для этого требуется всесторонний анализ существующей народной флористической лексики, в результате которого можно было бы установить те фитонимы, которые могут (и должны) занять надлежащее им место в научной ботанической терминологии.

Наиболее распространенный тип народных названий трав — двучленные наименования со стержневым компонентом *курăк* 'трава', (*в*)*утă* 'трава', 'сено', *кĕпçe* 'трава с полым стеблем'⁴. Описательные названия с тремя-четырьмя компонентами, а также простые (однокорневые) фитонимы в чувашской народной номенклатуре встречаются значительно реже. Большинство из них номинативного типа и требует специальных этимологических исследований. Настоящая статья посвящена анализу семантической структуры составных наименований.

Каждая тематическая группа лексики имеет свой специфический набор признаков, лежащих в основе образования составляющих ее единиц. Главные мотивирующие признаки, характерные для чувашской на-

родной номенклатуры травянистых растений, условно могут быть подразделены на четыре группы:

I. Естественно-биологические признаки растения или его отдельных частей: листьев, стебля, цветка, семян, плода, корня.

1) Цвет. Это наиболее характерный признак, образующий названия трав; в основном встречаются цвета — желтый, синий, белый и красный: *сар̄ чечек*, *сарпӯс*, *шурпӯс*, 'примула весенняя'⁵ (букв. «желтый цветок», «желтая головка», «белая головка»).

2) Запах. В фитонимах, образованных на основе этого признака, обычно фигурирует компонент *ш̄арил̄а*, который может иметь различные смысловые оттенки: «пахучий», «вонючий», «душистый»: *ш̄арил̄а к̄еп̄се* (ср.: *ш̄аршлакка*) 'дягиль лесной'.

3) Вкус. В названии растения могут отражаться и его вкусовые особенности: *й̄й̄с̄е* 'горький', 'кислый', *тутл̄а* 'вкусный', *пылак* 'сладкий': *й̄й̄с̄е кур̄ак* (ср.: *й̄й̄с̄е вути*) 'водокрас обыкновенный'.

4) Особенности строения. Эти фитонимы указывают на величину, форму, структуру или иные специфические свойства травы (*м̄ан* 'большой', 'широкий', *м̄ант̄ар* 'толстый', *хыт̄а* 'твердый', *яка* 'гладкий', *саврашка* 'круглый' и т. п.): *картл̄а кур̄ак* 'папоротник-кочедыжник' (букв. 'рубчатая трава'); *шартла кур̄ак* 'качим постенный' ('шелкающая трава').

5) Место произрастания. Определительными компонентами названий, основанных на этом признаке являются главным образом наименования местности: *шыв(шу)* 'вода', 'речка', *шур* 'болото', 'болотистый луг', *хир* 'поле', 'равнина', *в̄арман* 'лес'; *шур вути*, *шурут* 'пырей ползучий'; *шыв кур̄ак̄е* 'кипрей (мохнатый)'; *хир кур̄ак* 'донник лекарственный'.

В редких случаях народная номенклатура указывает на временную соотнесенность реалий (время цветения травы).

II. Сравнение травы с различными предметами окружающей действительности.

1. Сходство.

а) сходство с другими растениями. Отдельные виды травянистых растений по некоторым своим внешним признакам сходны с деревьями, полевыми и огородными культурами, широко распространенными травами, что находит отражение в их названиях: *ч̄ар̄ашт̄арри* (букв. 'вершина ели'), *хыр* 'сосна', *кур̄ак* 'хвощ полевой'; *с̄ел̄епӯс* (букв. 'головка овса'), *с̄ел̄е ути* 'овсяница луговая'; *хупах* 'лопух', *аама*⁶ *хупах* 'подорожник большой';

б) сходство с частями тела, органами домашних и диких животных, птиц. Многочисленные наименования, построенные по этой семантической модели (фитоним — анатомический термин животного) отличаются своей образностью: *чавкапӯс*, *т̄ахр̄анпӯс*, *кай̄акпӯс*, *м̄ак̄арпӯс*, *кутанпӯс* 'клевер луговой' (букв. 'голова: галки, дятла, птицы, быка, пескаря'); *ут тун̄и*, *ут х̄ури*, *тиха х̄ури* 'щавель конский' (букв. 'голень коня', 'хвост коня', 'хвост жеребенка').

Фитонимы, сложившиеся на основе сходства растения с частями человеческого тела, встречаются значительно реже: *с̄таппанпӯс* 'василек русский' (букв. 'стефанова голова'); *кар̄ч̄ак ш̄ил̄е* 'чина посевная' (букв. 'зуб старухи').

в) сходство с предметами домашнего обихода (одеждой и украшениями, орудиями труда, пищей и т. п.): *салтак т̄ўми* 'пупавка красильная' (букв. 'солдатская пуговица'); *ч̄ак̄ат кур̄ак̄е* 'просвирыняк (пренебреженный)' (букв. 'трава как крестьянский сыр') ср.: *кушак ч̄ак̄ач̄е* — значение то же (букв. 'крестьянский сыр для кошки'); *каш̄ак аври*, *каш̄ак кур̄ак̄е* 'папоротник-орляк' (букв. 'трава, как ложка').

2. **Контрастность.** Немало трав по особенностям внешнего вида или по месту произрастания напоминают другие растения (культурные или дикорастущие), но обладают прямо противоположными качествами. Для номенклатуры таких реалий наиболее характерна следующая семантическая модель: $\Phi_2 = X + \Phi_1$, где Φ_1 и Φ_2 — названия сравниваемых растений, а X — слово с семантикой «ненастоящий», «дурной»; эту роль наряду с эпитетами *хура* 'черный' → 'сорный', 'ядовитый', *суя* 'ложный', *анра* 'дурной', *хир* 'дикий' — выполняют названия животных (*йытă* 'собака', *кашкăр* 'волк', *серси* 'воробей' и др.): *хура пăрса* 'паслен черный' (букв. 'черный горох'); *анра кăшман*, *анра сарăк* 'сурепица обыкновенная' (букв. 'дурная свекла', 'дурная репа'); *серси хуратулĕ* 'вереск обыкновенный' (букв. 'гречиха воробья').

Кроме того, по принципу контрастности построены такие названия, как *тутлă ерĕм* 'герань (луговая)' (букв. 'сладкая полынь'); *суккăр вĕлтрен* 'ясотка стеблеобъемлющая' (букв. 'слепая крапива').

3. **Соотнесенность растений с животными:** а) по внешнему сходству их частей: *чавка курăкĕ* 'клевер луговой' (ср.: *чавкапуç* — значение то же); *пакиша курăкĕ* 'хвощ полевой' (ср.: *пакиша хĕри* — значение то же);

б) на основе более отдаленных ассоциаций: например: ядовитые растения в народной номенклатуре очень часто сопоставляются с волком (*кашкăр сыри*, *кашкăр тымарĕ*, *кашкăр вути*), низкорослые травы с мелкими листьями и цветками — с мышью (*шăши куршанки*, *шăши вĕтренĕ*, *шăши хуххи*), а травы, растущие около водоемов, и водоросли — с лягушкой (*шапа кĕпи*, *шапа курăкĕ*, *шапа карри*).

Наличие в определенной части фитонимов названия того или иного животного, птицы, видимо, указывает на то, что обозначаемые ими растения служили кормом для этих птиц и животных, например, *куккук сăкри* 'клевер' (букв. 'хлеб кукушки').

III. Наименования по функции растений.

1) Применение растений в быту, хозяйстве, обрядах, детских играх: *шăна курăкĕ* 'клоповник' (букв. 'трава против мух'); *пир кĕпчи* 'дягиль лесной' (букв. *кĕпсе* для холста); *сăмарта курăк*, *сăмарта саратакан* 'серпуха неколючая' (букв. 'трава, красящая яйцо'); *чĕй курăкĕ* 'зверобой дырявый' (букв. 'трава для чая').

2) Указание на использование фитонима в народной медицине:

а) болезнь, излечиваемая тем или иным растением; *сарамак курăкĕ* 'примула весенняя' (букв. 'трава от желтухи'); *ниш* ('худосочие у детей'), *курăкĕ, пыршăль* ('болезнь горла'), *курăкĕ* 'ландыш майский'; *пĕсĕр* ('грыжа', 'глисты'), *вуги* 'грыжник голый';

б) часть тела (орган) человека, болезнь которой лечится данным растением; *пыр курăк* 'жабник полевой' (букв. 'трава для горла'), *сурăм* ('поясница', 'спина'), *уги* 'фиалка волосатая'; *шăл курăк* (ср.: *шăл суран курăк*) 'тысячелистник обыкновенный' (букв. 'трава для зуба').

3) Указание на воздействие растения на организм: *ухмах ертекен курăк*, *ухмах курăкĕ* 'белена черная' (букв. 'трава, сводящая с ума'); *юн шĕветекен курăк* 'зверобой дырявый' (букв. 'трава, разжижающая кровь'), *йт ултерекен курăк* 'подорожник большой' (букв. 'трава, заживляющая рану'), *хурт тăкан курăк* 'пустырник сердечный' (букв. 'трава, очищающая рану').

IV. Наименования, возникшие на основе религиозно-мистических представлений.

В названиях трав, наряду с их биологическими свойствами и функциями нашли отражение и бытующие мифологические представления (наделение травы сверхъестественной силой): *сумăр хулли*, *сумăр курăк*

‘спаржа аптечная’ и ‘донник лекарственный’ [букв. ‘трава для (вызывания) дождя’], *ум илне курăк* ‘очиток едкий’ (букв. ‘трава от порчи’), *ие ути, ие курăкĕ* ‘астргал нутовый’ (букв. ‘трава против злого духа — ие’) и т. д.

Конкретное растение имеет определенный набор признаков, наименование каждого из которых может лечь в основу его названия. Как отмечает А. Н. Ракин, «одну и ту же траву можно рассматривать с разных сторон, применять в разных целях, а значит, и присваивать ей, в зависимости от обстоятельств, различные имена»⁷.

К тому же внешний вид и свойства растения, в зависимости от вегетационного периода, сильно меняются (что соответственно отражается и на его функциях). Этим объясняется такое парадоксальное явление, как изменение названия растения в одной и той же местности в зависимости от сезона: например: тмин обыкновенный — *çерси кĕпчи, кушак кĕпчи—енĕç, калемпĕр* (когда созревают семена растения); щавель кислый — *кайшкар ути* и *хёрлĕ пуç*; хвощ полевой — *кавакал тун* и *чăраш курăкĕ*.

Для народной номенклатуры травянистых растений наряду с дублетностью и вариативностью характерна также и полисемия фитонимов. Неоднозначность названий обусловлена повторяемостью признаков, то есть тем, что разные растения (по научной классификации относящиеся к различным родам и семействам) имеют одинаковые признаки: внешнее сходство, общность мест произрастания или функциональное тождество⁸.

Указанные выше признаки растений (цвет, вкус, запах, особенности строения, сходство с различными предметами действительности и т. д.) нередко проявляются в комплексе и в тесном сочетании, как, например, в названиях *кушак вирĕ, хупах кĕпчи, çĕлен калчи*, либо взаимно дополняя друг друга, как в фитонимах типа *çĕтлĕ сар чечек, ыраш пуçлă шур ути, шур тăрлă хыт курăк*. В первом случае имеет место «пересечение» двух мотивирующих признаков: (ср.: *кушак вирĕ* ‘тимефеевка луговая’ и *вир курăкĕ, кушак хĕри*—значения те же), а во втором их «объединение» (*шур тăрлă курăк+хытă курăк→шур тăрлă хыт курăк* ‘тысячелистник обыкновенный’).

¹ О. А. Черепанова. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983, стр. 4.

² См.: Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. I—XVII, Казань—Чебоксары, 1928—1950; В. Г. Егоров. Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1954; Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968. Автором использованы также этнолингвистические данные, собранные им в Моргаушском, Чебоксарском, Капашском районах ЧАССР.

³ М. И. Скворцов. О некоторых особенностях чувашских народных названий растений.—В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография», М., 1971, стр. 267. См. также: Р. З. Сафарова. Источники, пути и принципы формирования ботанической терминологии башкирского языка (на материале названий растений). Автореф. канд. дисс., Уфа, 1984, стр. 22.

⁴ В. Г. Егоров. Указ. словарь, стр. 84. Значение слова *кĕпçĕ* определяется как «съедобные растения, имеющие полый стебель», однако в составе фитонимов это слово может обозначать и ядовитые растения (*зарăш кĕпчи* ‘омежник водяной’, *аса кĕпчи* ‘болиголов пятнистый’) и травы, не имеющие полого стебля (например, *майра кĕпчи* ‘свербига восточная’).

⁵ Здесь и далее приводится, как правило, лишь одно из основных значений привлеченного в качестве примера названия травы. Однако следует учесть, что однозначный фитоним в народной номенклатуре растений скорее исключение.

⁶ О значении компонентов *ама* и *аса* в названиях растений см. в указанном словаре Н. И. Ашмарина (вып. II, стр. 117).

⁷ А. Н. Ракин. Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология. (Доклад на заседании президиума Коми филиала АН СССР). Сыктывкар, 1977, стр. 36.

⁸ В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений (травы, грибы, ягоды). М., 1967, стр. 8.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Ф. С. САФИУЛЛИНА

РАЗВИТИЕ СИНТАКСИСА ТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Функциональное развитие татарского языка в советскую эпоху способствовало совершенствованию его структуры, развитию функциональных стилей, обогащению лексики и т. д., что нашло отражение во всех подсистемах.

Изменения в языке, как известно, зависят от многих факторов как внешних, так и внутренних, взаимно обуславливающих друг друга [18; 46, с. 30, 209, 212]. Внешние, социальные факторы оказывают большое влияние на развитие языка в целом, и особенно — его лексической системы. Внутренние факторы [46, с. 30, 209] усиливают тенденцию к улучшению языкового механизма, достижению смысловой четкости [46, с. 223].

В современных национальных литературных языках СССР исследователи выделяют две тенденции: к размежеванию стилей и к взаимопроникновению стилей и разновидностей литературной речи [3, с. 6—7; 42, с. 3—5], без учета которых невозможно анализировать синтаксический строй языка.

Изучение изменений в синтаксисе татарского языка включает целый ряд вопросов: роль живой разговорной речи в обогащении литературного языка, нормы современной пунктуации, влияние русского синтаксиса и др.

Основные тенденции развития грамматического строя тюркских языков раскрыты в монографии «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху» [20]; проблемы тюркского синтаксиса рассмотрены в трудах Н. А. Баскакова [6; 7], Н. З. Гаджиевой [11], Н. Х. Демесиновой [14; 15; 16] и др. Однако изменения в синтаксисе татарского языка до последнего времени не были объектом специального исследования, хотя и высказывались отдельные замечания языковедами [21, с. 63—64; 2, с. 102—103; 48, с. 16, 29, 94; 22; 23; 24; 25; 26, 35], а также некоторыми писателями [36] и исследователями русско-татарского двуязычия [50; 51]. Автором настоящей статьи было опубликовано несколько работ, посвященных этому вопросу [37—44]. Материалом исследования являлись различные функциональные стили татарского литературного языка, диалектная, разговорная и литературная речь носителей татарского языка.

В советское время в синтаксисе татарского языка отчетливо прослеживаются изменения в области словосочетаний, структуры простого и сложного предложений. Для синтаксиса словосочетаний характерны нижеследующие изменения.

1. В связи с расширением значений исконных слов увеличились их сочетательные возможности. Так, например, слово *юл* 'дорога' в современном татарском языке имеет одиннадцать значений. Такие значения его, как «способ», «метод», «прием», «область», «направление» являются более поздними: *сөйләү юлы белән хәл итү* 'решить методом переговоров', *шул юлда эш күрсәтү* 'проявить деятельность в этом направлении'; *юл күрсәтү* 'указать выход (из положения)' и т. д. Слово *бара* 'идет' имеет десятки значений, некоторые из которых появились в советское время: *посадкага бара* 'идет на посадку'; *алдынгылардан бара* 'идет в числе передовых'; *сиңа бара* 'подходит тебе' и т. д. Новое смысловое значение обрели слова *көрәш* 'борьба', *ярыш* 'соревнование', *караш* 'взгляд', *бурыч* 'задача', *бару* 'идти', *челтәр* 'кружево', *хезмәт* 'работа', *ут* 'огонь' и т. д.

Расширяются сочетательные возможности глаголов. Например, в сочетании *мәктәп белән идарә итү* 'управлять школой' глагол может иметь в качестве зависимого слова и форму *мәктәпкә идарә итү*. Слово-сочетание *китапларга күзәтү* 'обзор книг' имеет параллель в форме *китапларны күзәтү* и т. д.

2. Происходит дальнейшая дифференциация падежей, при этом на основе общих традиционных значений выражаются более абстрагированные. Известно, что направительный падеж обычно выражает локальные значения, однако в современном языке обозначает и абстрагированные понятия: *партиягә керү* 'вступить в партию', *лекциягә бару* 'идти на лекцию', *демобилизациягә элгү* 'подпасть под демобилизацию', *белемгә омтылу* 'стремиться к знаниям' и т. д. Расширение значения падежей и изменения в падежном управлении приводят к образованию стилистических вариантов словосочетаний.

3. Получили большое развитие послеложные слова как простые, так и составные, выступающие в роли средств связи. Наряду с традиционными *астында* 'под', *янында* 'рядом', *якта* 'на стороне', *өстеннән* 'над' и т. д., можно отметить следующие: *дэвамьнда* 'в продолжении', *сыйфатында* 'в качестве', *тәртибендә* 'в порядке', *юлында* 'по пути', *урынына* 'на место', *хакына* 'ради', *йөзеннән* 'в порядке', *актылыгында* 'в свете', *юнәлешендә* 'в направлении', *башлап*, *алып* 'начиная', *жирлегендә* 'на почве', *карата* 'по отношению к', *бәйләнештә* 'в связи', *хисабына* 'за счет', *уңаенда* 'в направлении', *дигәндә* 'говоря', *буларак* 'будучи', *булып* 'являясь', *кала* 'исключая', *көе*, *көенчә* 'в виде', *ише* 'как', *йөзендә* 'в его лице', *болай* 'так', *ары* 'дальше', *якын*, *чамасы* 'приблизительно' и др. Наиболее употребительными составными послеложными словами в настоящее время являются: *аермалы буларак* 'в отличие', *белән бергә* 'наряду с', *капма-каршысы буларак* 'будучи противоположными', *мөнәсәбәте белән* 'в связи с', *сыйфаты белән* 'в качестве', *уңае белән* 'в связи с', *хакы өчен* 'ради', *хакы өчен дип* 'ради', *хакына дип* 'ради', *юлы белән* 'из пути', *өчен дип* 'в целях', *бәйле*, *бәйләнешле* 'рэвештә 'в связи с', *бәйле хәлдә* 'в связи', *каршы ягында* 'на другой стороне', *урта төшендә* 'в середине' [30, с. 25—35]. Появление их — результат влияния русского языка [50, с. 190]. Многие послеложные слова вошли в татарский язык в виде русских калек. Это подтверждается и тем, что в русском языкознании появление этих отыменных предлогов оценивается как новое явление. Г. Н. Акимов отмечает активизацию отыменных предлогов — «в силу», «в зависимости», «в отличие от», «по мере», «в области», «в смысле», «по части», «по отношению к», «по поводу», «в лице», «в счет», «за счет», «на основании», «в порядке», «в условиях», «во имя», «в честь» и др. [3, с. 32].

Под влиянием русского языка значительно чаще стало употребляться послеложное слово *буенча* 'по' [13, с. 247; 49, с. 40—52]. И в современном русском языке предлог «по» вторгается в различные сочетания («ателье по ремонту», «планы по сдаче молока», «комитет по делам изобретений» и т. д.). «Очевидно, что предлог „по“ продолжает наступать, вытесняя синонимичные предлоги „для“, „о“ и другие, а также традиционные беспредложные конструкции типа „план выпуска“, „программа литературы“» [13, с. 248]. Рост активности предлога «по» не случаен, ибо он позволяет передавать «определительно-ограничительные отношения, которые осложняются и углубляются вместе с развитием науки, производства, культуры» (там же, с. 249). Расширение употребления послеложных слов с именами многие исследователи считают проявлением общего процесса активизации явлений аналитизма в строе тюркских языков [16, с. 29, 33—34; 31, с. 104; 12, с. 3—5].

4. Претерпевают определенные изменения даже исконно тюркские синтаксические явления и категории. Так, в современном татарском языке употребляется преимущественно тюркский изафет второго и третьего типов. По модели изафета первого типа, самого древнего и основанного на примыкании [11, с. 106—108], новые словосочетания образуются довольно редко. Более того, во втором и третьем типах изафета, классически включающих только два компонента, наблюдается все усиливающаяся тенденция к увеличению их числа (порой до десяти): *татар лексикографиясе тарихы* 'история татарской лексикографии', *партиянең Чаллы шәһәр оешмасының эше* 'работа Челнинской городской партийной организации', *Мөслим районы культура бүлеге мәдире Саматов* 'заведующий отделом культуры Муслюмовского района Саматов', *СССР Фәннәр Академиясе философия институты профессоры Корнилов* 'профессор института философии Академии наук СССР Корнилов' и т. д. Осложнение состава изафета наблюдается, в первую очередь, в газетной речи, официально-деловых документах. В языке художественной литературы такие конструкции употребляются редко; количество сочетаний имен в основном ограничивается тремя компонентами. Нанизывание генетива, характерное и для русского языка, — явление новое для татарского языка. Здесь, несомненно, сказывается влияние русского синтаксиса. В русском языке сочетание имен, имеющих различные формы аффиксов в родительном падеже, не производит впечатления однообразия. В татарском же языке все значения русского родительного падежа передаются либо основным, либо родительным падежом, имеющим только один аффикс — *-ның/-нең*, и поэтому образуется цепочка одинаковых слов, что иногда приводит к образованию стилистически неоправданных сочетаний.

5. Различным стилям речи, особенно разговорному, свойственно упрощение словосочетаний, что приводит к выпадению либо определяемого слова, либо самого определения: *педагогия институты — пед*, *медицина институты — мед*, *ветеринария институты — вет*, *кафедра утырышы* 'заседание кафедры' — *кафедра*, *тугәрәк утырышы* 'заседание кружка' — *тугәрәк*, *декрет отпусказы — декрет*, *уку залы* 'читальный зал', — *зал*, *судка гариза бирү* 'подать заявление в суд' — *судка бирү* и т. д. Таким образом, конструкция как бы сжимается, уменьшается количество ее членов, происходит и смысловое сжатие словосочетания, что иногда обозначают термином «семантическая компрессия».

6. В современном татарском языке процесс калькирования не только слов, но и словосочетаний довольно интенсивен, что способствует раскрытию потенциальных возможностей языка. Калькирование особенно

распространено в переводах, в газетном и научном стилях. При этом наряду с удачными кальками нередко образуются и неудачные: «время, вечер» — *вакыт, кич*; «пусть будет как есть» — *ничек булыр, шул ярар*; «еще и еще раз» — *тагын һәм тагын бер кат*; «как говорят» — *ничек диләр әле* [51, с. 69]. Искусственно созданные кальки особенно часто встречаются в языке периодической печати: «вести речь» — *сүз алып бару* (вм. *сәйләү*), «вызвать восхищение» — *соклану тудыру* (вм. *сокландыру*) «исполнить песню» — *жыр башкару* (вм. *жырлау*), «вызвать интерес» — *кызыксыну уяту* (вм. *кызыксындыру*) и т. д. [там же, с. 80]. В результате неудачного калькирования возникают такие сочетания: «дышать воздухом» — *һава белән сулау*, «поделиться опытом» — *тәҗрибә белән уртаклашу*, «согласиться с этим» — *моның белән риза булу*, «жить хорошей жизнью» — *яхшы тормыш белән яшәү* [50, с. 166].

В словосочетаниях широко представлена синтаксическая вариантность способа выражения; традиционные синтаксические нормы вытесняются новыми, зарождающимися в живой устной речи моделями сочетаний слов [13, с. 227]. В большинстве случаев новые типы словосочетаний употребляются параллельно с традиционными, при этом образуются новые синтаксические синонимы, обогащающие литературный язык. В образовании новых типов словосочетаний велика роль расширения лексики, семантического развития слова, активизации некоторых морфологических форм, ибо связь синтаксиса с морфологией и лексикой осуществляется именно через посредство словосочетаний, являющихся структурной единицей синтаксиса (а не языка) [52, с. 106].

Для простого предложения характерны дальнейшее совершенствование структуры, осложнение его обособленными, вставными и вводными конструкциями, более гибкий порядок слов, инверсия, появление новых типов предложения, активизация разговорных конструкций, явление парцелляции и т. д. Остановимся на наиболее показательных изменениях в системе простого предложения.

1. Одним из таких изменений является выпадение аффиксов сказуемости, столь характерных для татарского языка дореволюционного периода. В современном татарском языке (исключая диалекты), аффиксы сказуемости употребляются только для стилистической окраски: *Болай да куатсез булмаган татар поэзиясе уचाгына яшьләр иҗаты бер шиһафлы сулыштыр* (Р. Файзуллин) 'Творчество молодых—целительный порыв дыхания на мощный очаг татарской поэзии'.

2. Изменился порядок слов в татарском предложении [37, с. 144—161]. Характерной чертой для тюркского синтаксиса является конечная позиция сказуемого в предложении и препозиция управляемого слова по отношению к управляющему. Еще в 20-е годы любое отклонение от этого порядка считалось нарушением [10]. Инверсии, еще в начале века встречавшиеся изредка, стали теперь обычным явлением. Это объясняется не только воздействием русского языка, как считают отдельные языковеды [5, с. 36; 27, с. 12—13; 32, с. 20; 39, с. 94; 45, с. 13; 53, с. 23 и др.], но и все возрастающим влиянием стихии живой разговорной речи с ее более свободным расположением слов в предложении [37, с. 144—161; 40, с. 107—109; 44, с. 68—74] и т. д.

3. Появились и развились новые типы односоставных предложений. Это прежде всего так называемые инфинитивные предложения, образующиеся инфинитивами с аффиксом *-рга/-ргә* (чаще всего) путем прибавления к ним модальных и вспомогательных слов. Частота употребления подобных предложений резко возросла в последние десятилетия [48, с. 29; 2]. Инфинитивная форма на *-рга/-ргә*

— сравнительно новая. В языке деловых документов XVII века эта форма выступает как народно-разговорная, в противовес книжной на *мак/-мэк* [29, с. 102]. Среди тюркских языков эта форма наибольшее распространение получила в татарском, что, вероятно, объясняется влиянием русского языка. Данная форма лежит в основе многих сложных глагольных сказуемых. Смысловые оттенки, образованные на базе этой безличной формы конструкции, оказались весьма многочисленными и закрепились в определенных стилях речи, например, в публицистическом: *Кайгыртучан хуҗа булырга* 'Быть заботливым хозяином'; *Укытырга һәм тәрбияләргә* 'Учить и воспитывать'; *Артта калучыларсыз эшләргә* 'Работать без отстающих'; *Яхшы хезмәткә югары түләргә* 'Высоко оплачивать хороший труд' (газ. «Социалистик Татарстан», 9 июля 1977 г.). В татарском языке инфинитивные предложения, образованные на *-рга* или с добавлением вспомогательных и модальных слов *иде*, *кирәк*, 'надо', *тиеш* 'должно', *юк* 'нет', *ярый* 'можно' и т. д., выражают множество модальных значений: сомнения, решительности, совета, призыва, приказа, желания, иронии, предупреждения, возможности и т. д.: *Ләкин гаризаны кайсы бүлеккә язарга?* (Э. Касыймов) 'Но в какой отдел писать заявление?'; *Ун ел укып та бикник алжытты инде, житер!.. Колхозда эшләп карарга кирәк берәз* (В. Нуруллин) 'За десять лет учебы устал все-таки, хватит! Надо немного поработать в колхозе'. *Боларга «карлыгач оясына» менәргә туры килде* (И. Гази) 'Им пришлось забираться в «ласточкино гнездо»'. *Ләкин сөйләргә ярамый иде* (Ф. Әмирхан) 'Но нельзя было говорить'. *Аңа теләсә нинди эч серләрен сөйләргә була* (М. Хасанов) 'Ей можно говорить самое сокровенное'.

Возникают и активизируются (здесь сказывается влияние русского языка) различные номинативные конструкции, отдельные типы именных предложений. Именуемые в синтаксисе «назывными предложениями» (*атау жөмлә*), односоставные предикативные единицы еще в конце XIX века почти не употреблялись в татарском языке. Даже в русском языке назывные предложения стали использоваться только с конца XVIII века. Оформлению их в самостоятельный структурный тип способствовало становление и развитие драматургии. В произведениях именно этого жанра и появились назывные предложения. В настоящее время между номинативными конструкциями имеются резкие структурные и семантические различия. Наряду с классическими назывными предложениями имеется достаточно много структурно-семантических типов номинативных конструкций, совпадающих по форме с назывными предложениями. Номинативные предложения стали одними из наиболее употребительных, чему способствовала их лаконичность, свободная лексическая наполняемость, связанная с этим гибкость семантической структуры и широкая употребительность в различных стилях [33, с. 358]. В текстах выделяются следующие структурно-семантические типы номинативных конструкций: 1) собственно назывные предложения; 2) бытийные предложения с обстоятельственными и объектными детерминантами; 3) номинативно-побудительные предложения с различными эмоциональными оттенками; 4) оценочно-бытийные номинативные предложения; 5) синтаксические фразеологизмы с повторами; 6) контекстуально обусловленные номинативные предложения в полилогах; 7) вокативные предложения и т. д. [44].

В татарском языке активизируется еще одна номинативная конструкция, по форме совпадающая с назывными предложениями и обращениями. Ее отличительная особенность состоит в том, что без базового

предложения она не употребляется, выносится в форме именительного темы в начало предложения и связывается с последним через местоименные корреляты, образуя своеобразный ритмико-мелодический рисунок [38, с. 100—109; 34, с. 320—321]: *Сарман... Быел ул якларга кайтып та булмады* (А. Гилязов) 'Сарманово... В этом году не довелось приехать в эти края'. *Шота Руставели! Грузин әдәбияты, аның тарихы, аның културасы шушы бөек исемнән башка була алмый!* (Г. Иделле) 'Шота Руставели! Грузинская литература, ее история, ее культура не могут существовать без этого великого имени'. Эти конструкции с именительным темы называются сегментированными [34, с. 320]. «Сегментация — это расчленение высказывания на две отчетливо противостоящие друг другу взаимосвязанные части, между которыми устанавливаются отношения темы и повода... с обязательным выделением части, обозначающей тему, в синтаксически независимую позицию» [34, с. 304]. Функция сегментации — одинаковое выделение и темы, и повода. Конструкции с именительным темы возникли на разговорной основе (в загадках, разговорной речи), причем они видоизменялись в сторону большей эмоциональности, изысканности, экспрессивности [9, с. 17; 41, с. 81—87].

В целом можно отметить резкое возрастание активности употребления номинативных предложений и конструкций, характеризующихся лаконизмом, образностью, что наблюдается не только в татарском литературном языке [3; 34, с. 331, 340]. Вероятно, это — типологически общее явление, присущее литературным языкам в современную эпоху. Эти конструкции в татарской разговорной речи бытовали издавна, однако дальнейшей их активизации способствовала широкая употребительность подобных оборотов в русском языке.

4. В последние десятилетия получили большое развитие предложения, где сказуемое выражается именной частью речи в различных падежных формах: *Ул пальтодан* 'Он в пальто'; *Мин авылда* 'Я в деревне'; *Хат шәһәрдән иде* 'Письмо было из города' и т. д. Р. Г. Сибатов эти предложения считает типами «с предикативной структурой, организованной посредством эллипсиса. В их конструкции глагольное сказуемое замещается другим членом предложения» [47, с. 3]. Он считает, что глагольное сказуемое, первоначально, несомненно, имевшееся здесь, пропущено и полагает, что эти эллиптические предложения «в конечном итоге восходят к двум различным формам полных предложений» [47, с. 7]. Такого же мнения придерживается и Р. А. Юсупов [51], считающий, что для татарского языка такие предложения не органичны, ибо они скалькированы с моделей русских предложений. Как полагает Р. А. Юсупов, эти предложения следует «исправлять», добавляя сказуемое [51, с. 67]. Н. Х. Демесинова считает такие предложения именными конструкциями неполного состава и также причисляет к новым явлениям в синтаксисе казахского языка [16, с. 13, 23—25, 39—40]. Нам представляется более правомерным основываться на фактическом наличии членов предложения. Именные типы сказуемого особенно активизировались в современную эпоху, хотя и встречаются в языке фольклора. Появление таких предложений объясняется влиянием разговорной речи и русского языка [3, с. 60]. Г. Н. Акимова считает подобное предикативное функционирование падежных форм явлением вторичным и весьма продуктивным («отец на работе, начальник у себя, он в форме, кто из Молдавии») [3, с. 61—62]. Указывая, что отдельные языковеды такие предложения относят к неполным, она отмечает: «Однако хронологическая давность, стабильность и регулярность этих предложений привела исследователей к мысли о самостоятельном предикативном значении форм с пространственной семантикой» [3, с. 64].

В татарском языке наблюдается тенденция к активизации усеченных конструкций, возникших в результате опущения глагола-сказуемого. Сфера их употребления ограничена в основном языком публицистики. Семантически они весьма выразительны: *Ашлыкны — тизләтелгән рейслар белән!* (газ. «Авангард», 16 августа 1977 г.); *Техникага — хуҗаларча кара!* («Авангард», 29 сентября 1977 г.). *Байрак — алдыңгыларга!* (газ. «Социалистик Татарстан») и т. д. Эллиптированные конструкции по моделям, общим для русского и татарского языков, имеются и в других тюркских языках, например, в казахском (*Кызыл ту — озаттарга!* 'Красное знамя — передовым!') [16, с. 26]. Появление таких усеченных конструкций характерно для языка средств массовой коммуникации.

5. Отдельными исследователями отмечается, что обособление второстепенных членов для синтаксиса татарского языка является новым. Это явление было описано под влиянием русских грамматик только в конце 30-х годов [35, с. 5, 10]. Обособление в татарском языке характеризуется отрывом зависимого слова от главного (обстоятельства), инверсией (определение), формой выражения второстепенных членов.

6. Языку художественной литературы, отражающему особенности живой разговорной речи, свойственна одна из них — явление присоединения [34, с. 279; 38, с. 109—126]. Употребление его в авторской речи называют «парцелляцией». К уже законченному предложению после определенной паузы присоединяются слова, словосочетания и даже предложения, отражающие спонтанность, естественность, линейность живой разговорной речи. Парцелляция — это «прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки» [34, с. 279]. Следует отметить, что парцелляция употребляется в настоящее время как в различных жанрах художественной литературы, так и в публицистике, и даже в научной речи. Например, *Шигърьдән түгел, поэмалардан башлап китте Әхсән Баян. Ун ел элек, 1959-60 елларда. Ике буын уртасында... Шәүкәт Галиев белән Равил Фәйзуллиннар буыны уртасында...* (С. Хаким) 'Не со стихов, а с поэм начал Ахсан Баян. Десять лет тому назад, в 1959-60-м годах. Между двумя поколениями. Между поколениями Шауката Галиева и Равиля Файзуллина'. Присоединительные конструкции привносят в художественный текст особенности разговорного языка, позволяют индивидуализировать речь персонажей, передать различные модальные оттенки. Однако чрезмерное увлечение этими конструкциями может отрицательно сказаться на целостности и отточенности языка художественного произведения. Слова писателя Г. Ахунова о якобы неприятии татарскими писателями [4, с. 125] этого стилистического средства несколько преувеличены, так как в языке современной татарской литературы весьма часто встречается парцелляция, основанная на присоединении.

7. Одними из новых и активно развивающихся конструкций следует признать вставочные конструкции, несущие дополнительную информацию в базовом предложении. Они обычно находятся в середине или в конце предложения и заключаются в скобки. Вставочные конструкции являются порождением разговорного синтаксиса и обусловлены его спонтанным и линейным характером. Они в настоящее время в равной степени присущи языку научной и художественной литературы, публицистики: *Тукай хатларының копияләре өчен дә, Сәгыйтьнең моңарчы беркәя да басылмаган бик күп шигърьләре (аларның юл саны 1700 дән*

артып китә) өчен дә без менә шул кешегә бурычлыбыз (А. Еники) 'И копиями писем Тукая, и стихами Сагита, которые нигде не печатались до этого (количество их превышает 1700 строк) мы обязаны именно этому человеку'. *Язучы кеше (иҗат кешеләре барысы да шундыйдыр дип уйлыйм) — бертуктаусыз уйлана-эзләнә торган жан ул* (И. Гази) 'Писатель (я думаю, что творческие люди все такие) — это душа, которая непрестанно ищет и мыслит'.

8. В современном татарском языке получили большое распространение вводные слова, долго не считавшиеся членами предложения (более того, их называли словами, не связанными с предложением) [31, с. 3]. Встречающиеся в языке письменных памятников XII—XIX веков слова: *валлаһи* 'ей-богу', *филҗәмлә* 'в итоге', *әлкыйсса* 'например', *әүвәләһ* 'во-первых', *санияһ* 'во-вторых', *шөкөр* 'благо', *зинһар* 'пожалуйста', *әл-бәттә* 'конечно', *гаҗҗәп* 'удивительно', *гадәтенчә* 'по привычке', *бәли* 'да, правильно', *бәс* 'таким образом' и т. д. к началу XX века стали употребляться либо пассивно, либо исчезли совсем. Уже в языке К. Насыри встречаются вводные слова: *дәрес* 'верно', *чынлап та* 'в самом деле', *бил-геле* 'известно', *һичшиксез* 'несомненно' и т. д., переходящие в начале XX века в разряд широко употребительных. Возникают новые: *шиксез* 'несомненно', *сезнеңчә* 'по-вашему', *шөбһәсез* 'несомненно', *нигәдер* 'зачем-то', *ничектер* 'как-то' и др. Если в языке К. Насыри, например, употреблялось более сорока вводных слов, то в языке Г. Тукая их уже более шестидесяти. Образуются вводные сочетания типа *ни өчендер* 'почему-то', *бахеткә каршы* 'к счастью', *үкенечкә каршы* 'к несчастью', *турысын әйткәндә* 'по правде говоря', *озын сүзнең кыскасы* 'короче говоря', *кем әйтмешли* 'как говорят' и др. В речи персонажей художественной литературы начинают употребляться фонетически измененные русские вводные слова: «конечно», «значит», «во-первых», «пожалуйста», «понимаешь», «в конце концов». Следует отметить, что многие вводные слова и сочетания возникли как семантические и словообразовательные кальки.

В советскую эпоху синтаксис татарского литературного языка под влиянием синтаксиса живой разговорной речи значительно изменился. Это в первую очередь относится к стилю художественной литературы и публицистики. Возникший в конце XIX—начале XX века [1, с. 20], этот процесс неуклонно продолжается и в настоящее время. В литературном языке появляются новые типы инфинитивных, номинативных конструкций, десятки моделей утвердительных и отрицательных предложений, односоставные предложения, так называемые парцелированные и сегментированные конструкции, своеобразные средства экспрессии, десятки типов редуцированных форм имени и глагола и т. д. [42].

Большие изменения произошли в синтаксисе сложного предложения и текста, что является предметом особого разговора.

Таким образом, происходит интенсивная демократизация литературного языка, что характерно для эпохи формирования социалистических наций [18, с. 193; 19, с. 33—39; 21, с. 55]. Увеличивается удельный вес народно-разговорных элементов в структуре литературного языка, что происходит поэтапно: первый этап — копирование подобных элементов в речи персонажей произведений; второй этап — употребление разговорных конструкций в авторской речи, использование их в качестве эмоционального средства; третий этап — стилистический сдвиг, который выражается в нейтрализации экспрессивного оттенка и распространении разговорных конструкций в других стилях [3, с. 85—88].

В описанных выше новых тенденциях и явлениях в синтаксисе татарского языка, в изменениях в нем большую роль играет русский язык.

Влияние русского синтаксиса на различные стили, стилевые и жанровые разновидности современного татарского языка проявляется по-разному. Публицистический, научный и официальный стили подвержены этому влиянию в большей степени, что обусловливается расширением масштабов и возможностей переводческой практики, необходимостью калькирования, наличием потенциальных возможностей в самом татарском языке.

Разговорная речь также испытывает определенное влияние русской речи, вследствие чего появляются новые для татарского языка структурные модели словосочетаний и предложений. Многие синтаксические явления, новые для татарского языка, являются таковыми и в русском. Сюда относятся типологически общие явления сегментации, парцелляции, уменьшение объема предложения, активизация отыменных предлогов — в русском и послеложных слов — в татарском языке, усиление аналитизма, широкое распространение в художественной литературе повествования в форме несобственно прямой речи, различных типов повторов и фразеосхем и т. д.

Соотношение и сила факторов, вызывающих изменения в синтаксическом строе татарского языка, различны. Так, например, на язык художественной литературы в советское время мощное влияние оказывает живая разговорная речь. Однако на развитие научного стиля влияют литературные нормы не только татарской, но и русской речи, что особенно характерно для переводной литературы. Жанры публицистики по-разному испытывают влияние этих двух факторов. Подобные изменения в области синтаксиса происходят не только в татарском, но и в других тюркских и не только тюркских языках [17, с. 291—292]. Вероятно, на основе указанных процессов «будут складываться и расширяться некоторые общие типологические черты синтаксических систем всех литературных языков» [там же, с. 293]. Изменения в синтаксическом строе татарского языка не означают, однако, что нарушены его основные синтаксические особенности. Эти типологические изменения происходят чрезвычайно медленно и не являются «коренными сдвигами в языке или трансформацией всех основных синтаксических конструкций предложений и словосочетаний, они являются всего лишь активизацией тех или иных синтаксических, до этого времени непродуктивных или малопродуктивных, моделей под влиянием внешних или внутренних импульсов...» [17, с. 46; 7, с. 276—277].

В заключение сформулируем некоторые выводы. Несмотря на большую устойчивость, синтаксис татарского языка претерпел в последние десятилетия определенные изменения. В области словосочетаний это — более четкая структурная организация словосочетаний, строгая семантическая дифференциация падежных форм, возникновение и активизация новых средств связи — послеложных слов, утрата отдельных аффиксов и послелогов, активизация сложных форм изафета, калькирование словосочетаний из русского языка, упрощение словосочетаний и замена их отдельными словами и т. д. Изменения в области простого предложения сводятся: к постепенному исчезновению аффиксов сказуемости; появлению новых типов предложений (инфинитивных, номинативных и т. д.); к появлению и активизации предложений со сказуемым в форме имен в косвенных падежах, восклицательных предложений с эллипсисом и т. д.; к изменению старых моделей предложения в плане его усложнения (вставочные конструкции, вводные слова и сочетания, риторические обращения, обособленные обороты и т. д.); к формированию целой системы односоставных глагольных и именных предложений, к изменению по-

рядка слов и увеличению его стилистических функций; к появлению и активизации средств экспрессивного синтаксиса (различные сегментированные и парцеллированные конструкции и т. д.); к уменьшению общего размера предложения; к широкому проникновению в литературный язык, прежде всего в стиль публицистики и художественной литературы, многочисленных разговорных конструкций и т. д.

Такое совершенствование и развитие татарского синтаксиса происходило под непосредственным влиянием общенародной разговорной речи, с одной стороны, и синтаксиса русского языка, способствующего раскрытию потенциальных возможностей и обогащению татарского языка, с другой. Как отмечает И. К. Белодед, каждый национальный язык, пользуясь в процессе взаимных контактов достоянием и помощью других языков, вместе с тем развивает свои потенциальные возможности, свою силу и своеобразие именно как национальный язык, что составляет сущность его развития [8, с. 6—7]. Часть синтаксических конструкций, активизировавшихся в наше время, имеет аналоги и в других языках [34, с. 238—239; 20, с. 7, 46—48, 165—167, 199—201; 16, с. 43].

В синтаксисе современного татарского языка наметились типологически общие черты для языков народов СССР, что объясняется влиянием русского языка как языка межнационального общения, взаимосвязями национальных литератур, единством социально-экономического и культурного развития советского общества.

На примере исследования синтаксиса простого предложения можно проследить развитие и совершенствование синтаксической структуры татарского литературного языка в советскую эпоху, что выразилось в его дальнейшей демократизации, облегченности конструкций, появлении типологически общих с русским языком конструкций, а также новых синтаксических моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. А. Абдуллин. Камал драмаларының теле. Казан, 1968.
2. И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунзянов, Ф. А. Ганиев. Русский язык — один из источников обогащения и развития татарского литературного языка. — Сб.: «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР», М., 1969, стр. 84—104.
3. Г. Н. Акимова. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1982.
4. Г. Ахунов. Татар совет прозасының офыклары. — Журн. «Казан утлары», 1974, № 10.
5. Х. Х. Байрамукова. Методика изучения синтаксиса простого предложения карачево-балкарского языка. Черкесск, 1963.
6. Н. А. Баскаков. О некоторых типологических изменениях в синтаксисе современных тюркских языков. — «Тюркологический сборник», М.—Л., 1966.
7. Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. М., 1975.
8. И. К. Белодед. Развитие языков социалистических наций СССР. Киев, 1969.
9. В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1973.
10. Х. Вәли. Татар әдәби теленде жәмлә тезелеше. — Журн. «Могариф», 1927, № 3.
11. Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
12. Ф. А. Ганиев. Аналитическая морфология тюркских языков: проблемы и задачи. — «Советская тюркология», 1979, № 1.
13. К. Г. Горбачевич. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
14. Н. Х. Демесинова. Развитие структуры простого предложения в казахском языке. — Сб.: «Прогрессивное влияние русского языка на казахский», Алма-Ата, 1965.
15. Н. Х. Демесинова. Развитие синтаксиса современного казахского языка. Алма-Ата. 1974.

16. Н. Х. Демесинова. Развитие синтаксической системы казахского языка в советскую эпоху. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1981.
17. Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968.
18. В. К. Журавлев. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
19. М. З. Закиев. Общенародный язык и его отношение к литературному языку. — Сб.: «Вопросы башкирского языкознания». Уфа, 1972.
20. «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков», М., 1969.
21. М. Экиев. Туган тел үсеше, Казан, 1967.
22. С. М. Ибрагимов. Вопросы взаимообогащения и развития стилистических норм татарского литературного языка. — Сб.: «Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР (по материалам автономных республик Поволжья и Приуралья)», Казань, 1982.
23. С. М. Ибрагимов. Татар телендә аналитик төзелмәләр. Казан, 1964.
24. С. М. Ибрагимов. Бәйләк сүзләр ярдәмендә ясалган төзелмәләр һәм аларның синонимнары. — Сб.: «Татар тел белеме мәсьәләләре», IV китап, Казан, 1972.
25. С. М. Ибрагимов. Татар телендә синтаксик синонимнар. Казан, 1976.
26. С. М. Ибрагимов, Ф. С. Сафиуллина. Фигыль сүзтәзмәләренәң үсешенә карата. — Сб.: «Актуальные вопросы грамматики и стилистики татарского языка». Казань, 1981.
27. Н. Б. Карашиева. Грамматические особенности языка казахской публицистики начала XX века (по материалам журнала «Айкан»). Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1959.
28. Р. А. Каримова. Вводные слова и сочетания слов в русском литературном языке XVIII—начала XIX века. Автореф. канд. дисс., Казань, 1956.
29. А. Х. Маннапова. Народно-разговорные элементы в языке деловых документов XVIII века. — Сб.: «Исследование языка древнеписьменных памятников», Казань, 1980.
30. М. Г. Мөхәммәдиев. Бәйләкләр һәм бәйләк сүзләр турында. — Сб.: «Вопросы лексикологии, лексикографии татарского языка», Казань, 1976.
31. Н. Оралбаева. Аналитизм в грамматическом строе тюркских языков. — В кн.: III Всесоюзная тюркологическая конференция. Языкознание (Тезисы докладов и сообщений). Ташкент, 1980.
32. П. Н. Перевошиков. Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск, 1963.
33. «Русская грамматика» в 2-х томах. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.
34. «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка», М., 1968.
35. Ш. Сайкин. Синтаксик төзелмәләренәң аерымлануы, аның кыен очраклары. Казан, 1980.
36. Х. Саръян. Уенны уйдырып сал. Казан. 1978.
37. Ф. С. Сафиуллина. О некоторых сдвигах в порядке слов в предложении татарского языка. — Сб.: «Татар тел белеме мәсьәләләре», Казань. 3 книга. 1969.
38. Ф. С. Сафиуллина. Татар телендә сүз тәртибе. Казан, 1974.
39. Ф. С. Сафиуллина. Явление парцелляции в современном татарском литературном языке. — «Советская тюркология», 1974, № 4.
40. Ф. С. Сафиуллина. Развитие синтаксиса татарского языка в советский период. — «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР». Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976.
41. Ф. С. Сафиуллина. О сегментации в татарском литературном языке (именительный темы). — «Советская тюркология», 1977, № 1.
42. Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978.
43. Ф. С. Сафиуллина. Татар прозасында хикәяләр. — Журн. «Казан утлары», 1980, № 5.
44. Ф. С. Сафиуллина. Влияние русского языка на синтаксический строй татарского языка. — Сб.: «Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР (по материалам автономных республик Поволжья и Приуралья)», Казань. 1982; Ф. С. Сафиуллина. Семантика номинативных конструкций. — Сб.: «Татарский язык: лексическая и грамматическая семантика», Казань, 1984, стр. 82—89.
45. Б. А. Серебренников. О взаимодействии языков. — «Вопросы языкознания». 1955, № 1.
46. Б. А. Серебренников. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

-
47. *Р. Г. Сибагатов*. Эллипсис в системе средств выражения предикативного отношения. — «Советская тюркология», 1983, № 6.
48. *В. Н. Хангилдин*. Татар теле культурасының кайбер мәсьәләләре. Казан, 1976.
49. *Н. Ю. Шведова*. Активные процессы в современном русском синтаксисе (слово-сочетание). М., 1966.
50. *Р. А. Юсупов*. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань, 1980.
51. *Р. А. Юсупов*. Укучыларда сөйләм культурасын тәрбияләү. Казан, 1983.
52. *В. Н. Ярцева*. Контрастивная грамматика. М., 1981.
53. *К. Әхмәр*. Башкорт телендә һөйләмдәргә һүзәрзең килеү тәртибе.—Сб.: «Башкорт теле укытусыларына ярзамға», Өфе, 1960.
-

Е. М. МОТУЗЕНКО, Г. А. ГАЙДАРЖИ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КАЛЬКИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ

Одна из наиболее сложных проблем этимологии — обнаружение семантических калек, то есть тех переносных значений многозначных слов, которые возникли в результате иноязычного влияния.

Лингвистическим условием калькирования является совпадение таких значений неродственных слов, которые в эволюционном отношении предшествуют калькируемому. Поэтому калькируемые значения не являются чем-то чуждым семантике заимствующей их материальной оболочки: к их восприятию она уже подготовлена своим предшествующим развитием. Влияние калькируемого слова, более богатого значениями, в данном случае играет роль своеобразного стимулятора: оно в буквальном смысле «подталкивает» семантически бедное слово к приобретению тех значений, которых у него еще нет, но которые потенциально возможны.

Именно с этим и связана основная трудность выявления семантических калек: поскольку заимствуются лишь потенциально возможные значения, то подчас очень сложно определить, какое из переносных значений возникло в результате чужеродного влияния, а какое — в результате независимой семантической эволюции. Особенно велика вероятность субъективных решений при анализе значений, возникновение которых непосредственно не связано с успехами в области технического и социального прогресса.

Так, среди пособий и монографий по русской лексике трудно найти работу, авторы которой, говоря о семантических калках, не привели бы в качестве иллюстрации глагол «трогать», утверждая, что его переносное значение «волновать, вызывать сочувствие» заимствовано у франц. *toucher*. Однако с таким же успехом можно было бы утверждать, что оно является калкой нем. *gühen* 'дотрагиваться, касаться' и 'растрогать, разжалобить; умилять' [1, т. 2, с. 275]; тур. *dokunmak* 'касаться, дотрагиваться' и 'задевать за живое, волновать, возбуждать; действовать на нервы; обижать, оскорблять' [2, с. 240]; якут. *тыыт* 'трогать, дотрагиваться' и 'задевать, трогать, волновать' [3] или др.-греч. *ιτθεω* 'прикасаться, трогать, сдвигать с места' и 'волновать, раздражать; тревожить, бередить' [4]. Уже этих примеров достаточно, чтобы убедиться: значение «волновать, вызывать сочувствие» вообще закономерно для слов с исходной семантикой «прикоснуться, тронуть, сдвинуть с места». На это указывают и русские слова «касаться» и «задеть», «задевать», которые тяготеют к тем же значениям. Ср.: «Меня это не касается», «Его это задело за живое». Наконец, среди производных от русск. «трогать»

встречаются просторечные «тронуться» (сойти с ума) и «тронутый» (психически больной), семантика которых в эволюционном отношении является продолжением значения «волновать», но отсутствует у франц. *toucher* и его производных. Поэтому соглашаться с тем, что русск. «трогать» приобрело указанное значение под влиянием французского глагола, нет никаких оснований.

Иначе обстоит дело с наименованиями предметов материальной культуры. Для того, чтобы установить, в каком из языков эти наименования возникли самостоятельно, а в каком являются их семантическими кальками, необходимо — хотя бы в общих чертах — изучить историю появления и распространения называемых предметов.

Так, например, не менее часто, чем глагол «трогать», в работах по русистике приводится слово «перо», которое используется для иллюстрации переноса значения по функции: «перо» (металлическое) от «перо» (гусиное). Однако применительно к русскому слову истина состоит в том, что в более позднем значении оно является семантической калькой. Обратившись к истории письменных принадлежностей, мы узнаем, что во Франции «в 1826 году Мазон придумал машинку для штамповки стальных перьев» [5]. Естественно, что новое приспособление для письма первоначально получило наименование во французском языке. Именно здесь мы и встречаемся с переносом по функции, осуществленным независимо от какого-либо влияния. Ср. франц.: *plume* 'перо; оперение' и «перо (писчее)», *porte-plume* 'ручка (для пера)' [6]. Под влиянием французского та же семантическая эволюция произошла в языках соседних стран — испанском, итальянском и немецком. Ср. исп. *pluma* 'перо (птицы)' и 'перо (писчее)' [7]; итал. *réppa* 'перо (птичье)' и 'стальное перо' [8]; нем. *Féder* 'перо (птицы)' и 'перо (писчее)' [1, т. I, с. 461]. Результатом того же влияния — прямого или опосредованного — является и русск. «перо» (металлическое приспособление для письма). При этом калькирование данного значения произошло не сразу после изобретения стального пера. Косвенным подтверждением этому служит язык произведений А. С. Пушкина, для которого перо было орудием труда, а его наименование — одним из наиболее часто употребляемых слов. В «Словаре языка Пушкина» для слова «перо» приводится лишь значение «очищенное гусиное перо с заострённым и расщеплённым концом, употреблявшееся для писания чернилами» [9]. Но уже у В. И. Даля мы обнаруживаем: *писчее перо* 'обычно гусиное, с очинкой, а иногда деланое, стальное, золотое, с наваркой кончиков иридием...' [10].

Калькирование французского наименования и возникшее в результате этого сходство семантической эволюции рассмотренных слов в европейских языках стало возможным благодаря общности культурных традиций: самым распространенным в Европе средством для письма в течение нескольких веков было гусиное перо. Однако в лексике некоторых тюркоязычных народов, связанных культурными традициями с Арабским Востоком, происхождение названия стального пера ничего общего с названием птичьего пера не имеет. Так, у тур. *tüy* еще наблюдается эволюция «перо (птичье)» → «гусиное перо для письма» [2, с. 876]. Но поскольку самым распространенным приспособлением для письма здесь было тростниковое перо — «калем», заимствованное у арабов и восходящее к древнегреческому «калему», то новое значение закрепилось за названием тростникового пера. Ср. тур. *kalem* 'тростниковое перо; перо; ручка (с пером)' [2, с. 500].

Рассмотренный пример представляет собой сравнительно простой случай, поскольку стальное перо появилось в XIX веке и историю его распространения можно проследить по письменным источникам. Однако

и в тех случаях, когда калькирование произошло относительно давно и точными сведениями о распространении конкретных предметов мы не располагаем, надежное решение проблемы вполне возможно. Для этого, помимо семантических закономерностей, необходимо учитывать возможность билингвизма между двумя народами, ареал интересующих нас слов с переносными значениями и направление культурного влияния в той сфере человеческой деятельности, к которой принадлежат названные этими словами реалии.

Для подтверждения сказанного рассмотрим одно из самых своеобразных, с точки зрения происхождения, слов — рыболовецкий термин *анă*, зафиксированный в лексике молдавских и румынских рыбаков. Ср. молд. *анă* 'шнур, который вместе с крючьями, подвешенными к нему, образует устройство для лова рыбы; перемёт' [11]; рум. *apă* 'шнур, которым поддерживаются крючья перемёта; бечева с поплавками, к которой прикреплен верхний край сети и других орудий лова' [12]. Ни молдавские, ни румынские этимологи не предпринимали каких-либо попыток объяснить происхождение данного слова. И это понятно: с одной стороны, оно представляет собой несомненное заимствование, так как обладает не характерным для восточнороманских слов фонетическим обликом, с другой — это слово не зафиксировано в словарях каких-либо иных языков, кроме указанных. Но, исходя из ареала термина (молдавский и румынский языки), можно установить географический источник его распространения. Этим источником является, скорее всего, район с наиболее развитым в Западном Причерноморье рыболовством — дельта Дуная. Здесь в течение многих столетий рыбаки различных народов занимались промыслом белуги при помощи крючных орудий лова — перемётов. Из терминологии этих народов — сначала греков, турок, а затем и русских — в молдавский и румынский языки и проникло наибольшее число рыболовецких терминов.

Опора на материальную оболочку рассматриваемого термина (а эта опора вполне надежна, так как во всех источниках этот термин представлен одним фонетическим вариантом), приводит к тур. *apa* 'мать' [2, с. 54]. Сопоставление с русским наименованием той же реалии позволяет установить внутреннюю форму этого — предположительно турецкого — термина. Русск. «хребтина» (шнур перемёта) мотивировано переносным значением слова «хребет» — «основа». Тур. *apa* также обладает переносными значениями «основной, главный» [2, с. 54], а в наименованиях изделий человеческих рук содержит признак «главная часть вещи» [13]. Вместе с тем отсутствие искомого терминологического значения в словарях всех тюркских языков, включая турецкий, вызывает сомнение в самостоятельности его возникновения на тюркской почве и наводит на мысль, что это семантическая калька. Источником заимствования и калькирования рыболовецких терминов в турецкий язык в течение многих столетий могла быть прежде всего греческая терминология. Обращение к греческому названию матери обнаруживает, что оно включает и искомое значение, и некоторые другие, в которых признак «основной, главный» представлен в связанном виде. Ср. греч. *ματα*, *ματτα* 'мать', 'шнур перемёта', 'капитан команды в детских играх, матка', 'каркас бумажного змея' [14].

Данный греческий термин был широко распространен в Причерноморье. В частности, в лексике русских рыбаков Крыма отмечаются заимствования *мана* 'веревка с крючьями, удерживаемая под водой грузилами' и *манна* 'английский шнур для хребтины' [15]. Что касается калькирования этого термина турецким *apa*, то оно произошло, по-видимому, лишь в зоне дунайской дельты. Возникнув в речи турок, проживавших

здесь постоянно или приезжавших на сезонный лов из Анатолии, калькированный термин не мог получить широкого распространения в основной массе говоров на территории Турции по той простой причине, что там не было развитого крючного лова из-за отсутствия крупных осетровых рыб. Поэтому данный термин не зафиксирован даже в достаточно полных словарях турецкого языка. В то же время турецкая калька греческого термина получила широкое распространение в молдавской и румынской рыболовецкой лексике, так как основным орудием лова осетровых в дельте Дуная были (до их запрета в конце 40-ых годов XX в.) перемёты.

Последний пример показывает, что семантические кальки в древней народной терминологии можно выявить даже в весьма сложных случаях. Для успешного решения данной проблемы необходимо учитывать факторы, способствующие калькированию: лингвистические условия (сходство семантической эволюции неродственных слов), социально-лингвистические условия (билингвизм) и направление культурного влияния между контактирующими народами. Учет этих факторов является основой методики изучения калек. Важнейший признак семантических калек, возникших в результате устных контактов между не близкородственными по языку народами, — их ареал: наименования-кальки, как правило, не получают значительного распространения в заимствующем языке. В то же время в языке — источнике заимствования, ареал наименований этих реалий, имеющих аналогичную мотивированность, значительно шире.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Большой немецко-русский словарь», в 2-х томах, М., 1980.
2. «Турецко-русский словарь». Под ред. Э. М.-Э. Мустафаева и Л. Н. Старостова. М., 1977.
3. «Якутско-русский словарь». Под ред. П. А. Слепцова. М., 1972, стр. 423.
4. И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь. Т. I. М., 1958, стр. 946—947.
5. М. Ильин. Избранные произведения в 3-х томах. Т. I. М., 1962, стр. 304.
6. К. А. Ганшина. Французско-русский словарь. М., 1957, стр. 612—621.
7. «Испанско-русский словарь». Под ред. Ф. В. Кельина. М., 1962, стр. 685.
8. Н. А. Скворцова, Б. Н. Майзель. Итальянско-русский словарь. М., 1963, стр. 588.
9. «Словарь языка Пушкина». Т. 3. М., 1959, стр. 325.
10. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1956, стр. 101.
11. «Дикционарул експликатив ал лимбий молдовенешть». Вол. I. Кишинэу, 1977, стр. 71.
12. «Dictionarul explicativ al limbii române», București, 1975, стр. 27.
13. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, стр. 280.
14. И. П. Хориков, М. Г. Малев. Новогреческо-русский словарь. М., 1980, стр. 495.
15. А. Загорянский. Краткий рыбацкий словарь. — В кн.: Н. Ф. Рождественский. Справочная книжка рыбака. М.—Л., 1930, стр. 359.

В. С. ПОЗНАНСКИЙ

МАТЕРИАЛЫ ПО ТЮРКОЛОГИИ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ «СИБИРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Важнейшим событием в истории научной жизни Сибири довоенного периода явился выпуск трех томов пятитомной «Сибирской Советской Энциклопедии» (ССЭ) — одного из самых значительных изданий научно-краеведческого характера конца 20-х — первой половины 30-х годов. В 1929 году вышел 1-й том (А—Ж), в 1931 году — 2-й (З—К), в 1932 году — 3-й (Л—Н). Уникальная книга-макет 4-го тома (О—С), тридцать экземпляров которого были в 1936 году розданы членам редколлегии, не была издана, но имеется в научных библиотеках Москвы, Новосибирска, Томска. Материалы изданных и неизданных томов (словники, авторские рукописи, рецензии, правленные корректуры и обширная переписка редакции) поступили на хранение в Государственный архив Новосибирской области (ф. 998).

О серьезном внимании издателей энциклопедии к тюркологии свидетельствует следующее высказывание ответственного сотрудника редакции профессора К. Н. Миротворцева в проблемной статье «Население (демографическая характеристика переписи 1926 г.)»: «Турецкая (то есть тюркская.—В. П.) ветвь является самой многочисленной в Сибири, влияние языка и физического типа турков (то есть тюрков.—В. П.) явно видно и на других народностях» (т. III, стб. 684).

На наш взгляд, информация о малоизвестных и тем более неопубликованных материалах, принадлежащих перу многих видных ученых-тюркологов прошлого, должна представить несомненный интерес для современного поколения ученых. Ведь тематический подраздел «Народности» в ССЭ вели член-корреспондент АН СССР Э. К. Пекарский и профессор Иркутского госуниверситета Н. Д. Бушмакин, Г. С. Виноградов и Н. Н. Козьмин. Среди авторов наряду с местными учеными были главным образом представители ленинградской школы тюркологии — академики А. Н. Самойлович и Б. Я. Владимирцов, их ученики: В. Г. Богораз-Тан, Д. М. Позднеев, Н. П. Дыренкова, В. А. Казакевич и др.

По мнению А. Г. Малявкина, В. М. Наделяева и Е. И. Убрятовой, не утратила определенной ценности статья-справка С. Е. Малова, написанная в 1934 г.: «**Уйгуры** — турецкое племя. Первоначальная их история хорошо неизвестна. Возможно, что это имя династии, которая объединила под своей властью ряд турецких племен в северной части турецко-огузского государства, где-либо на р. Селенге. Расцвет уйгурского государства относится к VIII—IX вв. В 745 г. уйгуры положили конец огузскому государству в Восточной Монголии. Через 100 лет (в 840 г.) киргизы взяли столицу уйгуров на р. Орхоне, и уйгуры частью подчини-

лись киргизам, а частью ушли в двух направлениях, где и основали свои княжества: в Турфанском оазисе (в Восточном Туркестане) и в области Ганьчжоу в провинции Ганьсу в Центральном Китае. Уйгуры были весьма культурным государством с развитой городской жизнью, они исповедовали манихейство, буддизм и христианство; до нас дошла большая уйгурская литература исповедников всех этих религий. Уйгурский алфавит теперь употребляется (с некоторыми видоизменениями) у монгольских племен, употребляется и у манчжуров. Уйгуры Турфана впоследствии подчинились монголам. Желтые уйгуры Центрального Китая около г. Суджоу и Ганьджоу являются прямыми потомками древних уйгуров. После революции 1917 г. термин „уйгуры” взяли таранчи (и кашгарлыки) Семиречья и Ферганы в качестве племенного названия; имеется он и в родовых делениях турецких (то есть тюркских. — В. П.) племен, — например, урянхайцев (то есть тувинцев. — В. П.), киргиз, узбеков» (ГАНУ, ф. 998, оп. 1, д. 42-б, л. 81).

По своему характеру материалы 4-го тома не отличаются от помещенных в вышедших томах: это — крупные статьи обзорного характера с библиографией к ним, статьи-справки. Проблемы тюркологии рассматриваются в следующих статьях: «Обычное право народностей Сибири» (стб. 33—35), «Одежда сибирского туземного населения» (стб. 64—69), «Песни сибирских народностей» (стб. 307—309), «Письменность сибирских народностей» (стб. 333—335), «Сказки народностей Сибири» (стб. 906—908).

Авторы энциклопедии привлекали обширный материал. Так, Н. Н. Козьмин использовал при подготовке работы «Письменность...» труды В. Томсена «Дешифровка орхонских и енисейских надписей» (СПб., 1894), Б. Барадина «Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры» (Баку, 1929) и свои прежние публикации. В статье-обзоре «Сказки...» Н. П. Андреев использовал работы Г. Н. Потанина, И. А. Худякова, В. А. Приклонского, Э. К. Пекарского и многих других авторов.

Из статей-справок выделяются особой обстоятельностью в изложении фактографии статьи И. Малкова «Ойроты», А. Сухова «Орхонские надписи» и «Сибирское царство», а также неизвестного автора «Сагаи». Даже самые краткие справки могут, на наш взгляд, оказаться полезными для более точного представления о предметах, исторических событиях, названиях («Олонхо», «Сабан-Туй», «Саха-Кескиле», «Северная Азия, журнал», «Сеок—сёок—сёёк» и т. д.). В качестве примера приведем одну из таких справок: «Пальма — массивный железный нож, вставленный в деревянную длинную (1—2½ м) рукоятку-черен. Употребляется для охоты на медведя, который, поднявшись на задние лапы, нападает на пальму, поставленную охотником наклонно. Пальма распространена у якутов, гиляков (нивхов. — В. П.) Нож бывает украшен медной инкрустацией с насечками. Употребление пальмы раньше было шире, в настоящее время пальма используется большей частью в домашнем обиходе (якуты)».

Небезынтересны даже отдельные определения, типа «Сойоты — самоедско-турецкая смешанная группа», «салда — название сохи у кумандинцев» и т. д.

Как и в других томах, в указанном томе даются биографические справки об ученых, в том числе и о тюркологах. Персоналии в IV томе ССЭ в связи с рассматриваемыми вопросами посвящены: Э. К. Пекарскому, А. М. Поздневу, Д. М. Поздневу, И. В. Попову, Н. И. Попову,

Г. Н. Потанину, Л. П. Потапову, В. В. Радлову, П. А. Ровинскому, А. Н. Самойловичу.

Поиску и выявлению в архивном фонде материалов по тюркологии могут помочь четкие представления о работе редакции над этой тематикой. В рамках отдела «Население» сотрудники занимались «народностями» (антропология, этнография и лингвистика). Плановое начало разделу положило инициативное письмо Г. С. Виноградова в редакцию ССЭ в Новосибирске от 7 июля 1927 г. Им были посланы из Иркутска также карточки, составленные совместно с М. К. Азадовским. По сути это была целая картотека (415 карточек) по двум научным направлениям: «Население Сибири — этнографическая характеристика» и «Население Сибири — лингвистическая характеристика» (д. 66, л. 2). При помощи картотеки был подготовлен словник, а сами карточки переданы ученым Ленинграда и Москвы, взявшимся за написание соответствующих статей. Авторы к установленному сроку представляли тексты на рецензию. Для окончательного редактирования рукописи передавались редакторам отдела или возвращались на доработку. Рецензентами и редакторами почти постоянно были Г. С. Виноградов, Н. Н. Козьмин, А. Р. Шнейдер.

Иногда в силу обстоятельств темы, начатые одними авторами, продолжали или завершали другие. Так, по материалам Э. К. Пекарского и А. Н. Самойловича несколько статей написала москвичка В. Н. Харузина (из неопубликованного «Театр народный у туземного населения», «Ураса — тип жилья якутов»).

По подотделу «Народности Сибири» был составлен список всех принятых к печати статей. Этот документ (д. 65, л. 135—140) одновременно позволяет определять авторство каждой из одобренных 259 статей. Так, перу С. Е. Малова принадлежат: «Кара-киргизы», «Киргизы», «Койбалы», «Кызыльцы», «Кэчик», «Кюэрик», «Уйгуры».

Вокруг отдельных вопросов разгорались научные споры. Неудовлетворенный карточкой М. К. Азадовского о тофах, А. Г. Данилин начал полемику «По поводу термина „Туфалар“, „Туфалария“». В результате была принята следующая формулировка: «Тофа (тофалары, тафалары, тува, карагасы) — небольшая народность, живущая в Тофаларском районе Восточно-Сибирского края. Численность 439 человек (1934 г.). Говорят на саянском диалекте тувинского (урянхайского) языка (турецкая группа); занимаются охотой, оленеводством» (д. 47, л. 21).

К числу статей, отклоненных редакцией по разным причинам, относятся: Н. Н. Козьмин «Ястынцы», Н. П. Попов «Пища сибирского населения» (ее текст — д. 54, л. 95—106), «Словари языков народов Сибири» (там же, л. 182—184) и др.

Главными статьями по теме были намечены «Турки» и «Турецкие языки» в сводной статье «Языки народностей Сибири». В них А. Н. Самойлович (в соавторстве с А. Суховым) высказал следующее мнение: «По-немецки и по-французски турки называются тюрками. Отсюда в русской литературе нередкое неправильное противопоставление „тюркок“, как группы, одному народу той же группы — анатолийско-фракийским туркам, которые, кстати, сами себя именуют тюрками („тюрклер“). Также ненаучно название „тюрко-татары“ или „турко-татары“. Антропология тюрков (тюрюков) обнаруживает значительную пестроту в пределах от типа монгольского к индоевропейскому: это объясняется крайним разнообразием исходных этнических элементов» (д. 47, л. 39).

Авторами в подтверждение своих высказываний приводился соот-

ветствующий фактический материал: «Турецкие (то есть тюркские. — В. П.) языки представлены почти по всей территории Сибири. Северо-восточная группа турецких наречий обнимает следующие языки и наречия: шорское (б. Кузнецкий округ в бассейне рек Кондомы, Мрассу и Томи), лебединское (по рекам Лебеди и Кондоме), кызыльское (в западной части Хакасии, в степи между реками Белым и Черным Июсом, в горной местности по рекам Печище, Салбагу и т. д.), сагайское (в южной части бывшего Кузнецкого уезда и в Хакасии), качинское (в центральной части Хакасии), бельтирское (по р. Абакану и его притокам Аскызу, Еси, Тее, Арбату, Моноку и т. д.), койбальское (в Койбальской степи на правом берегу р. Абакана), наречие отуреченных камасинцев (в б. Канском округе), сойотское (в Усинском крае), карагасское (в северных отрогах Восточного Саяна, в б. Иркутской губернии), якутский язык. Северо-западная группа турецких наречий представлена в Сибири следующими наречиями: кумандинцев (по реке Бии), алтайцев (Ойротская автономная область), теленгитов (на Юге и Юго-Востоке от Телецкого озера, в бассейне р. Чулымшана, в Чуйской степи, на правом берегу р. Катунь), тобольских татар (в лесостепной части б. Тобольского округа Уральской обл. по среднему Иртышу и нижнему Тоболу), бухарлыков (в б. Тобольской губ.), барабинцев (в б. Барабинском и частью Томском округах), казахов (в б. Омском, Тарском, Барабинском, Бийском, Каменском и Рубцовском округах и в б. Ишимском округе Уральской обл.). Юго-восточная группа представлена следующими перечнями: чулымцев (в б. Томском и Ачинском округах), черневых татар (по рекам Бии, Сары-Кокше, Пыже, Инырче и т. д., близ Телецкого озера, в общем — в северных отрогах Алтая) и томско-кузнецких татар (к Западу от р. Томи в северных отрогах Кузнецкого Алатау, в б. Кузнецком округе). К турецким языкам очень близко стоит чувашский язык, который многие еще и теперь считают таким же турецким языком, как и прочие. Выходцы из чувашей имеются в лесостепной полосе Западной Сибири» (д. 54, л. 84—85).

Хранятся в архиве (главным образом в д.д. 42, 42-а, 42-б и 47) материалы, которые редакция определяла как «статьи, заметки и ссылочные слова» к V тому на буквы Т—Я по подразделу «Народности», имеющие прямое отношение к тюркологии: непосредственно о народностях — статьи-справки: Танну-тувинцы; Татары барабинские, тобольские, черневые; Теленгиты; Телесы; Телеуты; Точжи (точжинцы); Туба; Туралинцы; Тургеш; Узбеки; Уйгуры; Урал-Алтайцы; Урянхай (уряньхи); Усуни; Хакасы; Хунну; Чаты; Чулымцы (чулымские татары); Шорцы; Шуеты; Якуты. Здесь и большие по объему справки Л. Потапова о шорцах, И. П. Попова о якутах (в виде приложения к ней — материал Н. Д. Бушмакина «Антропология якутов») (д. 47, л. 148—149 и 167—172) и совсем краткие, типа:

«**Точжи** (точжинцы) — турецкое племя тубинской ветви, живущее в Восточном Урянхае, оленеводы. В исторических актах упоминаются как участники походов на русских („точи“)».

«**Туралинцы** — входят в состав татар тобольских. Потомки турецких племен, делившихся на три группы: Туралу, Айсалу и Курдак. Живут по Иртышу от устья р. Тары до Тобольска. Подверглись ассимиляции с бухарцами и потеряли чистый тип. Занятия — земледелие и скотоводство. Язык татарский».

«**Телеуты** — турецкая народность (около 7 тыс. человек), по-видимому, одноплеменная с ойротами. Сами себя называют „теленгет“. В большинстве оседлые земледельцы».

«Тургеш (тюргеш) — один из народов, упоминавшийся в орхонских надписях, живший, вероятно, на Алтае, где сохранился род тиргеш».

Преобладают же средние по объему для ССЭ справки Н. Н. Козьмина:

«**Туба** — некогда многочисленная народность, относившаяся китайцами и монголами к числу лесных (дубо, ойра, оренгаи, уранхит и пр.). В настоящее время племена, называемые карагасами, черневыми татарами, сойотами, койбалами. Характерное для туба, как основное занятие, звероловство сохранилось до сих пор; оленеводство осталось только у карагасов и точжинцев. У Рашид-Эддина и у Рубрука указывается на территориальную связь уранхаев с кыргызами, а в китайских известиях — дубо и хягасов. В начале XVII в. русские застали еще Тубинское княжество. Тубанцы после разгрома кыргызов ушли за Саяны в большом числе. Фишер, а за ним Кострен, Радлов и др. высказывали мнение, что туба представляет отуреченную самоедскую народность» (д. 42-а, л. 105).

«**Урянхай, урянхи** — очень старое наименование населения Урянхая, т. е. страны между Танну-ола и Саянами и совпадающей приблизительно с Танну-Тувинской республикой. Само население зовет себя туба (или тува); так же их называли китайцы в VI—VIII вв. нашей эры. Но и урянхай — старое название. О них говорит Рубрук (XIII в.) и Рашид-Эддин. Часть урянхов была Чингис-ханом отдана вместе с найманами племяннику Илчидаю, чем объясняется наличие омонголившихся урянхаев в так называемой Внутренней Монголии. „Урянха“ соответствует термину „лесной народ“, „лесные люди“, „йыш-кизи“. Монголы употребляли еще термин „ойра“, „ойрат“. Отсюда и монголы, водворившиеся среди лесных народов, получили имя „ойрот“» (д. 42-б, л. 152).

Н. Н. Козьмин доказывал, что древние хунну — это тюрки (д. 47, л. 122) и пытался разобраться в историческом происхождении современных тюрков от хунну и других древних народов. Отсюда и обилие кратких справок типа: «**Усуни** — народ, живший на Запад от хунну, и были похожи на них. Кочевники-скотоводы. Характеризуются как народ суровый и хищный. Предполагают, что это предки гыргызов (кара-киргизы)». В этой связи в ССЭ попали многие термины, связанные с китаистикой и монголистикой, например: «**Тукю** (тукюэ, тукюэсцы) — китайская транскрипция тюрков в европейской историко-этнографической литературе» (д. 42-а, л. 109). С другой стороны, готовились статьи о древнем аборигенном населении Сибири и Урала, «отуреченном» смешением с пришельцами с Востока и Юга, об этнической группе «урало-алтайцев» и т. п.

Предназначались для включения в том также исследования о происхождении слов и их значения: «**Улигер** — монгольское слово с первым значением «сравнение, пример» от глагола *üli-* 'уподобить, сравнить'. Слово *üliger* служит для обозначения притчи, сказки, также поговорки. У целого ряда монгольских племен оно значит «былина, героический эпос» (например, у халхасов). В качестве заимствования это слово встречается в разных турецких наречиях: например, теленгитском („мудрое изречение, пословица, притча“), в сагайском и койбальском („ложь“), в уйгурском („изречение“) и т. д.» (д. 42-б, л. 98).

Готовились для включения в V том многие тюркские слова, бытовавшие у отдельных народностей, среди них были: «**Тана** — алтайское

женское украшение...», «Төс — (тесь, тюсь) — у минусинских турков то же, что онгон у бурят, изображение или посвящение духу покровителю», «Эрлик — злой дух у алтайцев-шаманистов, а Яик — добрый дух», «Улегень — верховное доброе божество», «Турсук — кожаный мешок для кумыса...», «Тырий Агемчи — вождь бурханизма» и т. д.

Некоторые статьи-справки о словах — это своего рода небольшие исследования. Например, Н. Н. Козьмин писал о якутах:

«Якут (происхождение слова). Якуты называют себя „саха“, — во множественном числе „сахалар“. Так же называет себя одно из абаканских племен. Полагают, что название „якут“ есть множественное число от „яка“ (или „якка“), являвшегося лишь особым произношением слова „саха“. Наречия сибирских турков разделяются на „йокающие“, „чокающие“ и „сокающие“. Дорога по-сагайски „чжол“, качинцы произносят это слово „йол“, а якуты — „сол“. Также различно произношение гортанного „к“, „кк“ и „х“. Следовательно, „саха“ и „якка“ лишь различные произношения одного и того же слова на различных диалектах. Для множественного числа взято окончание на „Т“» (д. 47, л. 166).

Материал о тюркских народах имеется в общих статьях по истории и быту сибиряков. В статье «Танцы народностей Сибири» Е. В. Калинина описывает, в частности, круговые танцы якутов; В. Н. Харузина в статье о театре рассказывает о представлениях шаманов (обряды, сценические приемы) у якутов, алтайцев; интересна расшифровка названий в статьях А. Н. Самойловича: «Туземные певцы—ахуны (акыны), баксу, тулиги, ульгенчи», «Типы туземных поселений (айл, аул, улус, урочище, юрты, паул и др.), переходные формы от кочевого к оседлому быту (зимники, летники)». Е. Кагаров в статье «Тотемизм у народов Сибири» приводит такого рода пример: «У якутов каждый род признавал то или иное животное (лебедя, гуся, ворона, орла) священным и не употреблял его в пищу, роды называли себя по именам животных. Орел был союзным знаком всех якутских родов, т. е. племенным тотемом. Он тесно связан с верховным божеством якутов, творцом мира и людей А́ы То́жоном. Найдя мертвого орла, якуты считали долгом похоронить его, произнеся соответствующую молитвенную формулу. У алтайцев существует запрещение убивать лебедя. По преданиям карагасов, некоторые их роды ведут свое происхождение от животных (рыбы, кро́та)....».

Е. Р. Шнейдер в статье «Украшения сибирского туземного населения» сообщает о серьгах «у турецких племен Хакасского округа, Алтая, Урянхая», о женских своеобразных нагрудных, наспинных и набедренных украшениях — якутских серебряных гривнах и т. д.

И конечно же, ценны для тюркологии материалы из статей «Эпос народов Сибири» (д. 43, л. 141—142) и «Языки народностей Сибири» (д. 54, л. 82—87).

Предполагалось продолжить печатание в издании персоналий. П. П. Хороших составил статьи-справки о Вильгельме-Людвиге Томсене, Василии Филипповиче Трошанском, Сергее Васильевиче Ястремском и других ученых, занимавшихся вопросами тюркологии.

Имеются в архиве и материалы к изданным томам, не вошедшие в них по различным причинам. Так, хранятся статьи-справки о П. А. Ойунском (д. 57, л. 5. Автор Г. А. Вяткин), о Кюндэ (А. А. Иванове) (д. 52, л. 83. Автор не установлен).

Не попали на страницы ССЭ статьи-справки о некоторых народностях. Но они, очевидно, были бы полезны работающим по близким темам тюркологии. Например: «Саяны — турецкая народность, родст-

венная тубе. Одна из ветвей их — желтые саяны, победоносно сопротивлялась русским в XVII в., но в XVIII была разгромлена китайцами. Собственное имя — сойонг, множественное число сойот, откуда — сойоты. Саяны — низкорослое племя, брахицефалы, имеют большую длину туловища, длинноруки. Лицо саян овальное, скуловой диаметр значителен. Нос прямой, иногда с горбом, переносица выражена резко. Глазная щель узка, цвет глаз карий. Волосы черные, жесткие...» (д. 42-а, л. 107).

Знакомство с материалами, хранящимися в архиве редакции «Сибирской Советской Энциклопедии» (1927—1936 гг.), позволяет заключить, что часть из них при вводе в научный обиход может принести определенную пользу современной тюркологической науке.

Р Е Ц Е Н З И И

ФИРИДУН ЧЭЛИЛОВ. АЗЭРБАЙҶАН ДИЛИ МОРФОНОЛОКИЯСЫНДАН ОЧЕРКЛЭР (ВЭСАИТ)

БАҚЫ, 1985, 108 стр.

Рецензируемая книга Ф. А. Джалилова «Очерки по морфонологии азербайджанского языка», посвященная памяти члена-корреспондента Академии наук Азербайджанской ССР, профессора А. М. Демирчизаде, состоит из двух частей. В первой части устанавливаются морфонологические критерии, формулируются соответствующие правила и законы, которые вводятся в оригинальную стратификационную модель иерархических ярусов языковой структуры, с целью выяснения статуса морфонологии в системе лингвистических дисциплин. Последовательно и всесторонне рассматриваются автором также связи морфонологии как с фонетикой, орфографией и орфоэпией, так и с морфологией, лексикой и словообразованием. Вторая часть книги включает своеобразные этимологические этюды, демонстрирующие в широком историко-типологическом аспекте методы и приемы морфонологической реконструкции отдельных морфемных гнезд.

В кратком, но весьма содержательном введении автор справедливо сетует на то, что в истории языковедческой науки морфонология долгое время оставалась «на задворках» лингвистики. Тем не менее каждый новый шаг в развитии языкознания подспудно подготавливал становление морфонологии параллельно с фонологией (фонематикой, морфемикой, просодикой, «фонетическими чередованиями» и т. д.). Далее автор отмечает неопределенность, расплывчатость и противоречивость толкования самого предмета морфонологии и особенно понятия «морфонема». Согласно мнению автора, объектом изучения морфонологии является изучение фонемного состава, слоговой структуры, фонотактики морфем, а также слогаделения, акцентуации, сингармонизма, звуковых чередований, различных фонетических явлений в потоке речи и их отношении к грамматической семантике. Учитывая новизну разработок в области морфонологии, автор использует так называемый «индуктивный метод» исследования. Ввиду отсутствия в азербайджанском язы-

кознании обратного, словообразовательного и грамматического словарей, необходимых для всестороннего и полного описания морфонологии азербайджанского языка, Ф. Джалиловым предлагаются пробные образцы-фрагменты, иллюстрирующие основные принципы составления подобных словарей. В книге широко использованы материалы письменных памятников и разговорного языка, диалектов и фольклорных произведений, данные родственных и неродственных языков.

Важнейшие теоретические положения, развиваемые Ф. Джалиловым в его книге, представляют бесспорный общелингвистический интерес. Так, на восьмой странице морфонологическая мера (мерило, критерий) спирантизации трактуется как сущность морфонологических правил, связанных, например, с позиционно-комбинаторными явлениями. Системный же характер упорядоченности и целостной совокупности определенных правил позволяет постулировать морфонологический закон. Так, если существует свыше двух десятков правил выпадения звуков в словоформах азербайджанского языка, то закон гармонии гласных знает всего две разновидности: небный и губной сингармонизм. Стало быть, частным правилом противопоставляются общие законы. А чтобы выявить закономерности взаимосвязей фонем и морфем, автор по-новому подходит к иерархической стратификации лингвистических ярусов (с. 11—13). В предлагаемой им стратификационной модели языковых уровней особенно ценным, на наш взгляд, является выделение между пятью стратами-ступенями (фонема — морфема — лексема — словосочетание-предложение) иерархической структуры языка четырех промежуточных связующих лингвистических единиц: морфемы, сервеми (служебные части речи), фраземы и оборота. Глубокою эвристичностью данной языковой модели мы усматриваем в том, что семиологическая раздвоенность, «двуликость» этих связующих звеньев (при кото-

рых каждая межъярусная единица формально принадлежит к смежной верхней ступени, а функционально — к нижней), достаточно очевидная для сервем, фразем и оборотов, далеко не очевидна для морфем. Однако логическое «давление» структурной системы заставляет нас принять этот семиологический статус морфем.

В исследованиях по морфонологии вопросы структуры слога и слогоделения обычно специально не рассматривались. Между тем в тюркских языках, как указывает автор, наличие в архитектонике исконной лексики лишь шести слоговых типов (СГС, ГС, Г, СГ, СГС, ГСС) ставит вопрос о гораздо большей зависимости морфонологических явлений от слога и слогоделения, чем, скажем, в русском или английском языке, в которых представлено до 18—19 типов слогов (с. 17). Так, в азербайджанском языке слогоделение осуществляется чаще всего по слоговым типам СГ и СГС: их употребительность все больше возрастает по мере приближения к концу многосложного слова, причем после пятого слога последнего другие слоговые типы и вовсе не допускаются. Для морфонологии же особенно важными являются смещения и сдвиги, происходящие в азербайджанской фонотактике в процессе слогоделения на стыках между корневыми и аффиксальными морфемами. Существенно также предостережение автора (с. 22) о том, что самые критерии фонотактики отнюдь не остаются неизменными на протяжении многовековой истории языка, и потому нельзя подходить к современной фонотактической мерке к звуковой синтагматике предшествующих этапов развития языка. Конструируя для азербайджанского языка оптимально симметрическую консонантную систему звуковых гнезд (с. 22—24), Ф. А. Джалилов показывает неразрывную связь ее как с диахронической фонетикой, так и с морфонологией. Далее им рассматриваются всевозможные фонетические явления в качестве источников развития от фонетического процесса до морфонологического закона (с. 25—33). В разделе, посвященном вопросу связи морфонологии и морфологии (с. 33—40), на убедительных примерах показана роль морфонологической реконструкции в правильном освещении целого ряда спорных моментов морфемки (первичных типов слогов, фонемных гнезд, фузии в морфемах, редупликации, архаизации и десемантизации морфем, стяжения и аналогии и др.). В последующем разделе (с. 40—47) связь морфонологии с лексикой усматривается в широких лексикологических пределах, начиная от этимологии, семантических категорий, полей и кончая ономастической вариантностью, семиологической сущностью подражательных слов. Наконец, в последних двух разделах первой части книги анализируются вопросы связи морфонологии со словообразованием (с. 47—52) и с орфоэпией и орфо-

графией (с. 53—63). Следует отметить, что затронутые автором вопросы морфонологических критериев в орфографии азербайджанского языка по сути дела представляют собой полемически заостренные замечания относительно непоследовательности орфографических принципов, которые могут явиться предметом плодотворной дискуссии в азербайджанском языкознании (с. 54—63).

Во второй части книги, озаглавленной «Морфонологическая реконструкция и этимология», стыкуются на алтаистическом и ностратическом уровнях гнездовой способ историко-этимологического анализа и комплексный сравнительно-исторический и историко-типологический метод морфонологической реконструкции корневых морфем *дэб*, *даб*, *эл*, *ал*, *јал*(*л*), *гу* и аффиксальной морфемы *-раг*. Очерки этой части книги не только дают ясное и полное представление о возможности приемов морфонологического отождествления родственных морфем, но и стимулируют лингвистическую мысль в направлении дальнейших системно-синтезирующих обобщений и выводов. Достаточно отметить, что в одном только гнезде *гу*, расположенном на пересечении понятийных гнезд, связанных с одной стороны, с семантой «звук», а с другой — с исходными понятиями «небо» и «огонь», насчитывается до 500 слов, в которых 30 алломорфов инвариантной морфемы *гу* в результате семантического разветвления охватывают пять полей: 1) голос, крик, шум, звон, звучание, зов, призыв, весть и т. п.; 2) слово, язык, речь, говор, вопрос, ответ и т. п.; 3) губы, язык, язычок, гортань, горло, челюсть, ухо; 4) мелодия, пение, музыка, веселье, радость, смех; 5) просьба, заклинание, молитва, клятва, гадание, магия, колдовство, проклятие, брань. На страницах 93—94 помещена таблица распределения алломорфов: *гу*, *го*, *га*, *гы*, *ге*, *гә*, *гү*, *ку*, *ко*, *ка*, *кы*, *ки*, *ке*, *кө*, *кү*, *ху*, *хо*, *ха*, *хә*, *хө*, *һу*, *һи*, *һә*, *чу*, *ча*, *че*, *чы*, *чи* по одиннадцати языкам (азерб., туркм., турец., тув., караим., тунг.-маньчж., фин., венгер., русск., перс., арм.). Эта таблица позволяет заключить, что по числу алломорфов на первом месте стоят тюркские языки (в их числе — азербайджанский), на втором — тунгусо-маньчжурские, на третьем — финноугорские и на последнем месте — индоевропейские. При чем широкий ареал распространения алломорфов с начальными *г* ~ *к* ~ *ч* в полном соответствии с морфонологическим законом звукопереходных чередований подтверждает изначальность интенсивных языковых контактов в зонах данной лингвогеографической изоглоссы.

Рецензируемая книга Ф. Джалилова, несомненно, с интересом будет прочитана не только азербайджанскими языковедами, но и специалистами в области других языков.

А. К. Алекперов

А. ХАМИТОВА. ТУРКИЙ ТИЛЛАРДА СУЗ МАЪНОСИНИНГ АНАЛИТИК ЙУЛ БИЛАН КУЧАЙТИРИЛИШИ

УЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1984, 104 стр.

Аналитический способ усиления значения прилагательных и наречий является одним из распространенных способов выражения различных оттенков семантики слова в тюркских языках, используемым в них с древнейших времен по настоящее время. Разрозненные сведения об этом имеются во всех грамматиках по отдельным тюркским языкам — в разделах о превосходной степени имен прилагательных и частицах. Однако специального исследования, посвященного данному способу, характеру усилительных слов при именных частях речи в тюркских языках, до сих пор не было. Этот пробел частично восполняет рецензируемая монография А. Хамитовой «Аналитический способ усиления значения слова в тюркских языках», в которой на материале современных тюркских языков среднеазиатского ареала — узбекского, уйгурского, казахского и туркменского — исследуется усиление значения признака у имен прилагательных, наречий, частично у причастий и деепричастий, достигаемое при помощи усилительных слов, выступающих препозиционно по отношению к основному слову. Монография А. Хамитовой состоит из предисловия, введения и двух глав: «Усилительные слова, общие для тюркских языков» и «Специфические усилительные слова». К последней главе примыкает раздел «Место и функция усилительных слов в предложении» и заключение. Автор анализирует около семидесяти слов-усилителей, из которых двадцать четыре являются общими для исследуемых и ряда других тюркских языков.

Во введении говорится о месте усилительных слов в системе частей речи и их функции в грамматическом строе языка. А. Хамитова придерживается существующего мнения, согласно которому среди усилительных слов выделяется *ең* как аналитический показатель формы превосходной степени имен прилагательных, а остальные усилительные слова рассматриваются как средства образования усилительной степени данной части речи (с. 9—10). Автор не соглашается с тем, что во всех остальных усилительных словах, кроме *ең* значение сравнения (сопоставления) относительности признака отсутствует. Она считает, что в образованиях, полученных с помощью узб. *yojat, žuda, nihojat, уйғ. intajin, bākmü*; каз. *tiptān, otā*; туркм. *ōgān, iñqān...* и других, значение усиления признака достигается путем абстрагированного сравнения (с. 10). Усилительные слова, за редкими исключениями типа узб. *rosa jugurdim* 'я долго бежал', обычно стоят в препозиции перед прилагательными и наречиями, и автор склонен считать их усилительными части-

цами. Здесь следует указать на широко распространенное в грамматическом строе тюркских языков явление, заключающееся в том, что в тюркских языках противопоставление «знаменательные слова» — «служебные слова» содержит и включенное третье — «знаменательно-служебные слова»¹, к которым следует отнести и данные служебно-знаменательные усилительные средства.

Рассматривая в первой главе функционирование усилительных слов, общих для названных выше языков, автор отмечает особенности и оттенки их значения, семантические типы имен, с которыми сочетаются слова: *ең, nihojat, čeksiz, behad, көр, žiq, obdon, artiqča, artykmač, tolimu, liq, liqqida, ota, jiti, ulytza, jaman, qatty...* Для каждого конкретного усилительного слова указываются его семантико-функциональные отличия, степень распространенности в каждом языке, широта синтагматической сочетаемости с указанием в ряде случаев лексико-семантических групп слов и возможностей самостоятельного использования их в речи.

Во второй главе А. Хамитова рассматривает специфические для каждого из изучаемых языков лексические средства усиления значения и анализирует функционирование узб. *biram, naqadar, žiq/žiqqa, yirt, kattakon, көр, tamomila, butunlaj, beqijos, behad, benihoja, naq, zap; уйғ. intajin, bāk, xojmu, taza, tola, täsla, kävāt, rasa, zijadā, qaltış*; каз. *tipti, asa, orasan, äbden, keremet, äsire, qurmuzy, al, šym, maqpal, payiz, šymqaj*; туркм. *ōgān, iñqān, qaty, xas, jiti, čym, čuv, ter...*

Многие из этих слов самостоятельно функционируют и в служебно-усилительной функции употребляются очень ограниченно. Например, *qurmuzy* в казахском языке в этой функции сочетается только со словом *quzyl* 'красный' (с. 81) и *al* то же с этим словом и т. д. Материалы данной главы подтверждают наличие тенденции к десемантизации отдельных слов и приобретение ими служебной функции.

Монография А. Хамитовой показывает, что система аналитического способа выражения отдельных типов значения в тюркских языках является и древней, и продолжающей развиваться, о чем свидетельствует

¹ Х. Г. Нугматов. Соотношение частей речи в восточнотюркском языке XI—XII вв. — «Советская тюркология», 1975, № 1; *его же*. Послелог в языке письменных памятников XI—XII вв. — В сб.: «Узбек тили грамматик қурилиши, лексикаси ва диалектологияси масалалари», Самарканд, 1976.

наличие в настоящее время начальных стадий десемантизации отдельных усилительных слов. В монографии рассмотрены почти все вспомогательные слова, служащие для усиления значения прилагательных, наречий, отчасти причастий и деепричастий. Автор отмечает, что система вспомогательных слов для выражения отдельных типов значений развита не только у глаголов, но и у имен.

Сопоставление аналитических средств усиления признака у имен прилагательных с аналогичными средствами выражения характера протекания действия у глаголов, с одной стороны, а также с лексико-семантическими (ср. узб. *səlim* 'приятный',

'миловидный', *čirojli* 'красивый', *gəzal* 'прекрасный', *zebo* 'распрекрасный'; *imilla-* 'шевелиться', *jig-* 'ходить', шагать, *čor-* 'бежать', *jel-* 'нестись') и морфологическими (*čirojliroq* 'краше', *qizilča* 'красноватый' и т. д.) способами выражения степени признака, с другой, позволяет предположить наличие универсальной семы «степень признака», проявляющейся в различных частях речи по-разному и существенно видоизменяющейся. Данная проблема может стать объектом дальнейших языковедческих изысканий.

Х. Г. Нигматов, С. Т. Гиясов

А. МЕМЕТОВ. ТАТАР ТИЛИ ГРАММАТИКАСЫНЫҢ ПРАКТИКУМЫ

«УҚИТУВЧИ» НӘШРИЯТИ, ТОШКЕНТ, 1984, 152 стр.

Крымскотатарский язык относится к числу малоизученных тюркских языков. Поэтому любое лингвистическое издание, посвященное этому языку, неизменно привлекает внимание тюркологов. Рецензируемая книга А. Меметова является первой описательной грамматикой современного крымскотатарского литературного языка. Она включает обширный иллюстративный материал, извлеченный из произведений крымскотатарской литературы и устного народного творчества. Исследование дает общее представление об основных грамматических единицах различных уровней (фонетического, лексического, морфологического) крымскотатарского языка в их системных и структурных отношениях.

Работа открывается разделом «Фонетика», в котором подробно рассматриваются важнейшие вопросы фонетики крымскотатарского языка, даются сведения об устройстве речевого аппарата, о различных типах слогов и особенностях ударения, детально характеризуются гласные и согласные.

Крымскотатарский вокализм классифицируется автором по трем артикуляционным признакам: горизонтальному положению языка (*ог сыра* 'переднерядные' — *й, и, ö, э; арт сыра* 'заднерядные' — *у, ы, о, а*), вертикальному положению языка (*тар созукълар* 'узкие гласные' — *й, и, у, ы; орта* 'полуширокие' — *ö, э; кенъ* 'широкие' — *о, а*), по участию губ (*дудакълы созукълар* 'огубленные' — *й, ö, у, о; дудакъсыз* 'неогубленные' — *и, э, ы, а*), что в определенной мере соответствует классификации Э. В. Севортяна¹.

Однако, в отличие от Э. В. Севортяна, А. Меметов выделяет группу *орта созукълар* 'полуширокие'.

Согласные классифицируются автором по способу и месту образования, участию шума и голоса, как это принято в тюркологии.

Особое место в рецензируемой работе отведено гармонии гласных и ассимилятивным изменениям согласных в составе слова, в потоке речи; отмечаются случаи нарушения нёбной и губной гармонии гласных в современном крымскотатарском языке, особенно — в заимствованных словах.

Автор рассматривает вопросы правописания гласных и согласных, сложных слов и словосочетаний; при этом им учитывается специфика книги-учебника — все излагаемые положения иллюстрируются текстами, которые способствуют активному усвоению и закреплению пройденного материала. Упражнения и задания, вначале более простые, постепенно усложняются, сообразно с методическими требованиями.

В разделе «Лексикология и лексикография» четко характеризуются такие семантические явления, как прямое и переносное значение слова, способы перенесения наименования с одного предмета на другой, омонимия, дифференциальные признаки омонимичных и многозначных слов, синонимия, антонимия и пути возникновения их в языке.

К достоинствам книги следует отнести и

¹ Э. В. Севортян. Крымско-татарский язык: — В кн.: «Языки народов СССР», т. 2. Тюркские языки, М., 1966, стр. 235.

то, что А. Меметов подробно описывает источники формирования лексики крымскотатарского языка. Он отмечает, что основу лексики крымскотатарского, как и других тюркских языков, составляют слова, восходящие к пратюркскому языку. В ходе исторического развития крымскотатарский язык входил в контакты с иранскими, греческим, арабским, русским и другими языками, в результате чего в крымскотатарский язык проникло значительное количество заимствований, адаптировавшихся в соответствии с его фонетической, морфологической и семантической системой.

Определенный интерес представляют раздел, посвященный крымскотатарской фразеологии, а также приводимые сведения о словарях, изданных в довоенный период.

Основная часть книги посвящена морфологической системе крымскотатарского языка, которая характеризуется единством различных лексико-грамматических групп слов и исторически установившихся грамматических категорий.

При разграничении частей речи А. Меметов, наряду с семантическими и морфологическими признаками, учитывает также и синтаксические их особенности. В крымскотатарском языке он выделяет традиционные знаменательные части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие и глагол; служебные части речи: послелог, союзы, частицы; в отдельную группу объединяются им модальные слова, междометия и мимемы.

В разделе, посвященном имени существительному, описываются лексико-грамматические особенности этой части речи в словоизменении: категории числа, принадлежности, падежа и т. п. Детально рассматривается специфика имени прилагательного как отдельной части речи: степени сравнения прилагательных, образование прилагательных на базе других частей речи и их правописание.

Изложены также морфологические, семантические и синтаксические особенности глагола, описаны категории залога, лица, наклонения, причастия и деепричастия.

Подобно другим тюркским языкам, крымскотатарский язык постоянно обогащается производными словами, образованными морфологическим и синтаксическим способами посредством использования внутренних и внешних языковых ресурсов. Эти вопросы освещены в разделах о словообразовании.

Квалифицированно составлены упражнения, относящиеся к тому или иному грамматическому материалу. Иллюстративные тексты из произведений современных крымскотатарских писателей способствуют расширению запаса слов у изучающего язык и дают общее представление о крымскотатарской литературе.

Видно, при написании данной книги автору приходилось решать, наряду с исследовательской и педагогическими, также задачи, связанные с вопросами крымскотатарской лингвистической терминологии и правописания.

Наряду с отмеченными достоинствами в учебнике, на наш взгляд, имеются некоторые неточности и упущения.

Мало места уделено, как нам кажется, фразеологии, категории залога и модальным словам. Поэтому недостаточно полно раскрыты их особенности. Это, по-видимому, объясняется неизученностью или слабой изученностью многих разделов строя крымскотатарского языка. Не до конца продумана классификация служебных и модальных частей речи. Можно отметить также некоторую непоследовательность в правописании ряда слов, например: *къысымы* (стр. 4), и строкой ниже *къысмы*; *эксери* (стр. 49, 58) и *эксерий* (стр. 39); *арфи* (стр. 56) и *арифи* (стр. 18) и т. д., что, вероятно, объясняется отсутствием твердых правил орфографии крымскотатарского языка.

Однако эти замечания ни в коей мере не умаляют основных достоинств рецензируемой книги, являющейся не только ценным учебным пособием, но и интересным опытом исследования крымскотатарского литературного языка.

К. М. Мусаев

КАМАЛ ТАЛЫБЗАДЭ. АЗЭРБАЙЧАН ЭДЭБИ ТЭНГИДИНИН ТАРИХИ

«МЛАРИФ» НЭШРИЈАТЫ, БАКЫ, 1984. 340 стр.

Изучение истории литературной **критики** в азербайджанском литературоведении непосредственно связано с работами члена-корреспондента Академии наук Азербай-

джанской ССР К. Талыбзаде. Его монография «Азербайджанская литературная критика XX века» (1966) явилась первым значительным исследованием в данной области.

В рецензируемой монографии «История азербайджанской литературной критики» азербайджанская литературная критика прослеживается со времени ее зарождения до 1920 года. Предмет исследования рассматривается автором в органической связи с развитием общественно-философской и эстетической мысли азербайджанского народа как единый историко-литературный процесс. В монографии раскрываются национально-социальные основы формирования литературной критики, ее эстетические и философские истоки, разработана ее историческая периодизация, осмысливаются основные тенденции и течения в ее становлении и развитии.

Формирование национальной литературно-эстетической мысли рассматривается автором на основе трех истоков ее возникновения и последующего развития—это *тезкире*, представляющие собой средневековые исторические обзоры литературы, так называемые поэтические *рисале* (трактаты по теории литературы) и, наконец, сами художественные произведения. Анализ творчества и идейно-эстетических взглядов выдающихся представителей этих направлений таких, как Хатиб Тебризи (XI в.), Низами Гянджеви (XII в.), Насиреддин Туси (XIII в.), Ариф Ардебилли (XIV в.), Мухаммед Физули (XVI в.), Лютфалибек Азер (XVIII в.) и многих других, позволяет автору выявить их роль и значение в истории развития эстетической мысли в Азербайджане.

К. Талыбзаде, так же, как и многие другие исследователи истории критики, считает, что в период, когда критика еще не сложилась как самостоятельный литературный жанр, она находила выражение «внутри» самих произведений художественной литературы. Классическим примером, подтверждающим это положение, является художественное наследие великого Низами. Его «Хамсе», отличающееся общепризнанными высокими художественными достоинствами, изобилует строками, выражающими теоретико-эстетические суждения автора, в том числе о необходимости гармонического соответствия используемых поэтом художественных средств ведущей идее произведения, о важности овладения им современными ему знаниями, о следовании своим оригинальным, не повторяющим других, путем, о выражении своего собственного отношения к жизни и искусству, к художественному творчеству и слову. Подобные теоретические высказывания и послужили основой, подготовившей в дальнейшем образование своеобразной критической «школы».

Особый интерес представляют страницы, посвященные анализу семантических функций распространенных в творчестве классиков терминов.

Вторая глава монографии посвящена анализу литературной критики и истории эстетической мысли в Азербайджане в XIX век. Она включает два раздела: «Зарождение

просветительно-реалистической концепции критики. М. Ф. Ахундов» и «Борьба критической школы М. Ф. Ахундова за просветительно-реалистическую литературу». В этих разделах освещаются важнейшие этапы развития литературной критики XIX века в Азербайджане.

В монографии впервые эстетические взгляды М. Ф. Ахундова исследуются во взаимосвязи с его собственным художественным творчеством. Автор приходит к выводу, что М. Ф. Ахундов был основоположником просветительно-реалистической литературы в Азербайджане, а его критико-эстетическую концепцию питали два источника: пробудившееся национальное самосознание народа и идеи западноевропейского просвещения. При этом формирование его демократических идей и прогрессивных социальных и эстетических взглядов было непосредственно связано с литературным процессом в Азербайджане. К. Талыбзаде рассматривает критические взгляды М. Ф. Ахундова как выражение его понимания сущности искусства, представляющее собой стройную систему, основанную на утверждении реалистического метода отображения действительности.

Значительное место в рецензируемой монографии отводится автором вопросу формирования и развития литературно-эстетических воззрений М. Ф. Ахундова и его последователей.

Заключительная глава монографии посвящена характеристике литературно-эстетических направлений, существовавших в Азербайджане в начале XX века (1900—1920). Особенно тщательно разработаны автором разделы «Литературная критика в начале века» и «Основные течения в литературной критике». Литературная критика в этих разделах рассматривается в философско-эстетическом аспекте как самостоятельный жанр в литературном процессе. Автором выделяются следующие основные течения в критике: реалистическая критика, романтическая критика и марксистская критика, каждое из которых обстоятельно анализируется и характеризуется. Автором привлекается большое количество неизвестных и малоизвестных архивных материалов и публикаций периодической печати.

Начало XX века составило целый этап в истории развития критики в Азербайджане. Именно к этому времени относится зарождение и формирование в Азербайджане марксистского литературоведения и критики.

К. А. Талыбзаде обобщен богатый фактический материал и подробно прослежена эволюция целого ряда теоретических концепций и направлений в литературной критике в Азербайджане с позиций марксистско-ленинской критической и эстетической мысли.

В главе «Консервативно-романтическая критика» автор, исходя из принципов объек-

тивного историзма и марксистско-ленинской методологии, подвергает анализу социально-эстетическую направленность буржуазной критики. Он убедительно показывает плодотворность марксистско-ленинской методологии, дающей исторически верную и объективную оценку литературным явлениям и всему литературному процессу в целом.

Рецензируемая монография К. Талыбзаде

является капитальным исследованием истории азербайджанской критики и, несомненно, будет с интересом и пользой прочитана не только азербайджанскими литературоведами, но и историками литературной критической мысли других тюркоязычных республик и областей.

В. Османлы

СОДЕРЖАНИЕ

К XXVII СЪЕЗДУ КПСС	3

А. Н. Кононов (Ленинград), Э. Р. Тенишев (Москва), Б. Ч. Чарыяров (Ашхабад). Тюркское языкознание в СССР в XI пятилетке. Итоги и проблемы	5

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ РЕСПУБЛИКАХ
В XI ПЯТИЛЕТКЕ. СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

М. Ш. Ширалиев, Э. И. Будагова (Баку).	15
Я. В. Караев (Баку).	18

КАЗАХСКАЯ ССР

А. Т. Кайдаров (Алма-Ата).	22
М. Б. Базарбаев (Алма-Ата).	27

КИРГИЗСКАЯ ССР

А. Садыков (Фрунзе).	30

ТУРКМЕНСКАЯ ССР

Б. Чарыяров (Ашхабад).	34

УЗБЕКСКАЯ ССР

Б. А. Назаров, Э. А. Каримов, И. У. Асфандияров (Ташкент).	41

БАШКИРСКАЯ АССР

Э. Г. Ураксин (Уфа).	47

ТАТАРСКАЯ АССР

Л. Т. Махмутова (Казань).	52
Н. Г. Юзеев (Казань).	56

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Л. К. Байрамова (Казань). Ретроспективный взгляд на переводы фразеологии произведений В. И. Ленина на татарский язык	61

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

А. И. Чудояков (Новокузнецк). История изучения жанра «кай»	67

ОНОМАСТИКА

Г. А. Дегтярев (Ленинград). О номинации трав в чувашском языке	75

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Ф. С. Сафиуллина (Казань). Развитие синтаксиса татарского литературного языка в советскую эпоху	79
Е. М. Мотузенко, Г. А. Гайдаржи (Бельцы). Семантические условия калькирования значений	91
В. С. Познанский (Новосибирск). Материалы по тюркологии в архиве редакции «Сибирской Советской Энциклопедии»	95

РЕЦЕНЗИИ

А. К. Алекперов (Баку). Фиридун Чэлилов. Азэрбајчан дили морфонолокијасындан очерклэр.	102
Х. Г. Нигматов, С. Т. Гиясов (Бухара). А. Хамитова. Туркий тилларда сўз маъносининг аналитик йўл билан кучайтирилиши	104
К. М. Мусаев (Москва). А. Меметов. Татар тили грамматикасынынъ практикумы	105
В. Османлы (Баку). Камал Талыбзада. Азэрбајчан эдэби тэнгидинин тарихи	106

CONTENTS

IN COMMEMORATION OF THE XXVII CONGRESS OF THE CPSU	3
A. N. Kononov (Leningrad), E. R. Tenishev (Moscow), B. Ch. Chariyarov (Ashkhabad). Turkic linguistics in the USSR in the XI Five Year Plan. Results and problems	5

PHILOLOGICAL SCIENCES IN TURKIC LANGUAGE REPUBLICS
IN THE XI FIVE YEAR PLAN, STATE AND PURPOSES

THE AZERBAIJAN SSR

M. Sh. Shiraliyev, Z. I. Budagova (Baku).	15
Y. V. Karayev (Baku).	18

THE KAZAKH SSR

A. T. Kaydarov (Alma-Ata).	22
M. B. Bazarbayev (Alma-Ata).	27

THE KIRGIZ SSR

A. Sadykov (Frunze).	30

THE TURKMEN SSR

B. Chariyarov (Ashkhabad).	34

THE UZBEK SSR

B. A. Nazarov, E. A. Karimov, I. U. Asfandiyarov (Tashkent).	41

THE BASHKIR ASSR

Z. G. Uraksin (Ufa).	47

THE TATAR ASSR

L. T. Mahmutova (Kazan).	52
N. G. Juzeyev (Kazan).	56

LANGUAGES IN CONTACT

L. K. Bayramova (Kazan). Retrospective look at phraseology translations of Lenin's works into Tatar	61

QUESTIONS OF FOLKLORISTICS

- A. I. Chudoyakov (Novokuznetsk). Study of the History of genre «qay» 67

ONOMASTICS

- G. A. Degtiyarov (Leningrad). On «grass» nomination in Chuvash 75

REPORTS, SURVEYS

- F. S. Safiullina (Kazan). Development of the Tatar literary language syntax in the Soviet epoch 79
 Y. M. Motuzenko, G. A. Gaydarji (Beltsy). Semantic aspects of meaning in the process of modelling words and constructions after foreign patterns 91
 V. S. Poznanskiy (Novosibirsk). Materials on Turkology in editorial archives of the «Siberia Soviet Encyclopaedia» 95

REVIEWS

- A. K. Alekperov (Baku). Фиридун Чэлилов. Азэрбајчан дили морфонолокијасындан очерклэр 102
 Kh. G. Nigmatov, S. T. Giyasov (Bukhara). A: Хамитова. Туркий тилларда сўз маъносининг аналитик йўл билан кучайтирилиши 104
 K. M. Musayev (Moscow). A. Меметов. Татар тили грамматикасынынъ прак- тумы 105
 V. Osmanly (Baku). Камал Талыбзаде. Азэрбајчан эдэби тэнгиндин тарихи 106

© «Советская тюркология», 1986 г.

Технический редактор Б. А. Абдуллаев.

Корректор А. А. Гусейнова

Сдано в набор 14.04.86 г. Подписано к печати 30.05.86 г. ФГ 11389. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2 Уч. изд. л. 10,4.

Заказ 1486. Тираж 2170. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»**

ГЛАСНЫЕ

А а — а
 Ä ä — э
 Е е — е
 У у — ы
 І і — и
 О о — о
 Ö ö — ө
 U u — у
 Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б
 V v — в
 G g — г
 G' g' — к (گ)
 Ƣ ƣ — ғ (غ)
 D d — д
 Ž ž — ж
 Ž ž — ч, дж (ج)
 Z z — з
 Δ δ — 3 (ذ)
 J j — j
 Q q — ка (ق)
 K k — ке (ك)
 L l — л
 M m — м

N n — н
 ŋ — н
 ng — н (ڭ)
 P p — п
 R r — р
 S s — с
 T t — т
 F f — ф
 X x — х (خ)
 H h — h, x (ح, ه)
 C c — ц
 Č č — ч (چ)
 Ƨ Ƨ — ʧ (ث)
 Š š — ш

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
 ˘ краткость
 ~ носовой
 ' мягкость